

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 2 (21)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: АТР: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

От редактора рубрики 5

Конончук Д.В., Ячин С.Е. Культурная парадигма: опыт концептуального осмысления 7

Литошенко Д.А. Феномен «Юноны и Авось» в историографии и искусстве 14

Толстых И.Н. Придворные танцы Кореи: этнокультурный аспект 21

Ткачук М.А. Социальный танец в системе межкультурной коммуникации 29

Чулкова С.Б. Значение этнокультурного компонента в процессе обучения китайских студентов русскому языку (на территории Китая) 36

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Налётова Н.Ю. Античность – Византия – Русь: к вопросу о культуросообразном характере традиций образования личности 42

Крупа Т.А. Личность современного преподавателя в контексте инновационного вектора образования 47

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Оселедец А.Г. Особенности формирования сухопутных вооружённых отрядов моряков в конце 1917 – начале 1918 гг. 52

Киреев А.А. Европейская и дальневосточная границы России: две модели управления? 60

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Золотухин И.Н. ЮВА как сфера столкновения интересов КНР и США на современном этапе: взгляд из России 70

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ АТР

Журбей Е.В. «Мозговые центры» и внешняя политика Новой Зеландии: история вопроса 76

STUDIO

Наливайко П.Н. Состояние российского федерализма на современном этапе: политологический анализ (по материалам социологического исследования, проведённого в 2011-2012 гг. в Приморском крае) 86

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Жерновой М.В., Сухаренко А.Н. Транснациональные аспекты незаконного оборота российских культурных ценностей 106

Владивосток
2012

РЕЦЕНЗИИ

Фостер Л.А. Книга-справочник о русских организациях в Америке **111**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Латушко Ю.В. Российские и зарубежные молодые учёные обсудили проблемы и перспективы развития Тихоокеанской России и мира **117**

СОКРАЩЕНИЯ **121**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев (ответственный редактор), Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун, О.И. Шестаков, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 2 (21)

*scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: ASIA-PACIFIC REGION: CULTURAL ASPECT

- From the editor of the heading 5
- Kononchuk D.V., Yachin S.E.** Cultural Paradigm:
experience of conceptualization 7
- Litoshenko D.A.** The phenomenon of «Juno and Avos»
in the historiography and the art 14
- Tolstykh I.N.** The court dances of Korea:
ethnocultural aspect 21
- Tkachyuk M.A.** Social dance in the system
of intercultural communication 29
- Chulkova S.B.** The importance of ethno-cultural
component in the process of studying of the Russian language
by the Chinese students (in China) 36

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Nalgotova N.J.** Antiquity - Byzantium - Russia:
to the question of cultural nature of traditions
of education of the personality 42
- Krupa T.A.** The personality of the modern teacher
in a context of an innovative vector of education 47

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

- Oseledets A.G.** Features of formation
of the overland armed groups of seamen
in the end of 1917 – beginning of 1918 52
- Kireev A.A.** European and Far Eastern borders of Russia:
are they two models of management? 60

WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS

- Zolotukhin I.N.** Southeast Asia as Sphere of Collision
among the Peoples Republic of China (PRC) and the USA
at the present stage: a View from Russia 70

THE ANALYTICAL CENTRES OF APR

- Zhurbey E.V.** «Think tanks» and foreign policy
of New Zealand: Background 76

STUDIO

- Nalivaiko P.N.** The state of Russian federalism
at the present stage: political analysis (based on the survey
conducted in 2011-2012 in the Primorsky Territory) 86

SCIENTIFIC MESSAGES

- Zhernovoy M.V., Sukharenko A.N.** Transnational
illicit trade in Russian art 106

Vladivostok
2012

REVIEWS

Foster L.A. Book Directory of Russian Organizations
in America **111**

SCIENTIFIC LIFE

Latushko Yu.V. Russian and foreign young scientists
have discussed the problems and prospects
of Pacific Russia and the world **117**

REDUCTIONS **121**

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij,
A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey, I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina, V.N. Karaman,
A.A. Kireev(Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov,
Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, S.V. Sevastyanov,
Choj Nak Dzhun, O.I. Shestak, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok
state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with
those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications,
connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Специальная рубрика «АТР: культурологическое измерение» была предложена нами около года назад не без умысла. Напротив, нами двигал ряд мотивов, в своей совокупности, делающих появление данной рубрики весьма своевременным и закономерным.

Произошедшие в последнее время значительные перемены в структурной организации научно-образовательного пространства юга российского Дальнего Востока, поставили на повестку дня вопрос о составе и характере субъектов поля культурологических исследований в указанном пространственном ареале, и в этом состоит первый побудительный мотив. Второй мотив определяется интересом к содержанию и направленности проводимых субъектами рассматриваемого культурологического поля исследований. Иными словами, мы хотели бы узнать «кто, чем живёт и кто, чем дышит». Третий мотив, лёгший в основу нашей инициативы, заключается в определении содержания культурологического взгляда на Азиатско-Тихоокеанский регион, в настоящее время являющийся объектом пристального внимания и высказываний со стороны представителей всего спектра социогуманитарных наук. В этом ключе чрезвычайно важно понять, какое место региональная тематика занимает в работах представителей культурологического научно-образовательного сообщества, сложившегося на юге российского Дальнего Востока.

Используя тематическую рубрику в качестве информационного повода, своего рода символической провокации мы намеревались стимулировать культурологическое сообщество к тому, чтобы оно проявило себя путём создания массива текстов, которые планировалось опубликовать на страницах очередного номера научно-теоретического журнала «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Насколько это нам, в конечном итоге удалось судить предлагается читателям.

Открывает специальную рубрику статья доктора философских наук, профессора С.Е. Ячина и кандидата философских наук Д.В. Конончука «Культурная парадигма: опыт концептуального осмысления». В своей статье авторы предпринимают попытку осмысления роли образцов и схем, рефлексивно используемых людьми для решения жизненных задач в рамках той или иной культуры. Иными словам, авторы рассматривают культурную парадигму как ядро культуры, вне пространственной и временной конкретики последней. Отрадно осознавать, что заявленная в качестве концептуальной, статья С.Е. Ячина и Д.В. Конончук, тем не менее, имеет значительный познавательно-интерпретационный потенциал в плане совершенствования понимания культурных реалий и особенностей не только АТР в целом, но отдельных, входящих в него субрегиональных общностей.

В статье «Феномен «Юноны и Авось» в историографии и искусстве», представленной кандидатом исторических наук, доцентом Д.А. Литошенко, автором предпринимается попытка комплексного осмысления содержания рассматриваемого явления, его природы и функционирования в смысловых полях историографии, искусства и популярной культуры. Особое внимание автор статьи обращает на роль феномена «Юноны и Авось» в формировании региональной исторической мифологии и транстихоокеанской идентичности, выступающих, в свою очередь, «несущими конструкциями» азиатско-тихоокеанской региональной общности.

Своего рода прикладным развитием идей первой статьи специальной рубрики выступает работа кандидата исторических наук И.Н. Толстых «Придворные танцы Кореи: этнокультурный аспект». Исследуя один из колоритнейших аспектов культурного наследия Кореи, автор

вскрывает ряд тенденций, в своей совокупности, определивших своеобразие корейских придворных танцев. По мнению автора на формирование придворных танцев Кореи решающее влияние оказали как танцевальные традиции корейского народа, так и иностранные, главным образом – китайские, заимствования, которые, в свою очередь, стали возможными и оказались способными укорениться на корейской почве благодаря общности культурной парадигмы, определяющей социокультурный климат в пределах дальневосточно-конфуцианского цивилизационного ареала.

Исследованию роли танца как средства коммуникации посвящена статья М.А. Ткачук «Социальный танец в системе межкультурной коммуникации». Помимо уточнения природы социального танца и изучения связанных с ней его прикладных возможностей в сфере межкультурной коммуникации, автор статьи убедительно доказывает тезис о значимости социального танца в системе межкультурной коммуникации в качестве универсального языка общения, позволяющего с высокой степенью эффективности преодолевать языковые барьеры, что, безусловно, будет способствовать гармонизации отношений в столь неоднородном в этническом, религиозном, мировоззренческом плане регионе, как Азиатско-Тихоокеанский.

В статье кандидата культурологии С.Б. Чулковой «Значение этнокультурного компонента в процессе обучения китайских студентов русскому языку (на территории Китая)» обосновывается необходимость приобщения осваивающих русский язык к основам связанной с ним культуры. Наряду с изучением русского языка как средства общения автору представляется важным овладение языком культуры, ведь только при соблюдении этого условия можно говорить об адекватном переводе смыслов с одного языка на другой. Помимо теоретических построений статья содержит и практические предложения по организации эффективного изучения отечественной культуры китайскими студентами в рамках внеучебной деятельности. Автор делится собственным опытом подобного рода работы, и приведённые им примеры конкретных форм организации изучения китайскими студентами русской культуры служат украшением статьи.

Д.А. Литошенко

УДК 130.2

*Конончук Д.В., Ячин С.Е.
Kononchuk D.V., Yachin S.E.*

Культурная парадигма: опыт концептуального осмысления

Cultural Paradigm: experience of conceptualization

Авторы предлагают трактовать культурную парадигму как смысловое ядро культуры, в истоке восходящее к историческому Событию, деянию исторического Лица, как таковое способное служить живым примером для последующих поколений. Культура сохраняет свою жизненность постольку, поскольку она способна удержать эту историческую связь.

Ключевые слова: *культурная парадигма, смысл, историчность человеческого бытия, рефлексия*

The authors propose to treat the cultural paradigm as the core meaning of culture. In a source it is rising from a historical event as act of a person and so it can serve as the living example for future generation. Culture retains its vitality as long as can keep this historical connection.

Key words: *cultural paradigm, meaning, historicity of human being, reflection*

В этой статье мы хотим представить свои соображения относительно роли осмысленных (рефлексивных) образцов в сохранении жизненности культуры, и тем самым внести свой вклад в нескончаемый теоретический спор о критериях сравнения и специфики культур.

Не будем скрывать, что наша позиция представляет собой экстраполяцию на общекультурную ситуацию модели становления личности в культуре. Думаем, что ни для кого не является секретом, что (1) наиболее значимым (поучительным) для воспитания личности является живой пример, (2) что жизненно важные решения принимаются в ситуации выбора и потому (3) они по необходимости вынуждены быть осознанными (рефлексивными), (4) что живые примеры имеют свойство трансформироваться в схемы жизнедеятельности и деградировать в стереотипы и автоматизмы паттернов поведения.

Но указанная экстраполяция теоретически опосредована. В первую очередь этот ход мысли обязан работе Дж. Агамбена «Детство и история. Деструкция опыта» [13]. Законность экстраполяции также обусловлена пониманием особой роли личности в развитии культуры [11] и принципами метакультурной компаративистики, которая вычленяет в культуре особый предмет исследования: рефлексивный опыт культуры, т.е. то, как культура осмысляет саму себя [12].

КОНОНЧУК Дмитрий Васильевич, к.ф.н., доцент кафедры философии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** Novymkladshy@yandex.ru

ЯЧИН Сергей Евгеньевич, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** yachin@land.ru

Культурная общность ведёт себя точно так же. Она питается живыми примерами реальных исторических событий, в число которых прежде всего входят деяния исторических личностей. Зависимость такова, что культура жизненна лишь постольку, поскольку она способна парадигмально сохранять эту связь, рефлексивно удерживая Событие¹ как смысловое ядро культуры. Это ядро и есть культурная парадигма. В данном случае слово «парадигма» (παράδειγμα), мы используем в его дословном значении: «первообраз», «образец», «поучительный пример». Парадигмальность культуры – означает, что носитель культуры способен увидеть за схемами своей жизнедеятельности «поучительные примеры», осмысленно следовать им как образцам при принятии значимых решений, говоря, «я поступаю по образу и подобию ... (имя – обязательно)» или «я действую согласно учению ... (имя – обязательно)».

Центральный вопрос жизненности культуры, как таковой не возникающий при становлении отдельной личности, состоит в том, каковы условия, которые делают некоторое личностное Событие истории парадигмальным. Почему со временем парадигмальность культуры деградирует (или может деградировать) до мёртвых схем и симулякров?

1

Под культурной парадигмой мы будем понимать образец и схему, рефлексивно используемые людьми для решения жизненных задач в рамках той или иной культуры. Обратим особое внимание на связь между образцом и рефлексивностью. Даже в редуцированных случаях подражания кумиру, его фанат отчётливо знает, кому он подражает. Следование поучительному примеру невозможно на бессознательном уровне. Совсем другое дело стереотипы или паттерны поведения. Схемы восприятия и действия как правило не осознаются. Нужны специальные рефлексивные методики, чтобы вывести схемы на уровень сознания.

В нашем понимании культурная парадигма носит принципиально исторический характер, она сообразна историчности человеческого сознания, она обеспечивает связь поколений, и только потому и затем – связь внутри поколения [9]². Этой установкой на историчность предлагаемая трактовка культурной парадигмы отличается от других. Сам термин «культурная парадигма» имеет достаточно широкое хождение, употребляется в самых разных значениях, но, как правильно замечает автор вышеуказанной работы, имеет характер речевого клише, типа «культурная парадигма – это сложившийся в данной культуре поведенческий паттерн» [3]. Заметим, что автор (Н.Б. Бокач) обнаруживает другую крайность. Собрав в этом понятии все возможные аспекты и функции (когнитивные, аксиологические, междисциплинарные и проч.) но при этом упустив самое существенное – то, что парадигма обеспечивает историческую преемственность культуры.

Тема историчности или временности человеческого сознания и бытия прочно вошла в современную философию благодаря В. Дильтею и М.Хайдеггеру. Идея историчности обращает внимание на следующий факт: осмысленные связи между людьми проходят циклично только через их общую память (через прошлое) и общие планы (через

¹ Понятие События, в основном благодаря М.Хайдеггеру, в современной философии приобрело категориальный смысл, в каком-то оно здесь и употребляется.

² Автор определяет культурную парадигму как «жизненный стиль эпохи», «отражающий реально существующий феномен целостности культурных явлений, фактор их стилизованности, обеспечивающий единство культуры на эмпирическом уровне».

будущее). Настоящее время для человека и непосредственная связь между людьми конституированы сознанием времени (прошлого и будущего). Это нужно просто иметь в виду при любой трактовке человека и культуры.

При своём появлении культурная парадигма своей рефлексивностью отличается от текущей культурной традиции, и даже нередко вынуждена противостоять её слепому консервативному напору, она может быть представлена как ставшее образцом «событие, которое понуждает нас решиться на новый способ быть» [1, с. 64]. Но, чаще всего, претерпев необходимую эволюцию и победив, именно культурная парадигма формирует культурную традицию заново, часто изменяя её до неузнаваемости.

Культурная парадигма, в целом, ведёт себя так же, как и научная парадигма в понимании Т. Куна, и даже, в плане большей определённости, имеет некоторые черты научно-исследовательской программы И. Лакатоса. Аналогии и различия культурной парадигмы с вышеозначенными двумя понятиями заключаются в следующем:

1) Культурная парадигма возникает как способ решения жизненных задач, осмысленный на рефлексивном уровне. Необходимость рефлексии вызвана тем, что решения нужно принимать в условиях выбора альтернатив. Чаще всего эти задачи приходят в форме острых проблем, под ударом которых оказалась культура. Парадигма – всегда реакция на события внутри условий. Однако отличие наблюдается в том, что в научной парадигме кризис чаще всего имеет внутренний характер и может быть связан, например, с критической массой новых научных данных. Культурная же парадигма представляет собой либо реакцию на социально-политические события, структурно внеположные культуре (конфуцианство в условиях кризиса эпохи Чжоу, платонизм в условиях кризиса греческого полиса, христианство в условиях римского гнёта в Иудее, протестантизм в условиях капиталистических перемен), либо реакцию на инокультурное вторжение (неоплатонизм в условиях роста популярности христианства, неоиндуизм в условиях роста популярности западной культуры);

2) Культурная парадигма чаще всего возникает в условиях конкуренции с другими парадигмами. В значительной мере ситуация в культуре будет определяться именно конкуренцией парадигм. При этом залогом победы в борьбе с конкурентами для культурной парадигмы является не большая истинность, но большая рефлексивность к внешним условиям и большая эффективность в решении практических задач. В дальнейшем мы подробнее продемонстрируем это свойство культурной парадигмы на частных примерах;

3) Культурная парадигма способна быть следствием инокультурных новаций, но, победив, может оказывать обратное влияние на иницировавшие её культурные традиции (греческая философия, испытавшая на себе ближневосточные влияния, а затем фундировавшая собой ближневосточную науку, коммунизм, возникший в Европе, и вернувшийся в Европу после реализации в России);

4) Культурная парадигма, став укоренённой и превратившись в традицию, обладает чрезвычайной живучестью. Этим, в частности, объясняется тот простой факт, что за многовековую историю человечества культурных парадигм, оказавших целостное и решающее влияние как минимум на одну этническую общность, насчитывается не так много. Уничтожить культурную парадигму искусственным способом возможно, по-видимому, только вместе с её носителями. Примеры насильственного навязывания парадигм демонстрируют его слабую эффективность. Так, христианство в России стало доминирующей парадигмой только лишь в

XIV в., спустя почти четыре столетия после официального его принятия властью, а именно тогда, когда русская культура выдала сама запрос на формулировку своей идентичности перед лицом внешней политической и культурной угрозы. При этом христианство вынуждено было признать многие дохристианские культурные паттерны (в первую очередь, многие языческие праздники [10]). В свою очередь, коммунистическая парадигма, которая сделала заявку на преодоление христианской, даже в моменты своего наивысшего расцвета также вынуждена была признать некоторые языческо-христианские по происхождению паттерны (в первую очередь, опять же всё те же праздники). Парадигмы отживают сами по мере того, как падает их эффективность в новых условиях или по мере потери своих сторонников.

5) Культурная парадигма в некотором отношении являет структуру, сходную со структурой лакатосовской научно-исследовательской программы. В ней также просматривается «жесткое ядро», состоящее из парадигмальных догматов, и «защитный пояс», охраняющий ядро и получающий из него идейную пищу для собственного развития. Но аналогия здесь скорее внешняя. Дело в том, что парадигму следует отличать от доктрины, например, религиозной. Различие заключается в том, что доктрина чаще всего имеет своё чётко артикулированное идеологическое и институциональное выражение, в то время как парадигма не может являться делом какой-либо отдельной организации. Носителем парадигмы, как и носителем культуры является только крупная социальная общность, в которой парадигма присутствует уже не всегда рефлексивно, но зато она оказывается инкорпорированной в дискурс, в габитус, в ментальность своих носителей и поэтому проявляется в повседневной жизни в мире. Можно отрицать собственную принадлежность к христианской религии, и при этом являться носителем христианской парадигмы. Более того, известно, что русский коммунизм, объявивший на институциональном уровне войну христианству, во многом сам является не только детищем христианской парадигмы, но и отчасти её собственным выражением [2].

Относительно культурной парадигмы можно сказать то же, что Ж. Делёза и Ф. Гваттари говорят о концептах и теориях: на каждой из них «стоит авторская подпись» [4]. Поскольку парадигмы в большинстве случаев следует именовать по названию сформировавших их учений, а учения чаще всего именуют себя по авторству, то автором культурных парадигм будут реальные личности: Конфуций – конфуцианской, Христос – христианской, Будда – буддийской и т.д.

2

В архитектонику культуры входит необходимость давать человеку осмысленные ответы на жизненно важные вопросы [5]. В принципе их можно свести к знаменитым четырём кантовским: что я могу знать, на что надеяться, что должен делать и что есть человек. Если данная культура не способна дать таких ответов, то личность мигрирует в другую культуру, чтобы там их найти. Но вопросы показательны тем, что они, во-первых, характеризуют способность культуры иметь собственный рефлексивный опыт, и, во-вторых, они не допускают абстрактности. Эти вопросы парадигмальны для культуры, а это и значит, что для ответа на них нужны живые образцы. При решении жизненных вопросов человек категорически не может следовать абстрактным схемам или «методическим рекомендациям».

Событие становится парадигмальным для культуры только при том условии, если оно порождает контур собственного самоописания (са-

моререференции). Собственно, именуя нечто случившееся в истории событием, мы это уже и подразумеваем¹. Характерной формой самоописания события является созданное на его базе или самим автором учение. По крайней мере начиная с Осевого времени подавляющее большинство религиозных, философских и идеологических учений носят ярко выраженный авторский характер, являясь результатом творческого вклада в культуру той или иной личности. Иными словами, в большинстве случаев источник будущей парадигмы – это рефлексивное бытие-в-Мире некоторых Личностей, ставших для человечества великими Учителями: Конфуций и Платон, Будда и Иисус Христос, Мухаммед и Лютер принадлежат к их числу. Однако это не означает, что, например, Демокрит или Мо-цзы, жившие в одну обозримую эпоху соответственно с Платоном и Конфуцием автоматически проигрывают им в даровании, поскольку их учения так и не превратились в значимые для своих культур парадигмы. Предтечи Мартина Лютера, Дж. Уиклиф и Ян Гус не уступали ему ни в философских талантах, ни в мастерстве воздействия на массы. Но к тому, чтобы некое учение стало парадигмой, как представляется, должна привести результирующая нескольких факторов:

а) Наличие в текущей парадигме противоречия между способом осмысления Мира и способом бытия-в-Мире. В качестве примеров таких осмысленных противоречий, как правило, вызвавших к жизни целое поколение мыслителей, генерирующих комплекс учений, можно назвать, скажем: несоответствие образа гармоничного и справедливого Поднебесного мира вероломству и кровопролитию эпохи Чжаньго в V – III вв. до н.э. (конфуцианство, даосизм, моизм, легизм); переживание отсутствия Смысла Жизни в упадок мощи Римской Империи III – IV вв. (христианство, митраизм, культ Исида, культ Сераписа, неоплатонизм, герметизм); противоречие между христианскими ценностями и миром дикого рынка в Европе XIV – XVI вв. (протестантизм, ереси в католицизме, новоевропейская научная парадигма).

б) Личная харизма основателя учения (реальная или вымышленная, как в случае с Лао-цзы или Гермесом Трисмегистом);

в) Привлекательный способ разрешения противоречия, и, как следствие, г) Значительное количество адептов учения, обладающих способностями и готовностью к его продвижению в массы, созданию привлекательных эталонных образов, доктринизации учения (т.е. смысловой модификации с учётом частных условий, ликвидации смысловых лакун между культурным эталоном и способом бытия-в-Мире) и, само распространение учения в массах общества;

д) Поддержка учения со стороны власти. Как правило, этот весьма прозаичный фактор является решающим на пути окончательного превращения учения в успешную парадигму и её победы в борьбе с конкурентами. Конечно, не власть делает парадигму парадигмой. Но власть способна обеспечить парадигму последователями, искусственно подавить активность других парадигм и иными способами обеспечить парадигме долгую историческую жизнь. Ни одна из ведущих культурных парадигм не завоевала себе жизненное пространство иным путём. Очень оригинальные, популярные в своё время, доктринизированные и просуществовавшие не одно столетие парадигмы так и сошли на нет, будучи по каким-либо причинам обойдены этим фактором. Таковы, например, пифагорейская или моистская парадигмы.

Совсем не обязательно, чтобы все вышеназванные факторы сложились в одно время. Например, появление учения может не совпадать с регионом его распространения ни во времени, ни в пространстве. Так,

¹ Самореферентность сущностная черта всех социальных явлений, как это показывает Н.Луман [8].

христианство завоевало популярность среди широких масс Империи лишь в III в., т.е. спустя 200 лет после европейской проповеди Павла. И, конечно, власть (редко – её узурпация адептами парадигмы) тоже заставляла себя долго ждать в исторической приёмной, о чём свидетельствуют, например, следующие 100 лет истории христианства до возвышения его Константином I. Лишь очень немногие «счастливые» учения демонстрируют нам совпадение всех факторов в одно время. Таковы, например, учения Мухаммеда и Лютера, уже при жизни их основателей ставшие парадигмами и прорвавшиеся к политической власти.

е) Последней по счёту, но не по важности, мы назовём очень странную эпистатическую способность парадигмы выражаться в ясных и кратких принципах, афоризмах или притчах. Таково условие её доступности для масс, но одновременно в этом же состоит её риск и возможность будущей деградации. С достаточной неизбежностью принцип отрывается от контекстуально породившего его учения, оплачивая глубиной за простоту, превращается в некое абстрактное правило (ещё сохраняющее осмысленную связь с учением), а затем в некий стереотип восприятия и поведения (паттерн). Как правило, востребованные той или иной исторической ситуацией паттерны, хотя фактически и восходят к парадигмальному учению, но по духу вступают с ним в содержательное противоречие.

Культурная парадигма, укореняясь и превращаясь в традицию, обретает чрезвычайную живучесть. Этим, в частности, объясняется тот простой факт, что за многовековую историю человечества культурных парадигм, оказавших целостное и решающее влияние как минимум на одну этническую общность, насчитывается не так много. Уничтожить культурную парадигму искусственным способом возможно, по-видимому, только вместе с её носителями. Примеры насильственного навязывания парадигм демонстрируют его слабую эффективность.

Культурная парадигма должна быть различена с культурной доктриной, например, религиозной. Различие заключается в том, что доктрина чаще всего имеет своё чётко артикулированное идеологическое и институциональное выражение, в то время как парадигма имеет иную природу. Носителем парадигмы, как и носителем культуры, является только крупная социальная общность, в которой парадигма присутствует не всегда рефлексивно, но зато она оказывается инкорпорированной в дискурс, в габитус, в ментальность своих носителей и поэтому проявляется в повседневных культурных паттернах.

Решающее же различие между культурной доктриной и культурной парадигмой мы видим в онтологическом статусе последней. В любой развитой доктрине со временем намечаются направления, которые относятся к ней как части к целому. Так, например, католицизм и православие – направления в христианстве, шиизм и суннизм – в исламе и т.д. Мы полагаем, что подобная сепарация внутри парадигмы неправомерна. Разумеется, мировоззрение католика существенно отличается от мировоззрения православного, но говорить о «субпарадигмах» было бы неверно. Дело в том, что парадигма обладает целостностью по отношению к решению жизненных задач, иначе бы она не была бы парадигмой. Поэтому, дробясь, меняя название и содержание, парадигма остаётся парадигмой, сохраняя свою целостную природу. Например, особое отношение русских старообрядцев к труду представляет собой единый культурный паттерн, но при этом является результирующей христианской, православной, и старообрядческой культурных парадигм сразу.

Сказанное здесь мы попытаемся проиллюстрировать в нашей второй статье на примере конфуцианской культурной парадигмы. Несмотря на всю специфичность восточноазиатской культуры (с позиции куль-

туры Западной), конфуцианская культурная парадигма не является собой что-то уникальное и неповторимое. Напротив, её история является собой очень и очень типичный и потому весьма показательный пример судьбы культурной парадигмы как таковой. Вообще, в современной культурной компаративистике всё более распространённым является убеждение, что именно так называемый «Восток», в частности, Китай как раз и является собой «нормальный» случай развития цивилизации, в то время как Запад – это уникальная продуктивная аномалия. Но конфуцианская культурная парадигма имеет, тем не менее, целый комплекс общих структурных черт с парадигмами Запада, в первую очередь – с христианской.

Литература

1. Бадью А. Этика. Очерк о сознании зла. СПб.: Machina, 2006. 126 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
3. Бокач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа. Автореферат дисс... канд. филос. н. Волгоград, 1998.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
5. Дробышева Е.Э. Архитектоника культуры: опыт культурфилософской рефлексии. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010.
6. Кун Т. Структура научных революций. М: АСТ, 2009. 320 с.
7. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций. М: АСТ, 2009. С. 455-524.
8. Луман Н. Самоописания. М.: Логос-Гнозис, 2009. 320 с.
9. Найдорф М. К проблеме культурологической терминологии: о механизмах культурной мотивации/ URL: http://www.countries.ru/library/theory/culturological_terminology.htm [Дата обращения: 25.04.2012 г.]
10. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
11. Ячин С.Е. Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред // *Личность. Культура. Общество.* (Международный журнал социальных и гуманитарных наук). 2010, т.12. Вып.1 (№ 53-54). С.108-116.
12. Ячин С.Е., Конончук Д.В., Поповкин А.В., Буланенко М.Е. Дао и Телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 324 с.
13. Agamben Giorgio. *Infancy and History. The Destruction of Experience.* L., N-Y.: Verso, 1993. 256 p.

УДК 782.8

Литошенко Д.А.
Litoshenko D.A.

Феномен «Юноны и Авось» в историографии и искусстве

The phenomenon of «Juno and Avos» in the historiography and the art

В статье рассматривается специфический феномен рок-оперы «Юнона и Авось», оказавший влияние на развитие историографии, искусства и популярной культуры. Вскрывается мифо-эпическая природа исследуемого феномена. Намечается подход к преодолению негативных последствий влияния феномена «Юноны и Авось» на историографию и историческое сознание общества.

Ключевые слова: феномен, историографическая традиция, мифо-эпическая природа, региональная идентичность, историческое сознание, исторические представления, Юнона и Авось, Резанов, Крузенштерн, историческая личность, художественный образ

The article is devoted to a specific phenomenon of the rock-opera «Juno and Avos», which had an influence on the development of historiography, art and popular culture. In the article the mytho-epic nature of the investigated phenomenon is opened. It is planned an approach to overcome the negative consequences of influence of the phenomenon of «Juno and Avos» on historiography and historical consciousness of the society.

Key words: phenomenon, historiographical tradition, mytho-epic nature, regional identity, historical consciousness, historical performances, Juno and Avos, Rezanov, Krusenstern, historical personality, artistic image

Да простится нам махровый авторский волюнтаризм, но начать эту статью мы позволим себе с небольшого лирического отступления, которое можно с претензией на литературный пафос обозначить как «Мое открытие феномена «Юноны и Авось». Итак, первое наше знакомство с советской рок-оперой (или как тогда было принято это называть – современной оперой) состоялось где-то между 1981 и 1985 годами. Именно тогда в доме моих родителей в глубоко провинциальном п.г.т. Дальнегорск Приморского края появилась знаменитая зелено-белая, по большей части, картонная коробка, содержавшая в себе две виниловых пластины с записью оперы (именно так гласила надпись на коробке) Алексея Рыбникова «Юнона и Авось», автором либретто которой выступил ещё молодой, но уже ставший популярным, советский поэт Андрей Вознесенский. Уже тогда на меня произвели большое впечатление музыкальные темы из «Юноны и Авось»: Песня моряков «Авось» и Белый шиповник. Не будем вводить в заблуждение читателей, но тогда (в старшем дошкольном возрасте) смысл, как отдельных тем, так и всего произведения был нам непонятен, но получаемое эстетическое удовольствие с

ЛИТОШЕНКО Денис Александрович, к.и.н., доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток).
E-mail: magistr@hist.dvgu.ru

лихвой компенсировало ускользание «Жар-птицы» смысла.

Второе открытие нами «Юноны и Авось» случилось в первой половине 1993 года (в канун 190-летнего юбилея начала первой русской кругосветной экспедиции и посольства графа Н.П. Резанова в Японию), когда под руководством своих школьных наставников: Н.М. Резепкиной (учитель истории) и О.И. Силантьевой (классный руководитель), наш класс проникал в хитросплетения отечественной истории первой половины XIX в. Тогда у нас сложилось ощущение, что романс «Я тебя никогда не забуду» мог послужить лейтмотивом для всего событийно-фактографического контекста истории России александровского и николаевского времени. Романтический мемориал в стихах просвещенной грусти поколений радетелей о благе Отечества, им же отвергаемых, преследуемых и немилосердно караемых. В связи с этим в нашем сознании возникали параллели между рок-оперой «Юнона и Авось» и многотомным романом Л.Н. Толстого «Война и мир», как ни крути, но оба произведения содержат «декабристскую тему» в качестве метасюжетной линии.

И, наконец, третье наше открытие феномена «Юноны и Авось» состоялось в начале лета 2011 года (в канун тридцатилетия первой постановки рок-оперы). В этот раз «Юнона и Авось» предстала перед нами как артефакт смысла медиополя современной популярной культуры, часть художественного наследия советского и российского общества. Кроме того, это открытие совпало по времени со знакомством с любопытным историографическим казусом, сделавшим очевидным существование историографии двух антагонистических традиций, активно разделяемых и поддерживаемых нашими коллегами по цеху (мнение которых пользуется внушительным авторитетом, но далеко не всегда имеет отношение к объективности и исторической справедливости, к истине — наконец), что подстегнуло наш профессиональный интерес. В итоге, все перечисленные обстоятельства обусловили появление данного исследования.

К концу 70-х гг. XX в. стала очевидной патовая ситуация в глобальном противостоянии, абсурдность доктрины ядерного сдерживания и порожденной ей гонки вооружений. Но самое главное заключалось в том, что социалистический лагерь так и не смог переломить ход «холодной войны» в гуманитарной области в свою пользу. Безусловно, в то время ещё нельзя было однозначно вести речь о глобальном поражении, но слабость собственных позиций и эфемерность достигнутых результатов становились всё более и более очевидными. На повестку дня всё настойчивее проникают вопросы разрядки, диалога и мирного урегулирования противоречий. В этой ситуации руководство Советского Союза предпринимает некоторые шаги, призванные изменить не только и не столько вектор внешней политики государства, а прежде всего содержание внешнеполитических инициатив. Необходимо было вытеснить из сознания мировой общественности образ «Империи Зла» и заменить его более позитивной имажинативной конструкцией. Этому способствовало и принятие новой конституции в 1977 г., и проведение в Москве олимпиады 1980 г. и др. Однако ригоризм официальной идеологии не позволил сформулировать новые принципы в доступной для понимания форме и, по возможности, оперативно. Это пришлось сделать поэту, величие которого, по мнению остроумца Поля Валери, заключается в умении точно улавливать словами то, что они лишь смутно прозревают рассудком.

В далеком 1970 году А. Вознесенским была написана поэма «Авось!» [5], через восемь лет ставшая литературной основой рок-оперы «Юнона и Авось». Путь к пониманию того, почему столь неоднозначный сюжет, столь противоречивые образы были извлечены из исторического небытия и обрели новую жизнь, а может быть и бессмертие, в про-

странстве экстремально неформатной для отечественного театрального искусства того времени постановке, лежит в русле осмысления канона советского гуманизма. Этический канон советского гуманизма, в частности, постулировал два принципа: 1) нравственные качества любой и всякой человеческой личности могут быть улучшены; 2) увеличение значимости и повышение степени персональной ответственности отдельно взятого человека за всё происходящее не только вокруг него, но и во всём мире. С нашей точки зрения, именно эти принципы явились основой того, что именно образ Н.П. Резанова был выбран для создания эпической предыстории налаживания конструктивного, тогда ещё, – советско-американского взаимодействия. Исторически аутентичный Н.П. Резанов подходил для этого как нельзя лучше: рано овдовевший русский дворянин, член Главного правления Российско-Американской Компании, руководитель неудачного посольства в Японию, участник (и как ему самому казалось – руководителем) первой российской кругосветной экспедиции, светский шеголь и куртуазный сердцеед, носитель мистической религиозности (и, возможно, прогрессирующего душевного расстройства), нареченный юной калифорнийской возлюбленной, жизненным мытарствам которого конец был положен трагической случайностью (провалившейся в ледяную воду лошадей), сделавшей его последним пристанищем суровую краснуюрскую землю. На таком фактическом материале усилиями авторов рок-оперы «Юнона и Авось» был создан потрясающе романтический образ, открывающий галерею колоритных образов персонажей постановки: Кончита Аргуэльо, Богоматерь, дон Фернандо (несостоявшийся жених Кончиты) и др. И над этим всем льётся романс «Я тебя никогда не забуду», ставший концентрированным выражением квинтэссенции исторического наследия России первой половины XIX в.

Музыкальный компонент рок-оперы «Юнона и Авось» представляет собой самостоятельный смысловой пласт, с собственной логикой развития и законами функционирования. Не будет преувеличением утверждать, что песни и музыкальные темы из «Юноны и Авось» зажили собственной жизнью, порой весьма далёкой от судьбы самой рок-оперы. И это неудивительно, т.к. музыкально-песенная составляющая спектакля переполнена смутными образами, иносказаниями, аналогиями, смысловыми отсылками и т.д. Именно этот компонент тесно связал сюжет рок-оперы с такими событиями российской истории первой половины XIX в. как Отечественная война 1812 г. и восстание декабристов 1825 г.

Появление рок-оперы «Юнона и Авось» пришлось настолько ко времени, что советская цензура даже ослабила для нее свою мёртвую хватку. Постановка получилась не просто бесконечно романтической, более того, в ней присутствует колоссальное эротическое напряжение, в спектакле много обнаженного тела, а ряд сцен спектакля выглядят весьма смелыми даже для театра первого десятилетия XXI в., а на рубеже 70-80-х гг. XX в. они были попросту радикально бунтарскими и святотатственными. Тем не менее, рок-опера «Юнона и Авось» сравнительно легко преодолела цензурные тернии и была представлена на суд зрителя. В свою очередь, у зрителя неформатная по советским театральным канонам постановка получила самый теплый прием, приобрела впечатляющую популярность и народную любовь, что позволяет поставить её в один ряд с культовыми произведениями театра и кинематографа советского времени. Причины столь внушительного успеха у зрителей видятся в следующем: а) романтический пафос сюжета и отдельных образов в духе советского гуманизма; б) эротическая насыщенность постановки; в) обилие православных смысловых отсылок; г) концентрированное выражение исторического опыта России первой половины XIX в.; д) многообразии намёков, иносказаний, аллегорий и откровенных недомолвок,

столь любезных сердцу людей, живущих в обществе с двойными моральными стандартами, двойным сознанием, культивирующем двуличие как способ выживания порядочного человека.

Как уже было отмечено выше, разрядка в отношениях между СССР и США и снижение уровня антагонизма в глобальном противостоянии общественно-политических систем, оказавшиеся на повестке дня уже в начале 80-х гг. XX в., стимулировали поиски истоков и исторических прецедентов плодотворных контактов России и Америки в прошлом. Ощущалась острая необходимость в некоей предыстории, некоей углубленности в прошлом инициатив по нормализации отношений двух сверхдержав своего времени. В этой ситуации необходимо было сконструировать поле смыслов, содержание которого позволяло бы Советскому Союзу позиционировать себя как тихоокеанскую державу, геополитическое присутствие которой в регионе имеет без малого двухсотлетнюю историю [1, с. 48-65]. Более того, сделать это было, необходимо связав историю отечественных тихоокеанских интересов с наиболее прогрессивными силами России первой четверти XIX в. (александровской эпохи).

По большому счету медийная природа историографии известна ещё со времён Геродота, но как среда она отличается крайней инерциальностью, в силу которой быстро созданы массив литературы, содержащий подходящий свойства реконструкции весьма затруднительно. Вот тут то и возникает удобный случай для так называемого «эффекта Дюма», состоящего в использовании истории как некоей реальности прошлого в качестве гвоздя, на который крепится «картина» соответствующего художественного произведения. В данном случае рок-опера «Юнона и Авось» как раз и стала той самой «картиной», подвешенной на гвоздь истории. Надо признать, что «эффект...» полностью оправдал ожидания. На протяжении последних тридцати с лишним лет на страницах научных (и не только) изданий с завидным постоянством появляются работы историков (и авторов иных жанровых специализаций), поддерживающих жизнь в растянувшейся во времени и пространстве дискуссии.

Театральная постановка породила историографический дискурс, что обеспечило ей ключевую роль в формировании отечественного общественного сознания транстихоокеанской идентичности, но, что также немаловажно, и в конструировании одного из фрагментов региональной исторической мифологии тихоокеанской России. У нас нет точных сведений на сей счёт, но можно, тем не менее, предполагать, что даже само понятие «тихоокеанская Россия» восходит корнями к инициированному рок-оперой «Юнона и Авось» историографическому дискурсу.

Мифо-эпическая природа действия рок-оперы «Юнона и Авось» не только позволила решить проблемы дефицита историографического обеспечения тихоокеанской идентичности для советского и российского обществ, реализации государственных интересов в регионе, но и породила ряд сложностей иного рода. Речь идет о персоналистических проблемах исторического контекста сюжета рок-оперы. Следует согласиться с авторами, полагавшими, что именно благодаря этому художественному произведению из исторического небытия был извлечен образ камергера Н.П. Резанова, забытого потомками видного исторического деятеля своего времени [3, с. 113; 4]. Выпадение Н.П. Резанова из живой исторической памяти потомков не является нелепой случайностью, а скорее следствием суровой закономерности. Дело в том, что историческое сознание общества (не важно какого, имперского, либо советского) нетерпимо к историческим личностям, связанным с «неудачными», «неудобными», «неприятными» и другими отрицательно окрашенными компонентами событийного контекста прошлого.

Интерес к личности исторически аутентичного графа Н.П. Реза-

нова, обусловивший последовавшую историографическую разработку обстоятельств его жизни, деятельности и смерти, сделали очевидными досадные расхождения между личностями исторического и оперного Н.П. Резанова. Это открытие вызвало к жизни, без преувеличения, настоящую историографическую традицию (но об этом подробнее речь пойдет несколько ниже), главной целью адептов которой на протяжении трех с лишним десятилетий выступает создание позитивного видения жизни и свершений исторически аутентичного Н.П. Резанова на основе романтического образа персонажа камергера Резанова из рок-оперы «Юнона и Авось».

Мифо-эпический по своей сути хронотоп «Юноны и Авось» представлял возможно для ряда действий. В первую очередь речь идет о многочисленных пространственных и временных сдвигах. Но, что гораздо, в нашем случае, важнее, для вытеснения из реальности персоналий некоторых исторических деятелей, принимавших непосредственное и самое активное участие в исторических событиях, к которым вольно или невольно отсылает рок-опера. Среди вытесненных из хронотопа «Юноны и Авось»: И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский и многие другие участники первого кругосветного плавания россиян и посольства в Японию.

Сколь упорно бы сторонники «линии Резанова» не утверждали, что художественный вымысел «в «Юноне» и «Авось» преобладает» [4], вызванные ею трансформации в историческом сознании и историографическом поле, наводят на мысль о своеобразном реванше будущего над прошлым, в котором современники и ближайшие потомки не оценили по заслугам свершения графа Резанова и предавших его постыдному забвению. С нашей точки зрения, вытеснение Крузенштерна из хронотопа «Юноны и Авось» восходит корнями к конфликту между И.Ф. Крузенштерном и Н.П. Резановым в мае-августе 1804 г. [8, с. 108-117], наглядно продемонстрировавшем сложность сосуществования двух исторических личностей в едином событийно-смысловом контексте. В пространстве истории долгое время доминировала «правда Крузенштерна», а хронотоп «Юноны и Авось» стал оплотом «правды Резанова». Тем не менее, обращаясь к тексту рок-оперы «Юнона и Авось», можно обнаружить лишь единственное, мимолетное, сделанное вскользь упоминание об антагонисте графа Резанова. В так называемой «Арии Резанова», в горячем, полубредовом разговоре с самим собой камергер Резанов упоминает некоего капитана, которому признается в том, что не знает, куда плыть дальше [6].

Межличностный конфликт амбициозных исторических деятелей, отягощенный возрастными и профессиональными противоречиями, бюрократической межведомственной неразберихой и, по всей видимости, обыденной психологической несовместимостью, а вовсе не демоническая испорченность одного и оппонентов и подвижническая добродетель другого [2, с. 50-54], преломившись в мифо-эпическом нарративе «Юноны и Авось» вызвал к жизни две взаимно антагонистичные историографические традиции, которые, в зависимости от почитаемой персоны, можно обозначить как крузенштеррианство и резановство.

По большому счету резановство и крузенштеррианство определяют характер содержания соответствующего массива историографии, задают повестку дня научной дискуссии, обеспечивают плодородную почву для публицистики. Собственно, исследование любого сюжета из области истории Русской Америки, первой российской кругосветной экспедиции, ранних этапов российско-японских и российско-американских отношений и ряда других, ставит перед необходимостью выбора между соответствующими историографическими традициями – крузенштеррианством и резановством, и отказаться от выбора зачастую невозможно.

Многолетнее господство историографии с крузенштеррианской традиции не могло ни привести, в конечном итоге, к тому, что под флаги резановства, особенно с наступлением эпохи повсеместного распространения в сфере интеллектуального творчества либеральных настроений и плюрализма мнений, стали стекаться все недовольные господствующей точкой зрения, все неочтенные по заслугам, а то порой и попросту стремящиеся выдать собственные исполненные банальностью исторические описания за воплощение гениальной исследовательской интуиции. Вследствие этого наиболее неистовые на литературном поприще резановцы пытаются обвинять адмирала И.Ф. Крузенштерна в персональной ответственности за все проблемы, неудачи и ошибки на тихоокеанском направлении на протяжении последних двухсот лет. На наш взгляд весьма надуманной является попытка, например, возложить на Крузенштерна вину за возникновение проблемы «Северных территорий» в российско-японских отношениях, за то, что он разделял и поддерживал бытовавшие в его время представления о полуостровном характере Сахалина и отсутствию у р. Амур выхода к морю [7].

Ключом к преодолению остро-конфликтного антагонизма между резановской и крузенштеррианской историографическими традициями, будоражащими пласт исторических представлений общественного сознания не только жителей России, но и многих других стран мира, является, с нашей точки зрения, мифологическая природа феномена «Юноны и Авось». Мифологичность, в данном случае, столько проявление измененного, эмоционально окрашенного мироотношения, сколько специфическое видение, предполагающее, многомерность, вариативность, многослойность и нелинейность реальности, поле смыслов которой замкнуто на само себя и не подразумевает рефлексии.

Мифологичность рассматриваемого нами феномена и его медийная природа позволяют наметить путь разрешения остро конфликтного антагонизма между резановской и крузенштеррианской историографической традициями, лежащий в фарватере концепции двух реальностей и соответствующих им полей смыслов. В данном случае речь идет, с одной стороны, о поле историографии и поле искусства и популярной культуры, с другой. Предполагается, что крузенштеррианство должно принадлежать, как и прежде, историографии, а вот будущее резановства видится в контексте художественных образов искусства и популярной культуры.

Дальнейшее функционирование данных интеллектуальных традиций в контексте двух различных смысловых полей, как представляется, будет способствовать принципиальному преодолению существующего в настоящее время конфликта между ними. Более того, есть веские основания полагать, что раздельное существование в разных реальностях, позволит каждой из них в высшей степени эффективно решать стоящие перед ними задачи. Крузенштеррианство в поле историографии будет обеспечивать превалирование в историческом сознании умеренно патриотических представлений, идеалов высокой гражданственности и государственничества. С другой стороны, резановство, действуя в медиапространстве современной популярной культуры и в контексте художественных образов искусства, позволит мифо-эпическому образу командора Резанова в максимальной степени реализовать имеющийся потенциал, явившись символом, квинтэссенцией смысла романтического прочтения, наполненного высоким трагизмом человеческого измерения деятельности российской государственности на тихоокеанском направлении. Ещё одним, наиболее важным, с нашей точки зрения, последствием существования крузенштеррианства и резановства в разных средах, станет еще один шаг в направлении примирения российского общества со своим прошлым, что, безусловно, будет способство-

вать оздоровлению состояния общественного сознания в целом. Таким образом, последовательная реализация концепции двух реальностей по отношению к феномену «Юноны и Авось» будет иметь долгосрочные, устойчивые, позитивные последствия в интеллектуальной и социально-психологической сферах.

Литература

1. Гринёв, А.В. Геополитические интересы России в Америке и на Тихоокеанском севере. XVIII – первая половина XIX в. / А.В. Гринёв // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 48-65.
2. Гришачев, С.В. Прагматичный прототип: Подлинная история Н.П. Резанова / С.В. Гришачев // Родина. 2001. № 6. С. 50-54.
3. Иванян, Э.А. Александр Тарсаидзе. Цари и президенты. История забытой дружбы. М.: "Международные отношения", 2010. 503 с. / Э.А. Иванян // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2011. № 4. С. 110-113.
4. Лопатников, В.А. «Юнона» и «Авось» / В.А. Лопатников // Международная жизнь. 2006. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/11205356> [Дата обращения: 17 июля 2011 г.].
5. Поэмы // Андрей Вознесенский – Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.andreyvoznensky.ru/index.php?pid=1423> [Дата обращения: 12 мая 2012 г.].
6. Тексты рок-оперы «Юнона и Авось» [Электронный ресурс]. URL: <http://avos111.narod.ru/junonaiavos.htm> [Дата обращения: 12 мая 2012 г.].
7. Трофимов, В. Я обвиняю Крузенштерна / В. Трофимов // Командор Резанов [Электронный ресурс]. URL: <http://rezanov.krasu.ru/commander/vsKruzenshtern.php> [Дата обращения: 12 мая 2012 г.].
8. Федорова, О.М. Конфликт между И. Ф. Крузенштерном и Н. П. Резановым по свидетельствам участников экспедиции / О.М. Федорова // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 108-117.

УДК 793

*Толстых И.Н.
Tolstykh I.N.*

Придворные танцы Кореи: этнокультурный аспект

The court dances of Korea: ethnocultural aspect

В статье рассматриваются придворные корейские танцы, их значение в духовной культуре Кореи. Анализируются этнокультурные особенности и разновидности придворных танцев.

Ключевые слова: *Корея, танцевальная культура, придворный танец, ритуал, церемония*

In article the court Korean dances, their importance in spiritual culture of Korea are considered. Ethnocultural features and versions of court dances are also analyzed.

Key words: *Korea, dancing culture, court dance, ritual, ceremony*

Придворные корейские танцы – это огромный культурный пласт корейского этноса, его история. И хотя Корею удалось сохранить памятники её славного прошлого, возрождение и сохранение этого вида танца продолжает оставаться важной проблемой и задачей в современном мире.

Придворные, как и народные, танцы ярко выделяются в корейском танцевальном искусстве. Корейский придворный танец имеет очень давние традиции. Уже в VIII веке, то есть примерно за 400 лет до появления в Италии в эпоху Возрождения придворного балета, во дворце правителя Корё устраивались красочные поэтические представления, в которых участвовали женщины. Перед их началом и в конце исполнялись специально написанные песни. К каждому спектаклю шились богатые костюмы и делались великолепные декорации.

Придворные танцы в Корею были двух видов: исполнявшиеся под музыку двора и, под мелодии местных напевов, их целью было развлечение короля и его свиты [9, p. 22].

Систематическая запись жанров дворцового танца была начата в Корею во времена правления династии Ли (Чосон) – при государе Седжоне (XV в.), прославившемся своей активной культурно – просветительской деятельностью [1, с. 429–431]. По его инициативе жанры дворцового танца были классифицированы, их описание зафиксировано на бумаге, изготовленной из коры тутового дерева, а способы исполнения и костюмы подверглись строгой стандартизации. Поскольку династия Ли подчёркивала в своей идеологии строгое следование конфуцианству во всех сферах культурной жизни, о жанрах дворцового танца принято было говорить как об исконно китайских. Более того, считалось, что двор-

ТОЛСТЫХ Ирина Николаевна, к.и.н., доцент кафедры культурологии Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** tolstykh60@mail.ru

Фото 1. Фрагмент исполнения Хвагванму – Танца в цветочной короне

цовые танцевальные жанры в Китае давно утрачены и лишь в Корее они сохранились в своём первоначальном виде. К таким жанрам относятся Ильму и Чхондже. Ильму вплоть до настоящего времени исполняется в Сонгюнгване – в храме Конфуция и на регулярной церемонии в хранилище поминальных табличек правителей династии Ли в Чонмё (Сеул).

Чхондже – это совершенно иной, нежели Ильму, жанр аристократического танцевального искусства. Слово «Чхондже» можно передать в семантике русского языка как «демонстрация талантов». Чхондже предназначался для развлечения государя и придворных, и подразделялся на специфические субжанры – «Хвагванму» (Танец в цветочной короне), «Чхоёнму» (Танец Чхоёна), «Муго» (Танец с барабаном), «Чжуэнму» (Танец весеннего соловья), «Пхогуран» (Танец с мячами). В этих танцах были заняты не только танцоры, но и танцовщицы.

Самым же ярким примером Чхондже может быть только танец Хвагван му – «Танец в цветочной короне», который в наши дни обычно начинает практически любой концерт корейского танца (Фото 1, 2).

Он получил своё название за маленькие блестящие короны на головах танцовщиц. Исполнители дворцовых танцев носили очень длинные рукава. Похоже, им было запрещено демонстрировать королю руки. Первоначально рукава были длинны лишь настолько, чтобы закрывать кисти рук, однако со временем их длина начала расти: спиралевидные движения рукавов добавляли новые элементы в замедленные движения танца.

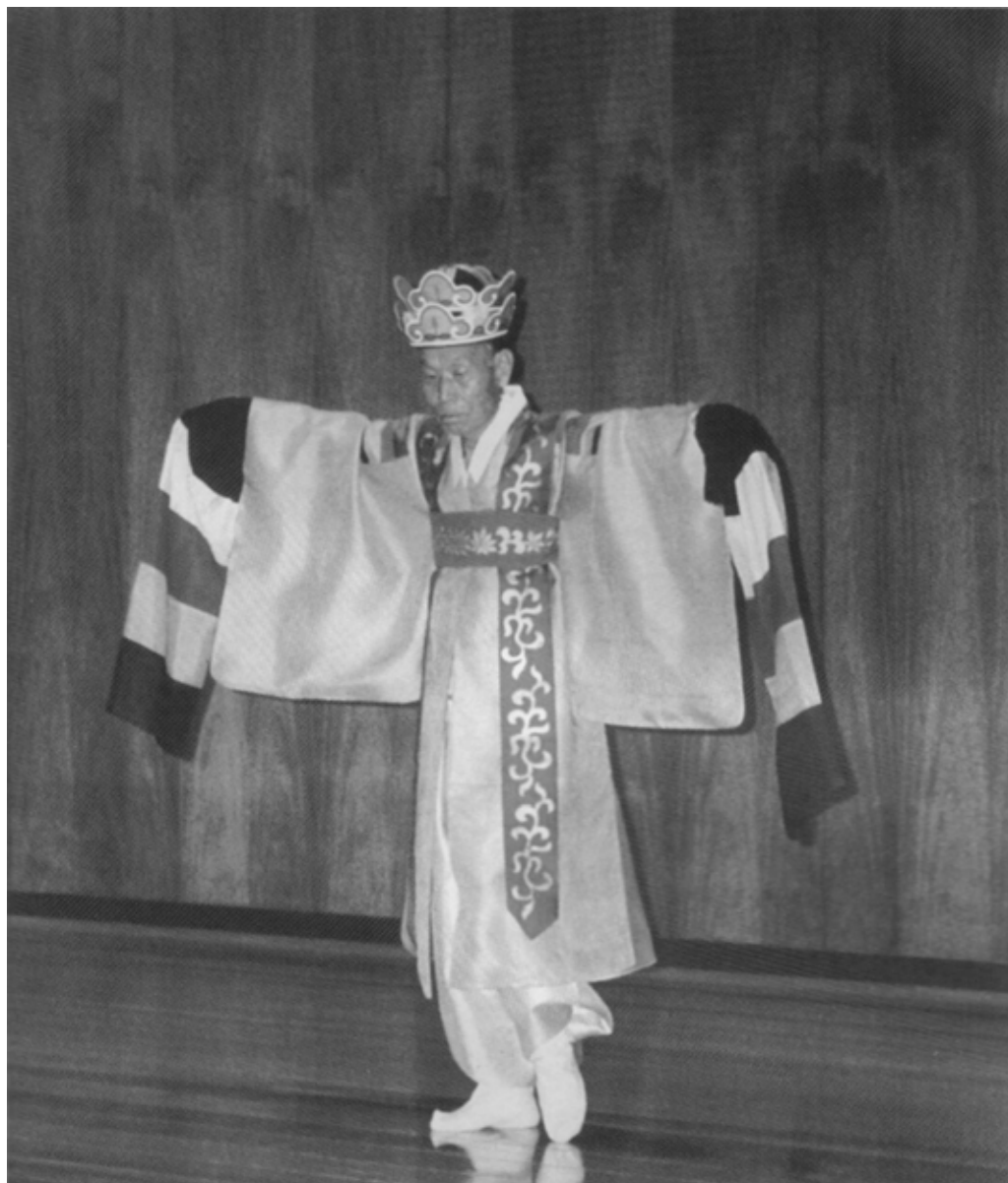
Большинство костюмов, для придворных танцев закрывают всё тело, ноги скрыты под широким подолом платья или юбки. Красота этих

Фото 2. Фрагмент исполнения Хвагванму – Танца в цветочной короне

танцев заключается в тонкой выразительности поз и жестов, мягкости и плавности движений и постоянном духовном напряжении [11, p. 354].

Существовало чуть больше 50-ти разновидностей придворных танцев. Многие из них исполнялись двумя группами – основной и второстепенной. Мужские роли – основные партии – исполнялись мальчиками, которых называли «мудон», а женские партии исполнялись придворными танцовщицами – «кисэн». Мудоны в основном танцевали для императоров, принцев и их гостей, а кисэн – для цариц, принцесс, в том числе и в присутствии императора с гостями на различных придворных церемониях. Кисэн, «искусные женщины», в традиционной Корее играли важную роль в общественной и культурной жизни. Они составляли особую социальную и профессиональную группу. Это были девушки, обученные музыке, танцам, пению, поэзии, поддержанию разговора. Они принадлежали к наследственному низшему классу Чхонмин – презируемые люди, матери их зачастую тоже были кисэн [3]. Девушки, предназначенные этому ремеслу, рано забирались из семей и готовились для карьеры, которая исключала нормальное замужество и семейную жизнь. Главной аудиторией для кисэн были король, главный министр, губернаторы провинций, другие высокопоставленные лица. Традиция дворцовых развлечений с участием кисэн идёт с периода правления династии Корё (918 – 1392), когда девушки принимали участие в дворцовых церемониальных праздниках. С усилением неоконфуцианства при династии Чосон (1392 – 1910), сильно ограничившим свободу женщин, кисэн стали выступать при дворе исключительно перед мужчинами [7, с. 157-159]. Танцовщицы были одеты в специально приготовленную пёструю одеж-

**Фото 3. Танец Весеннего соловья Чхуненчжон
в исполнении Ким Чхон Хуна**

ду с длинными рукавами, которые закрывали руки, также они носили корону на голове.

Придворные танцы были возвышенными, величественными, торжественными, витиеватыми и тонко разработанными, так как они предназначались к исполнению утончённого спектакля, в котором участвовали более 200 танцоров. Все движения, фигуры танцев были строго расписаны и распределены по ролям. Для того чтобы подчеркнуть характерную стройность танцев, использовали дорогие орнаментированные костюмы, а для увеличения помпезности и соответствия величю и

славы трона – богатые декорации. Как правило, при исполнении придворных танцев строго придерживались определённого ритма [4].

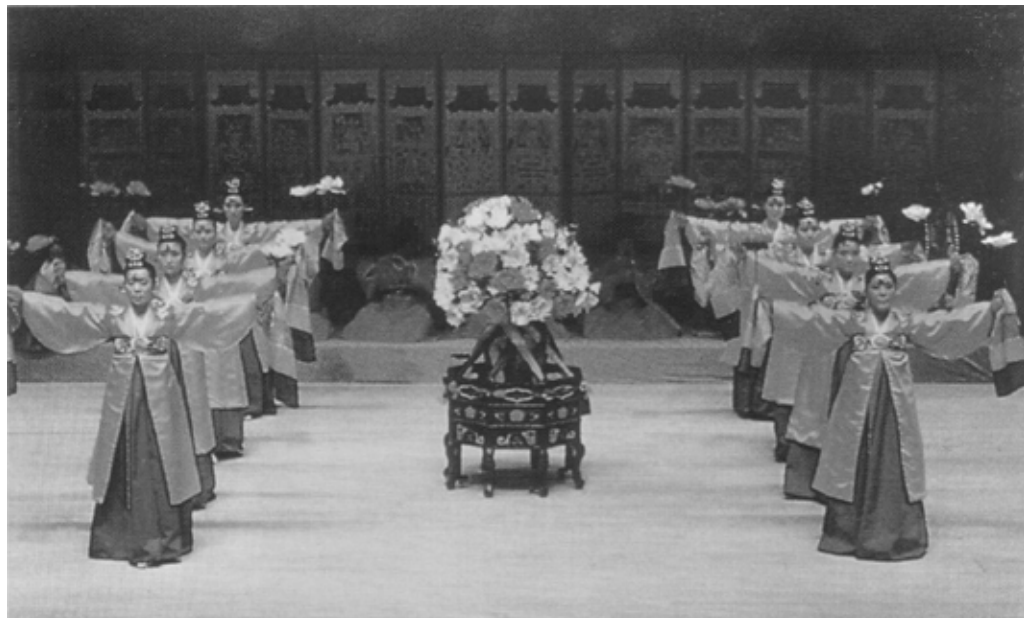
Многие китайские придворные танцы, заимствованные корейским двором, стали носить официальное название «танцы эпохи Тан» (618 – 906). Эти танцы имели много различий с местными придворными танцами. Первое различие заключалось в том, что на сцене устанавливались два столба, высотой 10 футов, на вершине которых находились деревянные чаши, свлётённые из сотен мелких деревянных палочек. Другое различие состояло в том, что эти танцы исполняются под чтение китайских стихов [8, с. 57-59].

Некоторые исторические источники указывают на то, что китайские танцевальные стили хоть и были заимствованы Кореей, но все они со временем угасли. Один из сохранившихся старинных китайских стилей, известен, как «танцы на балу», и исполняется двенадцатью танцовщицами. Среди других китайских стилей можно выделить «Танец королевской половины», который исполняется большой группой участников в честь празднования воцарения императора. Одним из танцев, избрётённых в Корею и исполняемых под китайскую мелодию эпохи Тан, является танец «золотой меры», который прославлял дела основателя династии Юи [11, р. 355].

Некоторые виды танцев, которые на первый взгляд могут иметь местное происхождение, на самом деле пришли из Китая. Но, чтобы ни говорилось, местные танцы стали неотъемлемой частью придворного репертуара в течение периода Юи (начало правления 1392 г.). Самый старинный танец Чоёнг был создан в период государства Поздней Силла. Этот танец в масках, который имеет шаманскую природу, рассказывает о сыне морского дракона, принявшем человеческое обличие. Другой танец эпохи Силла, который также стал важной частью придворного репертуара, называется «Танец четырёх фей». Сюжет напоминает легенду о четырёх цветочных принцах эпохи Силла, которые распространяли и музыку, и танец, и боевой дух. Среди других местных придворных танцев можно назвать «Танец на лодках», «Танец соловья», «Красавица собирает пионь», «Барабанный танец», «Танец с двойными барабанами», «Танец с мечами», «Танец журавля» и «Шествие феникса» [2, с. 4-10].

Классический «Танец весеннего соловья» – Чхуненчжон исполняется только и является самым медленным из всех придворных танцев. Для этого номера танцор надевает жёлтые одежды, перетянутые на груди красной лентой; на голове – замысловатая корона в форме многолепесткового лотоса. Танец исполняется на большой соломенной циновке с изображениями цветов и журавлей. Этот танец самый медленный по темпу и ритму. Он исполняется артистом, почти не сходя с места. Внимание зрителя неизменно приковывают к себе длинные струящиеся рукава танцора с разноцветными полосками на концах, которыми он совершает ряд точных, грациозных движений. Каждый жест, даже самое малейшее движение пальца имеют многозначный смысл, связанный с конфуцианским этикетом. Этот танец начинается неспешным движением рук, когда танцор, закрывая лицо руками, поёт песню с пожеланиями монарху долгих и счастливых лет жизни. Выдающимся мастером и исполнителем Танца соловья по праву называют Ким Чхон Хуна. Его специализация – старинные придворные танцы. И «Танец весеннего соловья» в его исполнении считается шедевром танцевального искусства (Фото 3).

Танец «Каин Чонмоктан» – «Красавица собирает пионь» и сегодня является одним из самых популярных придворных танцев – это очень красочный и зрелищный номер. Сегодня его можно посмотреть в исполнении танцевального коллектива Национального центра традиционного исполнительского искусства в городе Сеуле (Фото 4).

Фото 4. Танец «Красавица собирает пионы» Каин Чонмоктан в исполнении танцевального коллектива Национального центра традиционного исполнительского искусства в городе Сеуле

Придворный «Танец журавля» (Хакму) – парный танец, который изображает брачный период двух журавлей. В качестве декорации используется возвышение в глубине сцены, на котором находятся два огромных бутона лотоса. Во время танца гигантские птицы клюют бутоны, лепестки раскрываются, и из них появляются дети – танцоры [10, р. 65].

Существует и другой вариант танца. Вместо журавлей участвуют аисты. Пионы и лотосы – это, несомненно, элементы буддийской символики.

А «Танец с мечами», один из самых популярных танцев, предположительно появился в период эпохи Силла. Этот танец, обычно исполняющийся двумя или четырьмя танцовщицами, никакого отношения к боевому искусству не имеет. Это всего лишь игра, которая сопровождается стуком мечей. Позднее «Танец с мечами» стал самым распространённым на различных шаманских церемониях [5, с. 34-37].

В 2008 году в Сеуле в национальном институте классической музыки автору удалось увидеть старинный придворный танец «Игра в шарь». Перед началом танца появляются церемониймейстеры с флагами в руках и начинают исполнять торжественную песню. Затем появляются танцовщицы. Они разделены на две группы и соревнуются между собой, кидая деревянные шары в отверстия, проделанные в украшенных цветными воротами. Те, кому удастся забросить шар, получают в награду пион; той же девушке, что промахнулась, проводят по щеке чёрной краской; это делает одна из исполнительниц – девушка с кисточкой. И что удивляет и восхищает: все фигуры танца – бросание шаров, награждение и штрафные мазки – совершаются в плавном грациозном и неторопливом ритме. В финале танца «Игра в шарь» опять появляются церемониймейстеры с флагами в руках и заканчивают представление более весёлой песней [6].

Фото 5. Танец журавля в исполнении Ансамбля традиционного корейского танца «Норин». Театр г. Дэгу

Таким образом, мы рассмотрели самые распространённые и известные на сегодняшний день придворные танцы. Придворные танцы, как и шаманские, народные, религиозные, имеют свои этнокультурные особенности и различия, и каждый известный сегодня танец в процессе исторического развития определённым образом трансформировался, видоизменялся, поэтому в чистом виде до нас дошли лишь основополагающие. Остальные сохранили лишь свой сюжетный, символический стержень, изменившись в ритме, такте и композиции. Но и те и другие являются неотъемлемой частью культурного достояния танцевального искусства Кореи.

Литература

1. Волков С.В., Симбирцева Т.М. Корея. М.: Наука, 2000. 340 с.
2. Ким Су Ран. Наследие китайского танца // Сыпоч. Сеул: 2003. 9 мая. С. 4-10.

3. Ланьков А.Н. Кисэн – куртизанки старой Кореи. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oriental.ru/a/lanko/302.shtml> [Дата обращения: 07.05.2009 г.].
4. Мы будем почитать вас от всей души. URL: [http:// www.russiankorea.com/rus/about_korea/paper/](http://www.russiankorea.com/rus/about_korea/paper/) [Дата обращения: 02.07.2009 г.].
5. Пак Хон Ли. В такт // Тэнсырибу. Сеул: 2002. 25 мая. С. 34-37.
6. Полевые материалы автора. Национальный Институт классической музыки. Сеул. 2008 г.
7. Смертин Ю. Кисэн: Цветы на обочине // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2. С. 157-159.
8. Щвин Ван Су. Придворные танцы // Ищю & Ищю. Сеул: 2003. 27 августа. С. 57-59.
9. Judy Van Zile. Perspectives on Korean Dance. Published by Wesleyan university press. Middletown, 2001. 334 p.
10. Kim Malborg. Korean dance. Woman's University Press, 2005. 145 p.
11. Коо J.M., Naxm A.C. An introduction to Korean culture. Hollym: Seoul; Degy: 1997. 597 p.

УДК 793

*Ткачук М.А.
Tkachyuk M.A.*

Социальный танец в системе межкультурной коммуникации

Social dance in the system of intercultural communication

В статье поставлена проблема взаимопонимания между представителями различных культур. Особое место в решении данной проблемы занимает такая форма межкультурного взаимодействия как общение посредством социального танца. В результате исследования автор обосновывает значимость социального танца в системе межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *социальный танец, межкультурная коммуникация, международный фестиваль, взаимодействие, импровизация*

In the article raises the problem of mutual understanding between representatives of different cultures. A special place in the solution of this problem takes the form of cross-cultural interaction as a communication by means of social dance. By results of the conducted research the author proves the importance of social dance in the system of intercultural communication.

Key words: *social dance, intercultural communication, international festival, interaction, improvisation*

Период конца XX – начала XXI вв. свидетельствует о том, что развитие человечества осуществляется по пути расширения взаимосвязи и взаимодействия различных стран, народов и их культур. Этот процесс охватывает различные сферы общественной жизни всех стран мира. Особое место в этом процессе занимает общение между представителями различных человеческих культур, т.е. собственно межкультурная коммуникация.

Под межкультурной коммуникацией понимается «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [3, с. 26]. Актуальность вопросов, связанных с межкультурной коммуникацией, приобрела в настоящее время небывалую остроту. Особого внимания заслуживает проблема отсутствия взаимопонимания между собеседниками, принадлежащими к разным культурам. Однако, «научно-технический прогресс и усилия разумной и миролюбивой части человечества открывают всё новые возможности, виды и формы общения, главным условием эффективности которых является взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнёров по коммуникации» [8, с. 19]. Одной из таких форм общения выступает социальный танец, занимающий особое место в системе межкультурной коммуникации.

ТКАЧУК Мария Александровна, старший преподаватель кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток).
E-mail: maria.031000@mail.ru

Социальный или, как его по-другому принято называть, бытовой танец представляет собой «категорию танцев, исполняющихся в быту – на танцплощадках, танцевальных вечерах. В отличие от сценического танца, целью которого является художественное представление на публике, цель бытовых танцев – исполнение их лишь для удовольствия самих танцующих» [2, с. 49]. Следовательно, отличительной особенностью социального танца является не достижение профессиональных целей в танцевальной сфере, а, прежде всего, приятное проведение свободного от работы времени. При этом социальный танец предусматривает две формы организации досуга. С одной стороны, это проведение занятий, которые представляют собой собственно процесс обучения танцующих, с другой стороны, это специально проводимые танцевальные вечера и дискотеки, на которых танцующие имеют возможность продемонстрировать приобретённые ими на занятиях танцевальные навыки.

Само понятие «социальный танец» является переводом с заимствованного англоязычного понятия «social dance». Если обратиться к стандартному англо-русскому словарю, то в нём английское «social» переводится, прежде всего, как «социальный», «общественный», «общительный» [1, с. 1122]. Следовательно, социальный танец имеет непосредственное отношение к обществу и связан с общением.

В действительности социальный танец является танцем общественным, т.к. он доступен для широких масс людей независимо от их статуса и положения в обществе. На занятиях и танцевальных вечерах «все социальные различия стираются. Никому не важно, чем человек занимается вне хобби» [9]. Особый интерес представляет личность человека, а не его социальный статус и самореализация в карьере.

Что касается связи социального танца с общением, то необходимо отметить следующее. Грамотно выстроенные занятия и организованные танцевальные вечера способствуют коммуникативному взаимодействию людей друг с другом, а также формированию общественных отношений между ними. На занятиях социальным танцем и в рамках соответствующих форм коллективного досуга «танцующие имеют возможность завести новых друзей и знакомых с целью общения» [11]. Кроме того, несмотря на разнообразие стилевых направлений социального танца приоритетными являются танцы в паре, такие как сальса, танго, хастл и др. Это, в свою очередь, позволяет общаться танцующим не только между исполнением танцев, но и во время танца. Социальный танец в данном контексте способствует не только закреплению танцевальных навыков, но и налаживанию коммуникативного контакта между людьми, их активному общению друг с другом. Следовательно, «социальные танцы – это не только и не столько танец, сколько общение» [6], т.е. коммуникативное взаимодействие людей друг с другом.

Следует отметить, что такое взаимодействие характерно не только для представителей какой-либо одной национальной культуры. В настоящее время социальный танец является довольно распространённым явлением во многих странах Западной Европы, Латинской Америки, а также в США, России и даже некоторых странах Азии. Так, например, социальный танец «танго» представляет собой, с одной стороны, локальное явление, тесно связанное с породившим его местом, г. Буэнос-Айрес в Аргентине. С другой стороны – это явление «на удивление универсальное, прижившееся не только в Европе и Америке, но даже в Японии (с тех пор как 90 лет назад знаменитый плейбой своей эпохи, барон Цунаёси «Цунами» Мегата открыл там первую школу танца)» [5].

Приобретая всё большую популярность во многих странах мира, социальный танец со временем становится явлением международным. Проведение международных фестивалей по различным направлениям

социального танца свидетельствует о том, что социальный танец приобрёл международный характер. Примером этому могут служить ежегодные международные фестивали сальсы в Мексике, Нью-Йорке, Берлине, Риге и других городах. На подобных фестивалях выступают не только танцовщики страны-организатора фестиваля, но и иностранцы. Это, в свою очередь, способствует коммуникативному взаимодействию танцующих, которые являются представителями различных национальных культур. К тому же целью таких фестивалей является не столько демонстрация танцевальных навыков, сколько общение людей посредством танца.

Один из крупнейших фестивалей аргентинского танго ежегодно с 1999 года проводится в Аргентине в Буэнос-Айресе. Целью данного мероприятия является популяризация аргентинского танго и знакомство иностранцев с культурой Аргентины. Во время фестиваля проводятся концерты, уроки, экскурсии, танцевальные вечера. При этом вход на эти мероприятия абсолютно бесплатный, что подчёркивает общедоступный характер социального танца среди представителей различных наций.

Организация подобных фестивалей социального танца способствует созданию успешной межкультурной коммуникации между участниками фестиваля, так как все они связаны между собой одной идеей – идеей танца. Их общение осуществляется во время выступлений, мастер-классов, экскурсий и других, предусмотренных фестивалем мероприятий. И необязательно темой их общения всегда является танец. Он, скорее, служит поводом для того, чтобы люди из разных стран, имеющие общее увлечение и интерес, объединились в одном месте.

Автор статьи «Social dance: Contexts and definitions» («Социальный танец: контексты и определения») Барбара Кохен-Стратинер отмечает: «Считается, что функция... социального танца заключается в объединение общества... Одно из многих назначений социального танца – это собрать всех вместе, для того чтобы что-то отпраздновать» [10]. Именно посредством социального танца осуществляется объединение людей, принадлежащих к разным культурам, их коммуникативное взаимодействие и взаимопонимание. Социальный танец собирает всех вместе с целью праздника. Как правило, в качестве праздников выступают различные международные фестивали танца, на которых приезжие знакомятся с культурой той страны, в которой проходит фестиваль, а также имеют возможность общения с единомышленниками из различных уголков планеты.

Кроме того, следует отметить, что даже наличие языкового барьера между коммуникантами не может препятствовать их взаимодействию, т.к. их общение осуществляется посредством языка танца. Это обусловлено тем, что язык танца «не нуждается в переводе, его понимают все... Танец – это язык тела, это речь, это состояние души... танец идёт от индивида, от его внутреннего мира» [4, с. 8]. Следовательно, посредством универсального языка танца может осуществляться невербальная коммуникация между представителями разных культур.

Великолепные возможности социального танца по преодолению языковых и культурных барьеров обусловили ту ключевую роль, которую сыграл социальный танец в пропаганде того или иного образа жизни, стереотипов поведения, формировании привлекательного образа страны, модели общественного устройства, способа организации хозяйственной деятельности и политической жизни. Так, например, на рубеже 80-90-х гг. XX в. население СССР и России испытывало на себе действия по продвижению американского образа жизни, в рамках которого активно использовались образы молодых людей обоего пола, спортивного телосложения, ритмично танцующих под звуки популярных песенно-

музыкальных композиций. Пусть большинство потребителей пропагандируемых образов в советском обществе и обществах постсоветского пространства не имело представления о смысле содержания данных композиций (не это главное, в конечном итоге), необходимый эффект достигался тем, что образ жизни, при котором хочется сообща танцевать на улицах, быть молодым, полным сил, спортивным, становился весьма привлекательным, благодаря чему происходило лёгкое расставание с наследием социалистического прошлого и возникали ожидания того, что исторический выбор в пользу демократии американскому образцу создаст все необходимые предпосылки для всероссийской кадрили.

Одним из примеров такой пропаганды служит вышедший в 1987 году фильм «Грязные танцы». Это культовая американская мелодрама с участием Патрика Суэйзи и Дженнифер Грей, повествующая о сближении двух молодых людей из разных социальных слоёв на почве увлечения танцами. Российские телезрители также имели возможность увидеть этот фильм и многие из них задавались вопросом о том, «что именно танцевали герои этого фильма. А танцевали они то, что в цивилизованном мире называется social dance, т.е. «социальный танец» [7]. Многие были покорены образами, которые создали герои этого фильма, что не только вызывало интерес российских граждан к увиденным социальным танцам, но и способствовало в целом восприятию американской культуры. Следовательно, посредством социального танца происходит пропаганда одной культуры и её усвоение другой, что обеспечивает успешную коммуникацию между представителями двух культур.

Как было указано выше, наиболее приоритетными направлениями социального танца являются танцы в паре, которые в большей степени обеспечивают коммуникативное взаимодействие танцующих в отличие от танцев по одному. Методика обучения парному социальному танцу и проведение танцевальных вечеров в различных странах имеют общую основу и выстроены по определённым принципам, среди которых необходимо отметить следующие.

Первым таким принципом парного социального танца является отсутствие постоянного танцевального партнёра. В студиях социального танца разных стран практикуется смена партнёров, что способствует активному общению танцующих с разными танцевальными партнёрами и партнёршами. Это расширяет круг коммуникативного взаимодействия танцующих. Существуют такие стили социального танца, исполнение которых подразумевает танец исключительно с разными партнёрами. Так, например, «руэда – групповая сальса, во время которой мужчины постоянно меняются партнёршами» [9]. Следовательно, приезжая на международный фестиваль социального танца, танцующие имеют возможность коммуникативного взаимодействия с представителями различных национальностей как во время танцев, так и между ними. Однако возникает вопрос, каким образом достигается взаимопонимание партнёров во время танца? Ответ на этот вопрос дают следующие две особенности социального танца.

Второй характерной особенностью или вторым принципом социального танца является импровизация¹. На занятиях танцующие осваивают основные элементы того или иного танца. Владая определённым набором движений танцующие могут сочинять свою схему их исполнения, т.е. самостоятельно создавать танец во время его исполнения. Социальный танец не предусматривает жёстко структурированной последовательности движений, что позволяет танцевать с разными партнёрами

¹ Импровизация (от лат. *improvisus* – внезапный, непредвиденный) – одновременное сочинение и исполнение произведения. Сочинение танца во время его исполнения [2, с. 100-101].

и партнёршами, не переживая за то, что кто-то не знает танцевальной вариации. Следовательно, приезжая на международный фестиваль социального танца, его импровизационный характер позволяет танцевать в паре партнёрами и партнёршами различных национальностей. Однако, вновь возникает вопрос: каким образом осуществляется импровизация?

Поскольку танец носит импровизационный характер, а исполняется он двумя танцующими в паре, то третьим принципом социального танца, способствующим взаимопониманию танцующих, является ведение партнёра и следование партнёрши. В импровизационном социальном танце ведущим всегда является партнёр, он должен продумывать движения, давать понятные партнёрше импульсы, не забывать танцевать самому и смотреть на соседние пары, чтобы не допустить столкновения с ними. Роль партнёрши, в свою очередь, заключается в том, чтобы следовать импульсам партнёра и украшать танец. При этом следует отметить, что роль партнёрши не менее важна в данном случае, чем роль партнёра. «Слушать» партнёра, его ведение и выполнять те движения, на которые он даёт импульс является важной задачей партнёрши для обеспечения успешного взаимодействия. Следовательно, невербальное коммуникативное взаимодействие в социальном танце осуществляется за счёт ведения партнёра и следования этому ведению партнёрши.

Таким образом, за счёт перечисленных особенностей социального танца, а именно: отсутствие постоянного танцевального партнёра, импровизационный характер танца, ведение партнёра и следование партнёрши, – достигается взаимопонимание между танцующими, которые являются представителями разных национальных культур, а также осуществляется их успешное коммуникативное взаимодействие.

Питер Ринзланд в статье «Traditional Social Dancing» («Традиционный социальный танец») пишет следующее: «Социальный значит общий. Скорее содействующий, чем соревновательный. Значит, выражать уважение тем, с кем мы танцуем, будь то танцевальный партнёр или кто-либо другой, с кем мы так же разделяем танцевальный паркет. Это значит занятие, на котором каждый хорошо проводит время без эгоизма с чьей-либо стороны. Это означает общаться, а не хвастаться. Это танец со всеми, а не только с излюбленными партнёрами, и, обычно, это смена партнёров. Это означает быть вежливым в партнёрстве, подождать начала мелодии, прежде чем требовать от кого-то танцевать. Это означает включающий, а не исключаяющий» [12]. Данная характеристика социального танца подчёркивает те его особенности, которые в полной мере позволяют танцующим в соответствии с общепринятыми нормами и правилами поведения в любом цивилизованном обществе успешно осуществлять коммуникативное взаимодействие между представителями различных культур.

В данном контексте «включающий» следует понимать как открытый для всех людей, независимо от их национальной принадлежности и социального статуса, т.е. включающий одного коммуниканта в пространство другого, позволяющий им танцевать вместе, общаться и хорошо проводить время, не исключать себя из коллектива, связанного общим интересом, так же как и не исключать других из своего общения и танца. Социальный танец в данном контексте – это общий танец не потому, что его исполняют все вместе одновременно, а потому, что это общее увлечение, благодаря которому люди из разных стран собираются вместе и которое способствует их общению, объединению и взаимопониманию.

Кроме того, многие люди, увлекающиеся социальным танцем, могут приезжать в другую страну с совершенно разными целями. Кто-то путешествует в качестве туриста с целью отдохнуть, а некоторые отправля-

ются в командировку с целью деловых переговоров. Обнаружив в стране пребывания студию социального танца, приезжие имеют возможность посетить занятия и различные формы организованного коллективного досуга с целью проведения своего свободного времени и общения с новыми иностранными знакомыми. Благодаря социальному танцу человек даже в другой стране может найти людей, имеющих такие же интересы, как и у него. Коммуникативное взаимодействие, осуществляемое представителями разных культур посредством социального танца, позволяет приезжим ощущать себя комфортно в чужой стране, т.е. быть своим среди чужих.

Таким образом, социальный танец является уникальным средством межкультурного общения и диалога. Представляя собой особую форму общения, социальный танец способствует адекватному взаимодействию и взаимопониманию между представителями различных культур. Обучаясь исполнению социального танца, посещая различные международные танцевальные фестивали, человек постоянно взаимодействует с представителями различных стран, народов и их культур и вместе с тем является активным участником межкультурного общения. Приезжая в какую-либо страну с любой другой целью, человек, увлекающийся социальным танцем, может найти там своих единомышленников, что также ему позволит успешно осуществлять как вербальную коммуникацию, так и коммуникацию посредством не требующего перевода языка танца. Следовательно, социальный танец, являясь особой формой взаимодействия между иностранцами, занимает важное место в системе межкультурной коммуникации.

Литература

1. Англо-русский словарь / Сост. Мюллер В.К., Боянус С.К. К.: Каннон, 1996. 1392 с.
2. Балет, танец, хореография: Краткий словарь танцевальных терминов и понятий / Сост. Н.А. Александрова. СПб.: Лань; Планета музыки, 2008. 416 с.: ил.
3. Верещагин Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
4. Гаврилина Л. Язык танца / Л. Гаврилина // Танцевальный клондайк. – 2010. № 1(104). С. 8-9.
5. Губарева М. Танго: бесконечная возможность. / М. Губарева [Электронный ресурс] / Вокруг света. Электрон. журнал. 2007. № 17 (2802). URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/3963/> [Дата обращения: 19.04.2012 г.].
6. Киселева М. Роль социальных танцев в семейной терапии / М. Киселева [Электронный ресурс] / Институт Терапевтических Искусств г. Москва. 2009. URL: <http://www.exat-edu.ru/page.php?id=167> [Дата обращения: 19.04.2012 г.].
7. Степанова Т. Что такое танец хастл? / Т. Степанова [Электронный ресурс] / Хастл – центр. 2002. URL: <http://www.rosvesty.ru/1655/> [Дата обращения: 11.04.2012 г.].
8. Тёр-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тёр-Минасова. М.: Слово, 2000. 624 с.

9. Убоженко А. Мачо из недр канцелярии / А. Убоженко [Электронный ресурс] / Коммерсантъ-Секрет фирмы. Электрон. журнал. 2009. № 12 (293). URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1281735&print=true> [Дата обращения: 11.04.2012 г.].

10. Cohen-Stratynner B. Social dance: Contexts and definitions / B. Cohen-Stratynner [Электронный ресурс] / Компания ProQuest Research Library. 2002. URL: <http://proquest.umi.com/pqdweb?index=1&did=113320990&SrchMode=1&sid=1&Fmt=6&VInst=PROD&VType=PQD&RQT=309&VName=PQD&TS=1304388906&clientId=85505> [Дата обращения: 20.03.2012 г.].

11. Cooper L., Thomas H. Growing old gracefully: social dance in the third age / Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. 2002. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=6536433> [Дата обращения: 20.03.2012 г.].

12. Renzland P. Traditional Social Dancing / P. Renzland [Электронный ресурс] / Traditional Social Dance Salon, 2010. URL.: <http://dancing.org/traditional.html> [Дата обращения: 05.04.2012 г.].

УДК 81'27

*Чулкова С.Б.
Chulkova S.B.*

Значение этнокультурного компонента в процессе обучения китайских студентов русскому языку (на территории Китая)

**The importance of ethno-cultural component in the process
of studying of the Russian language by the Chinese students (in China)**

В статье обосновывается необходимость при изучении китайскими студентами русского языка приобщения их к основам русской культуры. Наряду с изучением русского языка как средства общения (лингвистический аспект) важно овладеть языком культуры (страноведческий аспект), только тогда можно говорить об адекватном переводе смыслов с одного языка на другой.

Ключевые слова: *русский язык, культура, страноведение, межкультурная коммуникация, китайский, студент*

The article substantiates the necessity Chinese students study the Russian language by bringing them to the basics of the Russian culture. It is important to combine the study the Russian language as means of communication (the linguistic aspect of it) with learning the language culture (regional studies aspect). Only then can we speak about the adequate translation of meaning from one language to another.

Key words: *Russian language, culture, country studies, cross-cultural communication, Chinese, student*

Одна из главных функций языка – способность выражать своими речевыми средствами образы своей и иной культуры. В связи с этим при обучении китайских студентов русскому языку чрезвычайно важным становится учет этнокультурного компонента в современных учебниках, формирование межкультурной лексической, фразеологической компетентности.

В связи с этим важное место в учебном процессе при подготовке китайских студентов занимает страноведческий аспект изучения русского языка. Это обусловлено многими причинами: научно-методическими, культурологическими, общественно-политическими и, конечно, экономическими, а именно, значительным расширением торгово-экономических связей России и Китая в последние годы.

Тема русской культуры (в которую включаются язык, литература, религия, традиции, быт и др.) относится к числу ключевых в курсе страноведения. Однако в нем не ставится задача глубокого искусствоведческого анализа тех или иных достижений русского изобразительного, музыкального или театрального искусства. Тем не менее, генезис русской

ЧУЛКОВА Светлана Борисовна, старший преподаватель кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток).
E-mail: maria.o31000@mail.ru

культуры, знакомство студентов с важнейшими ее явлениями и наиболее яркими представителями, как мы считаем, входит в число основных задач курса, потому что именно благодаря изучению культурных традиций и достижений лучше всего познается душа народа, его устремления и идеалы.

Еще одной особенностью курса страноведения является то, что при его изучении происходит диалог культур и социумов. Этот процесс сопровождается соотношением китайскими студентами исторических и современных реалий жизни РФ с общественной практикой и социокультурным восприятием окружающего мира в Китае. Поэтому обучение страноведению России связано с актуальными вопросами жизни и культуры родной страны студентов, а также с развитием мировой цивилизации и значительной активизацией экономических, политических и культурных контактов между государствами и народами. Это, в свою очередь, определяет возникновение полемики и дискуссий, которые помогают решить главную задачу курса – добиться эффективного и осознанного восприятия страноведческого материала.

Однако следует отметить, что культурологическую, коммуникативную и социальную компетенции, с помощью которых происходит образование личности; невозможно создать только с помощью учебных пособий. Познание человеком общества во-многом зависит от практических умений и навыков, которым необходимо обучать параллельно с теоретическим материалом. Только практическое применение знаний о культуре, «погружение» в другую культуру, непосредственное овладение языком культуры подводит человека к основной ценности – пониманию других культур, а сравнительный анализ в рамках понимающей установки, ориентированной на межкультурное общение, помогает лучше осознать и собственные культурные ценности.

Языком культуры в широком смысле этого понятия мы называем те средства, знаки, формы, символы, тексты, которые позволяют людям вступать в коммуникативные связи друг с другом, ориентироваться в пространстве культуры. Язык культуры – это универсальная форма осмысления реальности, в которую «организуются все вновь возникающие или уже существующие представления, восприятия, понятия, образы и другие подобного рода смысловые конструкции (носители смысла)» [5, с. 35].

Глубинные перемены, происходящие в обществе, обострение геополитической и общественно-политической ситуации, противоречия, пронизывающие нашу эпоху, ведут, по сути, к смене типа культуры. В периоды, когда «распадается связь времен», всегда актуализируется проблема понимания. Термин «понимание» используется в двух смыслах: как фактор интеллектуальный, познавательный, но и как сопереживание, вчувствование. Сложность понимания обусловлена тем, что восприятие и поведение детерминированы стереотипами – идеологическими, национальными, сословными, половыми, сформированными у человека с детства. Понимание апперцептивно, то есть новая информация ассимилируется путем соотношения с тем, что уже известно, новое знание и новый опыт включаются в систему знания, уже имеющегося, на этой основе происходит отбор, обогащение и классификация материала.

Следовательно, проблема языка культуры – это проблема понимания, проблема эффективности культурного диалога как «по вертикали», то есть диалога между культурами разных эпох, так и «по горизонтали», то есть диалога разных культур, существующих одновременно, между собой.

Самая серьезная трудность заключена в переводе смыслов с одного языка на другой, каждый из которых имеет множество семантических

и грамматических особенностей. Не случайно в науке сформировалась крайняя точка зрения, в соответствии с которой смыслы настолько специфичны для каждой культуры, что вообще не могут быть адекватно переведены с языка на язык. Соглашаясь с тем, что иногда действительно трудно передать смысл, особенно если речь идет об уникальных произведениях культуры, заметим, что не столь уж безрезультатны попытки выявить универсальные человеческие концепты, представляющие собой психические феномены внутреннего мира человеческой мысли. Эти попытки предпринимались еще великими философами-рационалистами XVII века – Р. Декартом, Б. Паскалем, Г. Лейбницем, называвшим элементарные смыслы, генетически передающиеся от поколения к поколению, «алфавитом человеческих мыслей». Описание значений, закодированных в языке, систематизация, анализ этого «алфавита» – одна из главных задач культурологии.

В связи с этим китайским студентам, изучающим русский язык, требуется не только хорошо знать грамматику, иметь богатый лексический запас и приличное произношение, но и формировать в себе межкультурную компетенцию, которая подразумевает способность устанавливать контакты с представителями русской культуры, знать особенности образа жизни носителей русского языка. Данная компетенция предполагает овладение следующими умениями: интерпретировать и соотносить различные культурные системы друг с другом; справляться с противоречивостями, «конфликтами», характерными для межкультурной коммуникации. В качестве составных компонентов межкультурной компетенции предлагается рассматривать:

1) различные умения (умение вести себя во время непосредственного контакта с носителями языка в соответствии с принятыми нормами вербального и невербального общения; умение интерпретировать язык жестов представителей другой культуры и т.д.)

2) разносторонние знания, связанные с национальными и культурными особенностями, системой ценностей в родной стране и стране изучаемого языка; знания о политическом, социальном и экономическом устройстве, о культурных и художественных достижениях в этих странах; знания о социолингвистической наполненности лексики и т. п.

3) навыки правильного употребления социокультурно-маркированных единиц в речи.

Огромную роль в достижении вышеперечисленных умений и знаний играет внеурочная работа. Эффективным средством изучения иностранцами истории и культуры России и важным инструментом расширения и совершенствования студентами языковых знаний и умений стала организация в Государственном университете города Дэчжоу КНР, где работала автор в течение двух лет, «Русского клуба», действующего по плану на постоянной основе – один из видов внеурочной работы. Из приведенного ниже примерного плана работы «Русского клуба» на учебный год можно увидеть, какие виды работы предлагаются для всестороннего ознакомления китайских студентов с русской культурой.

Принцип диалога культур и сравнения элементов и структур русской и китайской культуры, предполагающий рефлексивность студента над тем, чем именно отличаются культурные факты, как нельзя лучше был проявлен в совместном русско-китайском концерте, подготовленный Молодёжным центром Владивостокского государственного университета экономики и сервиса и музыкальным факультетом университета Дэчжоу. Концерт состоялся в концертном зале китайского университета и был встречен с огромным интересом. Многие студенты впервые «живую» встретились с русской культурой. При этом не остались в стороне и сами китайские студенты. К приезду русских гостей они выучили широ-

Таблица 1.
Примерный план работы «Русского клуба» на учебный год
в университете города Дэчжоу провинции Шаньдун (КНР)

№ п/п	Содержание	Сроки	Цель	Ожидаемый результат
1	Русские народные праздники и обряды. Проводы осени. Многожанровый концерт.	Ноябрь	Знакомство с русскими народными праздниками.	Знание русских народных традиций.
2	Просмотр кинофильма с обсуждением «Ирония судьбы, или «С лёгким паром!»	Декабрь	Развитие коммуникативных умений в аудировании.	Пополнение словарного запаса, умение понять содержание фильма.
3	Новогодний вечер. Театрализованный концерт.	Декабрь	Знакомство с русскими народными праздниками.	Приобщение к русской культуре через изучение стихов, песен, народных традиций.
4	Русские народные праздники и обряды. Рождество.	Январь	Знакомство с русскими народными обрядами.	Понимание смысла русских обрядов.
5	Просмотр видеоконцерта ансамбля песни и пляски им. Александра.	Январь	Знакомство с русской музыкальной и хореографической культурой.	Узнавание русской культуры через лучшие образцы народного творчества.
6	Заседание диспутклуба. «Сходство и различие культур».	Февраль	Сравнение русской и китайской культур.	Развитие навыков уважения к чужой культуре (толерантности).
7	Русские народные праздники и обряды. Масленица. Многожанровый концерт.	Март	Знакомство с русскими народными обрядами.	Понимание смысла русских обрядов, знакомство с блюдами русской кухни.
8	Русская народная музыка. Лекция-концерт.	Март	Знакомство с русской народной музыкой.	Развитие эмоционального отношения к русской музыке.
9	Русские народные праздники и обряды. Пасха. Подготовка и проведение выставки расписных яиц и поделок студентов.	Апрель	Знакомство с русскими народными праздниками и обрядами.	Изучение народного изобразительного творчества.
10	Русская классическая музыка. Лекция-концерт.	Апрель	Знакомство с русской классической музыкой.	Знание русской классической музыки. Умение высказывать своё мнение о прослушанной музыке.
11	Конкурс спектаклей по мотивам русских народных сказок.	Май	Знакомство с русским народным творчеством.	Развитие творческой активности, пополнение активного словарного запаса.
12	Современная музыка в России. Лекция-концерт.	Май	Знакомство с российской современной музыкой.	Знание современной популярной музыкальной культуры России.
13	Русские посиделки. Подведение итогов работы клуба.	Июнь	Знакомство с русскими народными обрядами.	Коммуникативная компетенция: умение применять русские пословицы, поговорки, загадки.

Источник: таблица составлена автором (руководителем «Русского клуба»)

ко известную в Китае песню «Подмосковные вечера» на русском языке, и на концерте песня была исполнена совместно русскими и китайскими студентами.

В концерте было много танцевальных номеров, так как приехала хореографическая группа, поэтому китайские студенты могли познакомиться с танцевальным творчеством русского народа. И третий момент знакомства с русской культурой, тоже немаловажный, присутствовал на концерте: это знакомство с русским народным костюмом. Китайские студенты были не просто удивлены, а поражены богатством русского национального костюма. Вот уж где хорошо подходит поговорка: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Итак, можно сделать вывод, что комплексный, интегративный характер страноведения России является его отличительной чертой. Это находит свое выражение в трех аспектах:

1. Изучение различных сторон жизни народа в учебном процессе (например, формирования российской государственности и современных политических процессов, федеративного политического устройства и национальной политики, экономики, культуры, науки и образования и др.).

2. В связи с ограниченностью учебного времени преподаватель не может раскрыть отдельные проблемы более глубоко. Однако в различных пособиях представлено множество материалов, чтобы студенты могли познакомиться с ними. В этом смысле особую важность приобретают различные формы самостоятельной работы учащихся.

3. Очень продуктивными в работе со студентами по выработке навыков совершенствования процесса мышления на изучаемом русском языке являются внеклассные формы работы. В качестве примера можно привести работу «Русского клуба», функционирующего на постоянной основе в течение учебного года, а также различные формы разовых мероприятий, например, концерты-гастроли русских коллективов в качестве культурного обмена.

2009 год был объявлен «Годом русского языка в Китае», что «подстегнуло» интерес к изучению русского языка, и, в конечном итоге, к русско-китайскому сотрудничеству. И мы убеждены, что через овладение культурологическими знаниями, отражёнными в языке культуры народа-носителя языка, дружелюбное отношение китайских специалистов к России будет способствовать укреплению российско-китайских связей в различных областях.

Литература

1. Багдасарьян, И.Е. Культурология: Учеб. для студ. техн. вузов [Текст]/ Колл. авт.; Под ред. Н. Г. Багдасарьян. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2001.- 511 с.

2. Ван Янчжэн. Страноведение России в китайской аудитории [Текст]/ Журнал «Русский язык за рубежом», 2008. № 6. С 84-87.

3. Вьюнов Ю.А. Концептуальные основы современного страноведения. Филология и культуроведение: наука – практика – преподавание [Текст] /Ю.В. Вьюнов. М.: Флинта-наука, 2006. 0.8 п.л.

4. Гадамер Г. Актуальность прекрасного [Текст]/Г. Гадамер. М.: Искусство, 1991. 368 с.
5. Парахонский Б.А. Язык культуры и генезис знания [Текст] /Б.А. Парахонский. Киев: Наукова думка, 1988. 212 с.
6. Прохоров, Ю.Н. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному : метод. пособие для студентов-русистов и преподавателей рус. яз. как иностр. [Текст]/Ю. Н. Прохоров. 2-е изд. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 108 с.
7. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение [Текст] /Ю.Е. Прохоров. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2007. 328 с.
8. «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы» .I Международная научно-практическая конференция [Текст]/ Журнал «Русский язык за рубежом», 2008. № 6. С. 108-112.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] /С.Г. Тер-Минасова. М., Изд-во «Слово/Slovo», 2000. 260 с.
10. Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник [Текст] /Р.И. Яранцев. М.: Рус. яз. Медиа, 2006. 896 с.

УДК 101.1: 316

Налётова Н.Ю.
Naljutova N.J.

Античность – Византия – Русь: к вопросу о культуросообразном характере традиций образования личности

Antiquity - Byzantium - Russia:
to the question of cultural nature of traditions of education of the personality

---

В статье автор показан процесс наследования традиций античной культуры и образования в условиях византийско-христианской и древнерусской цивилизации, который обозначил и определил принципиальное различие мировоззренческих и собственно практических установок и подходов к процессу образования и воспитания личности.

Ключевые слова: *Античность, христианский Восток, Древняя Русь, традиции, просвещение*

In the article the author shows the process of inheritance of traditions of ancient art and formation in the conditions of a Byzantine-Christian and Old Russian civilization which has designated and has defined basic distinction of world outlook and actually practical installations and approaches to the process of formation and education of the person.

Key words: *Antiquity, Christian East, ancient Russia, traditions, education*

Отечественной наукой отмечено, что эффективность развития современного общества во многом обусловлена степенью продуктивности использования имеющихся в традиции основ антропологического знания и культуры. Обращение к антропологическим основам культуры представляется исключительно актуальным, поскольку оно открывает действительные глубины и основы информации о человеке [1, с. 3].

Развитие просвещения и образования на христианском Востоке во многом определялось спецификой тех условий, в которые была поставлена Византия по отношению к культуре античности, ибо, как известно сама идея просвещения имеет античные истоки.

Обращаясь к исследованию античной культуры, заметим, что для неё было чрезвычайно велико значение интеллектуального начала. Центральным тезисом антропологической стратегии являлась необходимость обуздывать, укрощать, отёсывать «дикую и неразумную часть человеческого существа» и человеку надлежит заниматься настойчивым возделыванием, окультуриванием собственной природы. Возделывание человека означает в первую очередь его воспитание и образование. Поэтому цель античного образования определялась как развитие гармонично развитой личности, посредством совершенствования её разума [9,

---

НАЛЁТОВА Наталья Юрьевна, к.п.н., доцент Смоленского филиала Московского государственного университета путей сообщения (г. Смоленск) E-mail: nal.nat@yandex.ru

с. 44].

Выявить магистральную интуицию в образовании античного мира можно, в частности, проанализировав античные образовательные концепции. «К постижению сущего человек может приблизиться лишь посредством накопления разнообразных знаний и сведений об окружающем мире...» (индукция Аристотеля) или «посредством изучения явлений, постижимых в математизированной и геометризированной форме...» (дедукция Платона). Несмотря на то, что два эти подхода принципиально различны, их объединяет главная мысль, что постижение сущего для античного мира возможно лишь на основе логизирующего разума.

У древних римлян – Рим традиционно рассматривается как цивилизованный этап в развитии античного мира – антропологическая стратегия связана с осуществлением глобальных целей социально-политического характера. Цель образования – подготовка «гомо-политикус» – разносторонне гуманитарно-образованного человека, предназначенного для управления государством и активной общественной деятельности [1, с. 16]. То есть централизующим в образовании является уже принцип полезности – ярко выражена конкретная индивидуально-ценностная направленность. Соответственно и содержание образования у римлян носит ярко выраженный прикладной характер.

Таким образом, можно сказать, что утверждение античным миром в качестве высшей цели реализации задачи совершенствования индивида, его гармоничного формирования и развития необходимо обуславливало перенос самой задачи постижения истины в плоскость бытия конкретного человека, практической организации его жизнедеятельности. Античный мир сосредоточил своё внимание на внешних для человека реалиях. Поэтому образование направлено на то, чтобы развивать те стороны личности, кои органично связаны с преобразованием внешнего для человека мира, подчинением его себе и подчинённостью своей ему.

Предмет познания (сущее) в западном прочтении по его осмыслению, преобразованию используется как средство достижения чего-то для себя значимого не с религиозно-духовной точки зрения, а с утилитарно-прагматической. То есть знание о сущем рассматривается как важное условие осуществления самого процесса познания. Исследователи Гагаев А.А. и П.А. Гагаев считают, что речь идёт о последовательном разделении в познании познающего (человека) и познаваемого (сущего). Познающее в определённом отношении «умертвляет» познаваемое им (познанное можно отдать в другие руки, не боясь повредить; оно не личное, не живое) и в этом «умертвляет» и себя самое как живое [2, с. 237-238].

Эти античные интуиции (человек в его взаимосвязи, в его обусловленности внешним миром) позже вошли в основу культурной парадигмы европейского Запада, определили его тип духовности и культуры и были сохранены им посредством феномена образования.

Прямая наследница необычайно богатой цивилизации античного Средиземноморья, включавшей достижения собственно эллинской, эллинистической и римской эпох, Византия была исторически поставлена перед необходимостью сохранения и усвоения ценностей и достижений античной культуры, которые к моменту возникновения империи представляли собой достояние каждого образованного ромея. Византия обладала чрезвычайно богатым наследием античной эпохи, которое она, являясь частью Римской империи, стремилась сохранить. Античная культура представлялась византийцам настолько совершенной, что Византия не предпринимала никаких существенных усилий, чтобы уйти от неё. Образовательный интерес Византии включал знания античных культур Древней Греции и Древнего Рима.

Преобладание начала абстрактно-идеального, собственно культурного интереса, ориентации на сохранение античного культурного наследия в условиях христианской культуры получает отражение в распространении в империи феномена образования, образовательно-обучающей деятельности как важного фактора постижения и сохранения достижений античной, греко-римской цивилизации.

Собственно образовательный интерес являлся педагогически господствующим в условиях Византийской империи и был преимущественно ориентирован на постижение ценностей и знаний античных культур Древней Греции и Рима. Здесь не было создано нового типа преподавания. Оно имело «светский характер и придерживалось античных принципов и методов обучения» [4, с. 33].

С другой стороны, Византия успешно развивала собственный отличный от античности тип и способ религиозного мышления, свою автономную интеллектуальную традицию или же восточнохристианский дискурс (введено С.С. Хоружий) [8, с. 15].

В отличие от эллинов, христианский Восток сосредоточил внимание человека на его внутренней жизни. Человек как боговдохновенное начало стал предметом переживания и постижения души. «Всмотреться в себя как нечто живое и высокое, как то, для чего дела земные есть «дела ничтожные»» [3, с. 102]. Всмотреться в себя, пытаться выделить для себя предмет живого и высокого невозможно. Удержат себя как живое и высокое, возможно лишь созерцая себя как живое и высокое.

Речь идёт о принципиально новом способе и методе мысли – созерцании. Методе, который, с одной стороны, предполагает невмешательство познающего (человека) в переживаемое – постигаемое (сущее) выделением его из себя, с другой стороны, живое единение с постигаемым-переживаемым и формулирование на этой основе его феноменологии. Живое единение с предметом выражается в обретении познающим возможности управления движениями постигаемого феномена и в этом обращении последнего к собственной формализации.

Однако, созерцание не даётся человеку даром, оно есть выражение особого состояния человеческого духа. Человеку свыше дано переживать свою духовную неустроенность и стремиться преодолеть её. Преодоление этой неустроенности предполагает духовное усилие (синергию), направленное на высвобождение себя от зависимости от «окаменелых» (в смысле сугубо материальных) форм своего бытия и обретение богоподобия.

Так, в рамках восточнохристианского дискурса с неизбежностью возник принципиально другой антропологический проект. «Православный проект», который ставил себе задачей создание собственной парадигмы образования, отличной от классической античной модели. Эта новая модель отражала стремление отыскать некоторый синтез между учёностью и духовным христоцентричным опытом.

Впервые понимание необходимости относительно паритетного сосуществования и сочетания образования и духовно-христианского воспитания в православно-христианской культуре было обозначено в раннехристианский период в трудах и творениях крупнейших религиозных мыслителей Оригена, Климента Александрийского, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста. Эти мыслители и деятели церкви реально рассматривали задачу осуществления духовного воспитания в общегосударственном масштабе в связи с официальным принятием христианства в качестве общегосударственной религии. Своё дальнейшее мощное и самобытное развитие «Православный проект» просвещения получил уже в условиях православной Руси.

Анализируя судьбу «Православного проекта» в России заметим, что на начальном этапе – в древнерусский период — это была трансляция

восточнохристианского дискурса из Византии, хотя и не в полнее идентичная – причина языковая изолированность русского мира, то, что русские усвоили Слово Божие и святоотеческое наследие не на греческом, а на славянском языке. Наше образовательное начало заключалось в русском православии, с элементами христианского византийского и древнеславянского языческого наследия. Данный факт позволяет исследователям (Г.П. Федотов [7], Г. Шпет [10], С.С. Хоружий [8] и др.) сделать вывод о том, что в дополнение к отсутствию трансляции античной парадигмы, присутствует неполнота трансляции византийской парадигмы. Развитый интеллектуальный аппарат восточнохристианского дискурса, как синтез патристики (учённость) и аскетики (духовный опыт) на Руси становится аскетической школой и замыкается в мире монашества и народной религиозности. Он не становится строительным началом русской культуры и образованности.

В данном контексте нельзя не обнаружить другой взгляд на русскую интеллектуальную культурную традицию, поддержанный В.Н. Топоровым [6], позже самим Г.П. Федотовым [7], которые считают, что Русь вовсе не была чужда Логосу, хотя и выражала его в собственных знаках и представлениях. Согласиться с такой критической оценкой, игнорирующей всё интеллектуальное наследие Древней Руси, выросшее из христианского источника, полностью невозможно, особенно в свете результатов многолетних исследований Д.С. Лихачёва [5] и многих других.

Уясняя специфику православной культуры и просвещения, нужно понимать, что она исходит совершенно из других ориентаций. Это стремление к энергии благодати в образовании, культуре, социальной жизни. Русь вовсе не противоречит интересам учёного развития, но привносит свои цивилизационные потенции, в которых стихия духовной жизни является определяющей.

Отстаивая приоритет духовного начала, церковь направляла своё воспитательное воздействие на формирование у русского народа целого комплекса черт, таких как интенсивность и богатство душевной жизни, способность к аскетизму, жертвенности и милосердию. Для достижения поставленной цели церковь синтезировала объёмное поле педагогических технологий, в котором культурное поле (церковная учительная книжность, искусство, сакрально-литургические формы) сочеталась с подвигом жизни, и проповедью её учителей-подвижников. В условиях Древней Руси данная концепция просвещения имела достаточно целостный и непротиворечивый характер, позволявший церкви реализовывать наряду с собственно воспитательными, также цели и задачи образовательной, обучающей деятельности, что подтверждают факты создания церковно-приходских школ, монастырских библиотек, увеличения количества грамотных людей.

Итак, уточним различия в подходах к процессу образования и воспитания личности, которые сложились в условиях трёх различных культур. Древняя Греция рассматривала образование и воспитание в качестве средств всестороннего развития разума личности. Рим утверждал приоритетность сферы социально-профессиональных ценностей личности, стремился приспособить образование для решения практических задач. Византия утверждала образование, прежде всего, как форму и способ сохранения античной культуры, которую она стремилась активно использовать в целях формирования духовно-религиозной направленности мировоззрения личности. Древняя Русь сосредоточила основное внимание на реализации целей духовного воспитания, формирования духовного опыта личности, на основе которого реализовала задачи образовательной деятельности.

Таким образом, образование и воспитание по природе своей за-

кономерны и обладают культуросообразным характером, отражают специфику распространённых в культуре представлений о ценностях и личностных идеалах. Благодаря подобному отражению социокультурной реальности сфера педагогических явлений может рассматриваться в качестве своего рода великолепного поля изучения возможных путей развития гармонично развитой личности.

Литература

1. Бугов А.Ю. Становление традиций российского образования и воспитания XVIII – XIX века: Дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. М.: РГБ, 2006. 522 с.
2. Гагаев П.А., Гагаев А.А. Православие и наука // Альманах религиозоведения. Вып. 4. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2003. С. 237-243.
3. Златоуст Иоанн. Беседы на Евангелие от Иоанна. Кн. 1. М.: Московский патриархат, 1993. 92 с.
4. Кривушин И.В. Византийское образование при Палеологах // Традиции образования и воспитания в Европе XI – XVII веков. Иваново: ИГПУ, 1995. С. 20-34.
5. Лихачёв Д.С. Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI – XVII вв. М-Л.: АН СССР, 1945. 120 с.
6. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.2. Три века христианства на Руси (XII – XIV вв.). М.: Языки русской культуры, 1998. 902 с.
7. Федотов Г.П. Святые древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
8. Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции М.: Парад, 2005. 448 с.
9. Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-исторической развитии и в органической связи с культурной жизнью народов. В 4-х томах. 1877 – 1881. Т. 2. М., 1879.
10. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II Материалы / под ред. Т. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2009. 848 с.

УДК 316.3

*Крупна Т.А.
Крупна Т.А.*

Личность современного преподавателя в контексте инновационного вектора образования

**The personality of the modern teacher
in a context of an innovative vector of education**

В статье представлены результаты социологического исследования, целью которого являлось выявление мнения студентов о личности современного преподавателя. Анализируются такие факторы, как социальный статус, человеческие и профессиональные качества, возраст и инновационный потенциал преподавательского корпуса.

Ключевые слова: *инновация, компетентность, личность, образование, преподаватель, профессия, студент, статус*

The results of the sociological study which purpose was to reveal the students opinion about personalities of the modern teacher are presented in the article. Such factors as social status, human and professional quality, age and innovation potential of the teaching contingent are also being analyzed here.

Key words: *innovation, competence, personality, education, teacher, profession, student, status*

Профессия преподавателя относится к типу «человек-человек», а это означает, что её представители по условиям работы имеют дело с другими людьми. Очевидно, что социальный статус и имидж современного преподавателя является непосредственным компонентом, участвующим в трудовой деятельности педагога. Социальный статус преподавателя серьезно влияет не только на отношение студентов к самому педагогу, но и на внимание к изучаемому предмету и даже на их поведение во время занятий. Преподавателю в силу своей профессии приходится общаться не только с людьми, но и осуществлять учебный процесс, то есть транслировать какую-либо информацию [2, с. 1]. Учебная информация воспринимается студентами, как правило, в единстве с социальной информацией, которая воспринимается на социально-психологическом уровне.

Студенчество двухтысячных годов является интересным объектом для изучения. Рождённые в кризисные 1990-е годы, но не успевшие в себя впитать постсоветский нигилизм молодёжи 90-х, они более уравновешенны, спокойны, но и в такой же степени пассивны в плане постижения нового знания. Они привыкли потреблять готовый материал в виде визуально-тестовой формы, что нивелировало в них склонность к размышлению. Однако информационно-техническая культура современного студенчества постоянно возрастает и центр тяжести в структуре

КРУПА Татьяна Альбертовна, к.социол.н., доцент кафедры отечественной истории и архивоведения Дальневосточного федерального университета. (г. Владивосток). **E-mail:** tatianakrupa@yandex.ru

образования при использовании новых информационных технологий постепенно переносится на студента.

Преподаватели склонны критиковать студенческую молодёжь, сравнивать её с предшествующими поколениями студентов, навешивать отрицательные ярлыки. Но в данном контексте необходимо поставить и другой вопрос «Как изменился преподавательский корпус за последние десятилетия?» Нужно иметь в виду, что профессия преподавателя консервативна по своей сути и не склонна к самокритике, более того, не терпит её. Современная ситуация такова, что роль преподавателя как единственного источника знаний уже не отражает современную реальность [1, с. 1]. В данном контексте среди первостепенных проблем социологии образования важное значение имеет изучение личности преподавателя. Преподаватели глазами студентов – одна из самых интересных тем в современных общественных науках.

Преподаватель – публичная профессия, а соответственно личность, внешность, возраст, привычки и человеческие качества преподавателя являются постоянным объектом обсуждения в студенческой среде [3, с. 3]. Самые критичные студенты на некоторых факультетах ведут дневники наблюдения за преподавателями и передают их от курса к курсу.

Целью данной статьи являлось определение социологического портрета современного преподавателя в представлении студентов.

Для реализации данной цели в декабре-мае 2011 г. в Дальневосточном государственном техническом университете был проведён опрос студентов по специально разработанной анкете «Преподаватель глазами студентов». Выборка включала вуз технического профиля, внутри которого на основе случайного отбора и был сформирован список восьми обследуемых студенческих групп инженерных специальностей: радиотелевидение-связь, акустика, биомедицинские технологии, автомобили и автомобильное хозяйство, подъёмно-транспортные машины, организация перевозок и управления на транспорте, материаловедение в машиностроении, технология художественной обработки материалов. Внутри групп проводилось сплошное анкетирование.

В общей сложности было роздано 100 анкет, возвращено 92, после проверки и отсева некачественно заполненных экземпляров, осталось 83 анкеты. Анкета содержала 16 вопросов.

Вполне очевидно, что содержащиеся в статье количественные данные и качественные характеристики ни в коей мере не могут рассматриваться как устойчивые оценки. Также полученные данные априори не могут быть распространены на какую-либо устойчивую совокупность профессорско-преподавательского состава. Однако, впрочем, это не умаляет достоинства проведённого автором исследования. Оно фиксирует фактологию «момента и места» конкретного социологического опроса и нацелено на обобщения, приближенные к конкретным данным и контексту событий.

С целью получения относительно достоверных данных, анонимный опрос производился после сдачи экзамена, чтобы избежать неискренности в ответах. «Каким должен быть современный преподаватель?», этот вопрос был открытым. Ответы-характеристики студентов можно типологизировать по четырём основным блокам, которые анализируются по убывающей шкале: 1 блок – самый многочисленный – «преподаватель должен быть умным, компетентным, увлечённым своим предметом»; 2 блок характеризует человеческие качества преподавателя: «человечный, хороший, снисходительный, добрый, понимающий». Требовательность вошла в 3 блок: «справедливый, строгий, требовательный, объективный, честный».

«Продвинутость» как ожидаемое от преподавателя качество, отхо-

дит на предпоследнее, четвёртое место. В четвёртом блоке обозначены такие качества, как современный, креативный, творческий, продвинутый. В последнем пятом блоке оказались характеристики, связанные с внешностью: молодой, красивый, опрятный. Итак, компетентность преподавателя вынесена на первое место, положительные человеческие качества – на второе, а соответствие требованиям времени – на предпоследнее место.

Преобладание женщин в сфере образования – общепризнанный факт. Можно было бы надеяться, что в техническом вузе – это не так. Но опрос подтвердил общепринятую тенденцию – 90% опрошенных признали, что в их вузе большинство преподавателей – женщины. Преобладающему количеству студентов хотелось бы, чтобы мужчин среди преподавателей было больше, но женское лицо среднего и высшего образования – факт устоявшийся.

Преподавательская профессия консервативна, и это предполагает, что она возрастная. Такие важные для преподавателя качества, как компетентность, ответственность, снисходительность приобретаются с возрастом. Неоднозначность ситуации состоит в том, что современные реформы образования ориентируются на минимизацию возрастных преподавательских кадров. Многие научные гранты и проекты направлены на учёных моложе 35 лет. Хотя более половины исследователей в научной сфере – это возрастная группа в возрасте около 50 лет.

Интересно было узнать мнение студентов о «лучшем возрасте» для преподавательской профессии. Анализируя ответы студентов можно отметить, что нижняя граница отметилась возрастом 30 лет для большинства респондентов, а верхняя – 40 лет. Опрошенные студенты предпочли бы видеть в аудиториях преимущественно педагогов среднего возраста в интервале 30-40 лет.

Возрастная тема всегда очень болезненна для преподавателей. Постмодернистская культура и современное общество потребления ориентировано на молодую аудиторию. Молодёжь в европейской культуре снисходительно и без пиетета относится к ценностям и традициям старшего поколения. В данном контексте студентам был адресован вопрос: «По вашему мнению, в каком возрасте нужно прекращать преподавательскую деятельность?» и ответы на него не стоит принимать близко к сердцу, так как взгляды студентов – побочный продукт молодёжно ориентированной пропаганды общества суперпотребления, отрицающей старение как неизбежность.

По мнению большинства студентов, преподавателю стоит уйти из профессии в интервале 50-60 лет; 12% признали, что нет определённого возраста для выхода на пенсию; 7% указали интервал 70-90 лет.

Профессии преподавателя, как и любой другой профессии, свойственны недостатки. Самым распространённым изъяном в нашей сфере деятельности является синдром эмоционального сгорания и автоматизм. Но это элемент самокритики. А какие недостатки в преподавателях видны студентам? Ответы на вопрос: «Какие недостатки характерны для современных преподавателей?» можно сгруппировать в пять блоков. Блоки анализируются по убывающей шкале. Первый блок представлен такими качествами, как: «вспыльчивость, раздражительность, неуравновешенность, равнодушие, грубость, агрессия». Во втором блоке – «излишняя строгость, принципиальность, субъективность, предвзятость». В четвёртом – «старомодность».

Чего не хватает преподавателям вуза для того, чтобы работать с полной отдачей и удовлетворять всем требованиям студентов? На такой вопрос было предложено ответить студентам. Группировка ответов по блокам выглядит следующим образом. Первый блок – «не хватает ду-

шевности, человечности, психической уравновешенности, терпения». Позиции этого блока примыкают к позициям первого блока по ответам на предыдущий вопрос. Во втором блоке оказались «компетентность, техническое оснащение, современное мышление, заинтересованность в своей работе»; в третьем блоке «деньги, зарплата и отдых», а юмор – в пятом.

Реальный статус преподавателя в России сегодня таков, что при глубоком уважении к этой профессии как таковой, большинство опрошенных не хотят видеть себя преподавателями в будущем. Предшествующие исследования показывают, что предпочтительным занятием для молодёжи является сфера предпринимательства, бизнеса и государственная служба в качестве чиновника, либо депутата. Педагогическая профессия финансовых предпочтений не предполагает, отсюда недостаточная её востребованность среди молодёжи. И всё же 20% опрошенных хотели бы стать преподавателями, а 80% – исключили для себя такую перспективу. Prestиж профессии в обществе в немалой степени определяется финансированием какого-либо вида деятельности. Социально-экономические проблемы образования в нашей стране давно являются хронической болезнью. В глазах 58% опрошенных студентов преподавательская профессия не очень престижна; 32% считают её престижной, а 10% – не престижной. Не улучшая проблемное поле социально-экономических вопросов системы образования, российским преподавателям трудно будет в дальнейшем решать задачи инновационного развития страны.

Таким образом, внешним отражением личности идеального преподавателя в глазах студентов выступает сочетание человеческих и профессиональных качеств. При этом человеческие качества выносятся на первый план. Идеальный преподаватель компетентен, человечен, снисходителен, обладает чувством юмора. Не оправдалась гипотеза, связанная с тем, что на первое место студенты поставят креативность, современность, «продвинутость». Хотя этого требует инновационная модель образования. Очень немногие хотели бы связать свою профессиональную деятельность с педагогической сферой, в результате будет углубляться старение педагогических кадров в высшей школе и нехватка молодых специалистов. Это входит в противоречие с инновационным вектором развития нашего государства. Инновационное мышление формируется в ходе обучения и личность преподавателя играет в этом процессе не последнюю роль [4, с. 1]. Необходимо отметить, что среди перечисленных студентами качеств преподавателя, термин «инновационный» в целом, отсутствовал. Вопросы анкеты формировались как открытые и студенты сами могли бы указать инновационные качества как предпочтительные, но этого не произошло. Это может означать, что инновационный вектор образования до конца не осмыслен не только в преподавательской среде, имманентно считающейся консервативной, но и студенчество пока ещё не в полной мере осознаёт «Каким должен быть инновационный преподаватель?».

Литература

1. Баклашов А. Современный преподаватель московского колледжа, какой он? // Федеральный специализированный журнал «Кто есть Кто в образовании

и науке». № 1 (5). 2010 [Электронный ресурс]. URL <http://www.ktovobrnauke.ru/news/2010/1/sovremennyy-prepodavatel-moskovskogo-kolledzha-kakoy-on.html> [Дата обращения 14.12.2011 г.].

2. Лебедева Ю.Л. Особенности проектирования имиджа современного преподавателя // Особенности проектирования необходимого имиджа. Сайт института менеджмента и экономики Омского государственного университета путей сообщения [Электронный ресурс]. URL <http://www.imek.org?q=node/1224>. [Дата обращения: 10.02.2012 г.].

3. Попова Т.А. Социально-экономические предпосылки становления и развития личности современного преподавателя // Материалы интернет-конференции Белгородского государственного университета «Современный преподаватель: личность и деятельность» [Электронный ресурс]. URL http://www.unid.bsu.edu.ru/УНИД_БелГУ/teach/sbornik [Дата обращения: 4.11.2011 г.].

4. Шумакова И.В. Личность современного учителя: имидж и сущность // Материалы Интернет-конференции Белгородского государственного университета «Современный преподаватель: личность и деятельность» [Электронный ресурс]. URL http://www.unid.bsu.edu.ru/УНИД_БелГУ/.../detail.php?ELEMENT_ID... [Дата обращения: 11.02.2012 г.].

УДК:94(47).084.3

Оседец А.Г.
Oseledets A.G.

Особенности формирования сухопутных вооружённых отрядов моряков в конце 1917 – начале 1918 гг.

**Features of formation of the overland armed groups of seamen
in the end of 1917 – beginning of 1918**

В статье исследуется деятельность высшего военно-политического руководства РСФСР в области военно-морского строительства по организации и боевому использованию сухопутных вооружённых формирований флота в конце 1917 – начале 1918 гг., когда сухопутные отряды моряков сыграли ключевую роль в подавлении первых очагов вооружённого сопротивления установлению Советской власти в центре и на местах.

Ключевые слова: *сухопутные отряды моряков, военно-морское строительство, гражданская война, вооружённое сопротивление советизации*

The subject of consideration of the article is activity of military and political administration of RSFSR in the field of naval engineering upon management and combat employment of land corps of marine in the end of 1917- beginning of 1918, when they had played the crucial role in suppression of the first armed resistance to establishment of the Soviet system in the center and regions of the country.

Key words: *overland groups of seamen, naval construction, civil war, armed resistance to sovietization*

Первые очаги сопротивления октябрьскому перевороту в ноябре 1917 – феврале 1918 гг. были ликвидированы отрядами Красной гвардии, революционными воинскими частями, а также отрядами моряков Балтийского и Черноморского флотов, военных и речных флотилий. К концу февраля 1918 г. Советская власть установилась почти по всей стране. Важную роль в борьбе с антибольшевистскими силами в различных районах страны сыграли революционные сухопутные отряды военных моряков, сформированные по указанию центральной власти. После победы Октябрьского вооружённого восстания по распоряжению военно-политического руководства страны флот выделял военно-морские кадры на борьбу против вооружённых формирований антибольшевистских сил в конце 1917 – начале 1918 гг., а на протяжении всей гражданской войны, – в боевые части и соединения РККА.

Так, коллегия Наркомата по военным делам на совещании, проведённом в конце декабря 1917 г. с участием В.И. Ленина и П.Е. Дыбенко, предложила «снятие максимума матросов с кораблей, чтобы цементи-

---

ОСЕЛЕДЕЦ Александр Георгиевич, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток).

ровать ими добровольческие отряды» [3, с. 29]. В середине января 1918 г. Нарком по военным делам Н.И. Подвойский дал указание Верховной морской коллегии выделять для каждого эшелона революционных войск «в качестве организующего и боевого ядра по одному взводу моряков» [2, с. 396]. Подобные решения со стороны центральной власти являлись систематическими вплоть до весны 1918 г. Цели и задачи и предназначение сухопутных формирований флота в этот период имели характерные особенности, в корне отличавшиеся от отрядов моряков, которые были созданы в последующие годы гражданской войны.

Во-первых, создание сухопутных вооружённых формирований флота, присущих этапу становления Советской власти и подавления вооружённого антибольшевистского сопротивления в конце 1917 – начале 1918 гг., носило оперативный характер, обусловленный революционной обстановкой. Основной целью формирования подобных отрядов служило немедленное и беспощадное подавление вооружённого сопротивления антибольшевистских выступлений с использованием собственных сил в центре и на местах, а также поддержки вооружённых отрядов рабочих и красногвардейцев. Формирование отрядов шло не на штатной основе, а, как правило, из числа добровольцев и выдвинутых судовыми комитетами боевых кораблей Балтийского или Черноморского флотов своих представителей «для защиты революции». Руководство отрядами поручалось одному из членов Военно-Революционного Комитета, или наиболее доверенным матросам, выбранным судовым комитетом или назначенным ВРК.

Так, большое значение в установлении Советской власти в Москве сыграл Сводный отряд балтийских моряков (1917 – 1918 гг.), в составе которого находилось более 500 кронштадтцев, под командованием члена Московского ВРК Е.Н. Игнатова [2, с. 399]. Часть отряда заступила на охрану Совета, а большинство начали вести боевые действия против контрреволюционных сил. Моряки участвовали во взятии опорных пунктов юнкеров у гостиниц «Метрополь», «Гранд-отель», в захвате Центральной городской телефонной станции. Моряки участвовали в ликвидации антибольшевистского подполья и поддержании порядка в городе, вели борьбу с преступностью в городе [6, с. 68, 100, 108, 125].

Важную поддержку Сводному отряду балтийских моряков в октябре – ноябре 1917 г. оказал Отряд петроградских сводных войск. 2 ноября по указанию В.И. Ленина из Петрограда в помощь московскому пролетариату выехал отряд революционных сил из балтийских матросов, красногвардейцев и солдат 428-го Лодейнопольского пехотного полка с двумя бронеплощадками (4 орудия, 4 пулемёта) в составе 500 матросов под командованием мичмана Ф.Ф. Раскольников. Впоследствии бронепоезд, укомплектованный моряками отряда, переименован в 1-й блиндированный поезд, а командиром назначен артиллерийский кондуктор флота В.И. Годлевский (РГВА. Ф. 7526. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 28, 28 об.). По распоряжению Петроградского ВРК из моряков в Москве и выделенного штабом Московского военного округа пополнения революционных солдат и красногвардейцев был сформирован Отряд петроградских сводных войск. В его составе насчитывалось около 300 человек, в том числе 170 балтийских матросов с линкоров «Гангут», «Республика», крейсера «Аврора», эсминцев «Капитан Белли», «Капитан 1 ранга Миклухо-Маклай», из Машинной школы и 1-го Балтийского флотского экипажа. В состав отряда входили 1-й блиндированный поезд, две вооружённые бронеплощадки, два броневедомоцикла, несколько 76-мм орудий и 30 пулемётов. Командиром отряда был избран Н.А. Ховрин с линкора «Республика» [2, с. 316, 399].

С ноября 1917 г. решением высшего политического руководства отряды моряков направлялись на юг страны для подавления вооружённого сопротивления противников Советской власти. Так, по распоряжению Петроградского ВРК 10 ноября 1917 г. из Москвы на юг страны отправлены отряды в четырёх эшелонах для борьбы с контрреволюцией (РГВА. Ф. 7526. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 28, 28 об.), а 25 ноября 1917 г. – на борьбу с оренбургскими белоказаками атамана А.И. Дутова (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 156, 157). 10 декабря 1917 г. полевой штаб главнокомандующего Петроградским военным округом обратился в Верховную морскую коллегия с просьбой о выделении в распоряжение наркома по борьбе с контрреволюцией на юге страны В.А. Антонова-Овсеенко отряда моряков. В тот же день нарком по морским делам П.Е. Дыбенко приказал выслать для этой цели 120 моряков из Кронштадта (РГАВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 149. Л. 10; Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 19. Л. 91, 92).

Для ликвидации антибольшевистских вооружённых выступлений, направленных против Советской власти, вооружённые отряды создавались не только Балтийским флотом, но и другими флотами. В частности, по решению Севастопольского Совета 17 ноября 1917 г. для борьбы с контрреволюцией на Дону Черноморским флотом был создан Черноморский революционный отряд под командованием А.В. Мокроусова, а 22 ноября по решению исполкома Севастопольского Совета отряду были приданы два гидросамолёта (РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 17. Л. 284-298). До конца декабря отряд вёл активные боевые действия на юге против вооружённого сопротивления противников Советской власти [7, с. 41-43, 584]. На Морском заводе в Севастополе для отряда был оборудован блиндированный поезд, вооружённый 4 75-мм орудиями и пулемётами. Командиром поезда назначен бывший артиллерийский кондуктор флота военмор Г.И. Барановский [7, с. 65, 66, 72-75, 77, 78, 587-590]. 23 января 1918 г. Черноморский революционный отряд в количестве 475 бойцов, вооружённый орудиями и пулемётами под командованием военмора А.В. Мокроусова, был подчинён В.А. Антонову-Овсеенко, командовавшему всеми советскими войсками юга (РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 44. Л. 40). Вплоть до весны 1918 г. отряд вёл тяжёлые бои в Крыму и на юге страны [7, с. 85, 593]. В начале января в Севастополе был сформирован ещё один отряд черноморских моряков, в который вошло около 300 человек из экипажей линкоров «Воля», «Георгий Победоносец», крейсера «Очаков» и эсминца «Фидониси». Командиром отряда стал военмор А.В. Полупанов с «Фидониси» (РГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 208. Л. 1-169). Вскоре отряд был направлен на борьбу с донской контрреволюцией. В пути следования к морякам присоединилась группа рабочих-красногвардейцев (РГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 208. Л. 1-169). 19 января 1918 г. Севастопольский военно-революционный штаб дал указание ЦК Черноморского флота выделить для отправки на Дон ещё 200 моряков из экипажа линкора «Три Святителя» и 100 человек с линкора «Иоанн Златоуст». В тот же день в Черноморском флотском экипаже был сформирован отряд из 500 черноморцев [7, с. 89].

Во-вторых, отдельным отрядам моряков поручались важные правительственные и другие важные оперативные задачи. Это, как правило, охрана правительственных учреждений, арест бывших руководителей Русской Армии и Императорского флота, а также решительного подавления вооружённого сопротивления в отдельных районах или частях армии. Так, для решения подобных задач в конце 1917 г. был сформирован Сводный отряд балтийских моряков (командир С.Д. Павлов). Моряки были выделены из экипажей линкоров «Гангут», «Петропавловск», «Андрей Первозванный» и других кораблей, базировавшихся в главной базе Балтийского флота (РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 113. Л. 97.). 17

ноября Сводный отряд вместе с гвардии Литовским резервным полком и разведывательным отрядом под командованием С.Д. Кудинского, сопровождал вновь назначенного Верховного главнокомандующего прапорщика Н.В. Крыленко в Могилёв для занятия Ставки [4, с. 34-35]. В течение нескольких дней балтийцы несли охрану Ставки и поддерживали порядок в городе. Отсюда около 90 моряков во главе с Кирилловым были направлены в Вятку в распоряжение местного Совета для укрепления революционного порядка. Часть моряков из состава Сводного отряда убыла на Украину для борьбы с буржуазными националистами (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. 273. Л. 22; Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 397. Л. 5). Формировали и другие отряды моряков для выполнения подобного рода задач. В частности, 3 ноября 1917 г. по предписанию ВРК Эстонского края в г. Везенберг для ареста комиссаров Временного правительства из Ревеля было направлено 30 матросов с крейсера «Рюрик».

Балтийский флот в период становления Советской власти сформировал самое большое количество сухопутных отрядов. В их числе и Сводный отряд балтийских моряков под командованием Н. Яковлева (РГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 119. Л. 1 об.). В составе отряда насчитывалось 2 офицера, 278 матросов, 23 солдата береговых частей Балтийского флота, 13 красногвардейцев и 16 медицинских работников. Балтийцы усилили состав 3-й колонны 1-го Минского революционного отряда (РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 257). 18 декабря 1917 директивой начальника Революционного полевого штаба по борьбе с контрреволюцией М.К. Тёр-Арутюнянца создана Гомельская группа войск, объединившая все части, наступавшие на Киев и отрезавшие пути сообщения противнику. Сводный отряд вместе с несколькими армейскими частями, отрядом красногвардейцев, бронепоездом и артиллерийской батареей составили Особую ударную группу Гомельской группы войск (РГАВМФ. Ф. 39242. Оп. 1. Д. 1. Л. 118-120, 150, 216). 8 ноября 1917 г. для оказания помощи трудящимся Вологды и Вятки в установлении Советской власти Петроградский ВРК направил отряд из 500 балтийских моряков под командованием Ю.А. Дрылевского. Балтийцы обеспечили доставку в столицу продовольствия и участвовала в установлении власти Советов в Яранске и Елабуге.

В ноябре для выполнения оперативных заданий ВМРК Центробалт выделил 210 моряков с крейсеров «Адмирал Макаров», «Олег», «Рюрик», посыльного судна «Кречет», воздушных станций «Бригитовка» и «Ревель», из Южного района Службы связи Балтийского моря, Ревельского флотского полуэкипажа, 1-го и 2-го отдельных батальонов артиллерии Приморского фронта и 100 моряков – из частей Або-Аландской укрепленной позиции, а для несения пограничной службы на железнодорожной станции Торнео (Торнио) из Гельсингфорса направлено 40 балтийских моряков.

В-третьих, после подавления вооружённого сопротивления для охраны революционного порядка в городах, а также только что сформированных советских учреждений, из бойцов сухопутных вооружённых отрядов формировались группы, в которые комиссарами назначались революционные моряки боевых кораблей. Кроме того, для выполнения заданий партийных и правительственных органов в столице морские части и корабли, находившиеся в Петрограде и Кронштадте, а также другие морские базы Балтийского флота постоянно выделяли отряды вооружённых моряков. Так, 4 января 1918 г., по решению Кронштадтского Совета для поддержания революционного порядка в Петрограде во время открытия Учредительного собрания был сформирован Кронштадтский сводный отряд. В него вошло около 600 моряков и солдат крепостных частей. Утром 5 января Кронштадтский сводный отряд под

командованием комиссаров К.М. Каллиса, Л.К. Гримма и В.П. Громова убыл в Петроград в распоряжение секции Военно-морского революционного комитета Управления политической частью Морского министерства. До 10 января кронштадтцы участвовали в поддержании порядка в столице и ликвидации различных оппозиционных и контрреволюционных организаций [1, с. 68-69, 318], а 7 марта для нужд флота и гражданского населения кронштадтцы доставили с юга 20 вагонов продовольствия и 18 вагонов угля (РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 22 об).

Ещё один Сводный морской отряд был сформирован в Петрограде в начале января 1918 г. для поддержания в городе порядка. В его состав вошло более 200 моряков флотских частей Петроградского гарнизона и прибывших из Гельсингфорса. Командиром назначен член РСДРП (б) с 1905 г. Л.Я. Угрюмов (РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 71). На общем собрании моряки приняли резолюцию, свидетельствовавшую об их твёрдом решении отстаивать власть Советов и бороться с контрреволюцией. Отряд принимал участие в ликвидации антибольшевистского подполья и нёс патрульную службу в столице (РГВА. Ф. 39242. Оп. 1. Д. 13. Л. 37, 38). 16 января Сводный морской отряд направлен на подавление мятежа 1-го польского корпуса. После прибытия в Могилёв он вошёл в состав группы революционных войск под командованием И.И. Вацетиса. Вместе с другими частями этой группы моряки 30 и 31 января участвовали в разгроме 1-й польской дивизии и в освобождении г. Рогачев (РГАВМФ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 5. Л. 10). В феврале этот отряд стал основой для формирования Рогачевского отряда. Начальником был назначен Л.Я. Угрюмов. Вскоре Сводный морской отряд вошёл в состав Западного революционного фронта по борьбе с контрреволюцией (РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 174. Л. 15). 6 января 1918 г. командующий 1-м Минским революционным отрядом Р.И. Берзин обратился в Центробалт с просьбой о направлении в Гомель для усиления его войск 2 тыс. балтийских моряков и морской артиллерии. Для чего к середине января Управление политической частью Морского министерства сформировало 1-й Кронштадтский отряд моряков (500 чел., 10 пулемётов), который был направлен в Гомель (РГВА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4. Л. 49, 50).

По личному предписанию наркома по военным делам Н.И. Подвойского, Военно-морским революционным комитетом, входившим как секция в состав Управления политической частью Морского министерства, в конце января 1918 г. был сформирован Сводный морской отряд под командованием И.И. Вахрамеева, перед которым была поставлена задача: навести революционный порядок в Рыбинске. В этом городе находились значительные запасы различного снаряжения для Западного фронта, и возникла угроза их разграбления разложившимся местным гарнизоном. Городской Совет не имел достаточных сил для борьбы с мародёрами и обратился за помощью в Петроград [5, с. 253, 254, 288]. В Сводный морской отряд вошли 106 военморов из флотских частей в Петрограде. Командиром был назначен начальник Управления политической частью Морского министерства И.И. Вахрамеев (РГАВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 206).

24 января 1918 г. Центробалт по докладу члена комитета Д.Я. Пивена принял решение сформировать для поддержания революционного порядка в Петрограде ещё один отряд из 300 моряков из числа увольняемых в запас. Отряд был передан в распоряжение управляющего делами СНК РСФСР В.Д. Боич-Бруевича (РГАВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 149. Л. 10; Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 19. Л. 91, 92).

Часть моряков из состава сформированных вооружённых отрядов привлекались в качестве инструкторов для организации красногвардейских отрядов [5, с. 71, 144, 148-153, 280, 288]. Только 1 ноября 1917 г.

Военно-морской революционный комитет направил в распоряжение штаба Петроградского ВРК 11 матросов с линкора «Петропавловск» и одного матроса с учебного судна-авиатранспорта «Орлица» (РГВА. Ф. 1050. Оп. 1. Д. 19, 1, 2; Ф. 25888. Оп. 3. Д. 11. Л. 145).

Для утверждения Советской власти и организации нового флота как в 1918 г., так и на протяжении всего 1919 г. существенное значение сыграли так называемые «отряды моряков особого назначения». К примеру, 28 февраля 1918 г. в Петрограде при Военном отделе Наркомата по морским делам сформирован 1-й добровольческий Морской береговой отряд Красного флота (позже переименованный в 1-й Морской береговой отряд при Военном отделе Наркомата по морским делам). Командиром отряда назначен военмор Н.Т. Антропов. Отряд предназначался для выполнения специальных заданий военно-морского командования и первоначального строевого обучения добровольцев РККФ. К 10 марта в четырёх ротах насчитывалось 1026 моряков. В ночь на 11 марта выделенные из состава отряда 109 человек и 11 моряков с минного заградителя «Амур» под командованием К. Ноака несли охрану поездов Советского правительства при переезде из Петрограда в Москву [2, с. 419].

В-четвёртых, важное место в истории становления Советской власти в конце декабря 1917 – начале 1918 гг. сыграли продовольственные отряды балтийских моряков. Кронштадтские моряки обеспечивали доставку продовольственных грузов, проводили разъяснительную работу среди населения отдалённых от центра районов, оказывали помощь в установлении на местах власти Советов. После победы Октябрьского вооружённого восстания, продовольственный кризис в Петрограде продолжался. 5 ноября 1917 г. Петроградский ВРК принял решение создать десять отрядов «из наиболее сознательных товарищей-кронштадтцев для прекращения расхищения продовольственных грузов, для урегулирования продовольственного дела, для препровождения продовольственных грузов на места». Их организация поручалась матросу-большевику Т.И. Ульянову (Отрадневу) [5, с. 97, 132, 133]. На следующий день Кронштадтский военно-морской комитет дал указание морским частям гарнизона выделить в состав продовольственных отрядов 500 матросов. Во главе каждого отряда стоял комиссар, назначенный Петроградскими ВРК и комитетом РСДРП (б). 16 ноября отряды кронштадтских матросов были направлены: по Мурманской железной дороге (44 чел.; комиссар Блинов); в Херсонскую, Таврическую и Екатеринославскую губернии (5 чел.; комиссар Лускарёв); в районы Западной Сибири, Томскую и Акмолинскую губернии (50 чел.; комиссар Косарёв); в Воронежскую и Тамбовскую губернии (22 чел.; комиссар Лычин); в Курскую и Орловскую губернии (32 чел.; комиссар Шашкин); в Харьковскую и Полтавскую губернии (53 чел.; комиссар Давыдовский); в Уфимскую губернию (34 чел.; комиссар Осипов); в Самарскую, Казанскую и Оренбургскую губернии (24 чел.); в Тургайскую область (46 чел.; комиссар В.М. Чекмарёв) [1, с. 24, 25, 313, 314].

В-пятых, немаловажное значение имело формирование сухопутных вооружённых формирований моряков для поддержки частей РККА в период отражения наступления германских войск в феврале – марте 1918 г. (РГАВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 149. Л. 46). В составе фронтов в районах Рогачева, Жлобина, Гомеля, Калинковичей, Новозыбкова против германских частей сражались, часто в полуокружении и без поддержки на флангах: Петроградский флотский отряд (до 400 чел., командир А. Улеско), 1-й Кронштадтский отряд моряков (до 500 чел.), 2-й Петроградский морской отряд (до 250 чел., командир М. Зелёнков), 1-й Петроградский сводный отряд моряков (до 100 чел.), Ревельский сводный морской отряд (до 300 чел., комиссар П.М. Булкин), Сводный морской отряд под

командованием Л.Я. Угрюмова (до 200 чел., 4 орудия, 16 пулемётов), специальная команда матросов при комиссаре по снабжению 1-й революционной армии (25 чел., начальник Б. Пристрой) (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1610. Л. 1).

Отряды балтийских моряков сражались также в центральных и северных районах Украины. С 20 марта 1918 г. в районах Бахмача и Конотопа действовал прибывший из Петрограда 1-й Морской отряд (до 300 балтийцев; командир Смородинов). В непосредственном подчинении Верховного главнокомандующего советскими войсками Юга России В.А. Антонова-Овсеенко находился также прибывший из Петрограда 1-й отдельный батальон Балтийского моря (до 400 моряков; командир В.И. Годлевский, затем Варфоломеев). Батальон, имевший в своём составе несколько броневых автомобилей, использовался на наиболее угрожаемых участках фронта (РГВА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; Д. 86. Л. 33-38). После окончания боевых действий сухопутные вооружённые формирования РККФ вошли в состав Западного участка отрядов завесы, Петроградского и Московского районов обороны. В середине апреля они были исключены из состава флота и полностью переданы в РККА или в распоряжение местных органов власти (РГАВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 232. Л. 52; Д. 619. Л. 42, 44).

На западную демаркационную линию прибыли и вновь сформированные отряды с флота Балтийского моря. В Западном участке завесы находились: в Рославльском отряде – 1-й (72 чел., 2 пулемёта) и 3-й (158 чел., 2 пулемёта) Чаусские морские отряды, 1-й Ревельский (187 чел., 30 пулемётов, командир отряда Р.М. Кутузов) и 4-й революционный Ревельский (221 чел., 22 пулемёта) сводные отряды матросов, 3-й Петроградский красногвардейский батальон РККА (120 моряков, командир Г.К. Миллионщиков) и кавалерийский полуэскадрон (26 моряков); в Оршанской группе Смоленского района – отряд моряков численностью 43 человека; в Новозыбковской группе Брянского района – 2-й Петроградский морской отряд. Три отряда балтийский моряков вошли в состав 1-го революционного полка имени товарища Ленина, сформированного в Брянском районе.

В составе войск Московского района обороны Сводный отряд балтийских моряков (580 чел), обеспечивавший порядок в столице. В петроградском районе обороны был сформирован отряд моряков Петроградского военного порта (85 чел.) [2, с. 419]. Находясь в составе войск РККА на западной демаркационной линии, отряды моряков прикрывали внутренние районы РСФСР от постоянной угрозы нового германского наступления. Летом 1918 г. большинство отрядов было направлено на Восточный фронт.

Таким образом, после Октябрьского вооружённого восстания отряды моряков явились опорой высшего политического руководства и одной из основных сил, поддержавших Советскую власть. В силу своей революционности, отряды военных моряков сыграли значительную роль в ликвидации первых вооружённых выступлений противников большевиков и установлении Советской власти в различных районах страны на рубеже 1917 – 1918 гг. Поэтому, после Октябрьского вооружённого восстания флот, наряду с Красной гвардией, стал основной вооружённой силой в подавлении вооружённого сопротивления советизации и поддержки местных революционных сил в установлении Советской власти.

Литература

1. Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917 – декабрь 1918): сб. документов. Л., 1968.
2. Березовский Н.Ю., Бережной С.С., Николаев З.В. Боевая летопись Военно-Морского Флота. 1917 – 1941 гг. М.: Воениздат, 1992.
3. Вестник военной истории: Научные записки. М., 1970. Вып. 1.
4. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999.
5. Военно-морской революционный комитет: сб. документов. Л., 1975.
6. Московский военно-революционный комитет. Октябрь – ноябрь 1917 г.: сб. документов. М., 1968.
7. Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917-1920 гг.): сб. документов. Киев, 1963.

УДК 341.222 (57)

*Kupreev A.A.
Kireev A.A.*

Европейская и дальневосточная границы России: две модели управления?¹

European and Far Eastern borders of Russia:
are they two models of management?

Статья посвящена сопоставлению интенсивности и факторов развития трансграничных отношений европейских и дальневосточных регионов РФ в 1990-е – 2000-е гг. В работе характеризуются нормативно-правовые и институциональные условия функционирования европейской и дальневосточной границ страны, а также рассматривается проблема соотношения его политических и неполитических факторов.

Ключевые слова: граница, пограничная политика, трансграничные отношения, российские регионы, ЕС, российский Дальний Восток, КНР, еврорегионы, СЭЗ, ПТЭЗ

The article is devoted to a comparison of the intensity and the factors of development of cross-border relations of the European and Far Eastern regions of Russia in the 1990s – 2000s. We characterized the legal and institutional conditions for the functioning of the European and Far Eastern borders of the country, as well as the problem of the relation of its political and nonpolitical factors.

Key words: border, border policy, cross-border relations, Russian regions, EU, Russian Far East, China, euroregions, free economic zone, border trade and economic complex

---

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в эволюции российских границ произошёл чрезвычайно важный и в полной мере не осмысленный до настоящего времени поворот. Быть может впервые в своей истории из военно-политического феномена, средства государственного контроля над пространством, они стали трансформироваться в явление, прежде всего, социально-экономической и социокультурной реальности, в один из мощнейших механизмов функционирования и развития общества. Новое понимание сущности национальной границы и изменившиеся критерии оценки её эффективности постепенно приводят власть и общество к осознанию того, что этот объект, представлявшийся ранее чем-то монолитным, в действительности имеет очень сложную и географически неоднородную структуру. Целостность «священных рубежей Родины» начинает распадаться на отдельные части, с весьма различным, далёким

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект «Разработка полидисциплинарного подхода к исследованию проблем безопасности в АТР в рамках инновационного направления антропологии международных отношений». 6.2263.2011.

друг от друга имиджем. Среди этого разнообразия вдруг обнаружившихся у России в последнее двадцатилетие границ¹, уже появились свои лидеры и аутсайдеры. Если отвлечься от некоторых дифференцирующих признаков и свести эту мозаику к основным географическим блокам, то полярные позиции на шкале общественной эффективности, безусловно, займут европейский (выходящий на страны ЕС) и дальневосточный (соприкасающийся в основном с КНР) сегменты российской границы. В настоящей работе я попытаюсь выявить ключевые особенности этих частей пограничного периметра России, которые обуславливают столь разное влияние последних на развитие прилегающих к ним российских регионов и страны в целом.

Наиболее очевидные различия европейской и дальневосточной границ касаются интенсивности их общественного использования, т.е. прежде всего объёмов пересекающих их потоков различных общественных ресурсов. Некоторое, пусть и очень приблизительное, представление об этой интенсивности даёт, например, сравнение данных о товарообороте России со странами ЕС и КНР. В предкризисном 2008 г. по своей стоимости товарооборот России с Европой превосходил её товарооборот с Китаем более чем в 6,7 раза². Ещё более значительный разрыв характеризует такие показатели трансграничного взаимодействия России с её основными западным и восточным партнёрами как объёмы взаимных инвестиций и миграционного обмена.

Показатели активности трансграничных отношений национального, общероссийского уровня включают в себя деятельность крупных государственных корпораций и не позволяют точно идентифицировать географические рамки описываемых транзакций. Поэтому значительно большей ценностью для выявления общественного эффекта конкретных участков национальной границы обладают статистические данные о трансграничных отношениях непосредственно прилегающих к этим участкам регионов³.

Различия в состоянии трансграничных отношений европейских и дальневосточных регионов⁴ России также более чем заметны. Так, если на 2007 г. объём трансграничной торговли европейских регионов РФ с сопредельными государствами ЕС определялся в 15,3 млрд. долл., то товарооборот дальневосточных регионов с Китаем оценивался в сумму не-

¹ Основной единицей дифференциации российской границы сегодня становятся диады (участки пограничного соприкосновения двух государств), что, конечно, не исключает возможности разделения её периметра для решения тех или иных аналитических задач на более мелкие или более крупные сегменты

² Рассчитано по [21; 22, с. 109]

³ Для описания отношений между регионами по разные стороны от государственной границы часто используют термин «приграничные отношения» («приграничное сотрудничество»). На мой взгляд, приграничными отношениями более корректно называть отношения между субнациональными субъектами (муниципалитетами или организациями), расположенными на приграничной территории (по российскому законодательству – в полосе глубиной не более чем в 25 км. от линии границы). Пересекающие же границу отношения между субъектами, расположенными за пределами приграничной полосы (или выходящими за её пределы), в т.ч. регионами (в России – субъектами федерации), следует называть «трансграничными».

⁴ Под европейскими регионами в данной статье понимаются 6 регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) – Республика Карелия, Мурманская, Ленинградская, Псковская и Калининградская области и г. Санкт-Петербург – непосредственно граничащие с государствами-членами ЕС – Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей. Общая протяжённость государственной границы между этими регионами и ЕС – почти 3200 км. Под дальневосточными регионами понимаются 4 региона Дальневосточного федерального округа (ДФО) – Приморский и Хабаровский края, Амурская и Еврейская автономная области – граничащие с КНР. Общая протяжённость границы между ними и КНР также около 3200 км.

многим более 4 млрд. долл. [5, с. 367; 25, с. 70]. Объем полученных в том же 2007 г. прямых иностранных инвестиций, достигавший в регионах европейского приграничья России 1449 млн. долл., в дальневосточных регионах составлял только 226 млн. долл. [10].

Столь выраженные различия в интенсивности трансграничных отношений европейских и дальневосточных регионов страны едва ли можно объяснить влиянием «большой» мировой политики. На межгосударственном уровне в 1990-е и 2000-е гг. отношения РФ и КНР развивались весьма благополучно и ровно. Тесное политическое сотрудничество двух государств, наиболее ярко воплощавшееся в их совместных демаршах против действий США и НАТО и в полной мере отвечавшее смыслу понятия «стратегическое партнёрство», для российско-китайских связей в неполитических сферах выступало скорее стимулирующим фактором. Напротив, отношения Москвы и Брюсселя в этот период неоднократно осложнялись острыми политическими кризисами – начиная от событий в Чечне и Югославии и до конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. Ещё большей сложностью и противоречивостью, чем отношения с Брюсселем, отличалось внешнеполитическое взаимодействие России с новыми восточноевропейскими членами ЕС, включая таких её прямых соседей как Эстония, Латвия, Литва и Польша.

Говоря о развитии трансграничных отношений РДВ, целый ряд отечественных исследователей обращает внимание на то неблагоприятное воздействие, которое оказывает на него государственное управление функционированием дальневосточного участка границы, осуществляемая в этом регионе (особенно в последнее десятилетие) пограничная (трансграничная) политика [2, с. 124-125; 9, с. 20; 15, с. 188; 24, с. 210-211]. Как отмечают эти исследователи, политика федерального центра в области создания нормативно-правовых и институциональных условий для трансграничного сотрудничества имеет скорее сдерживающий характер. Примечательно, что по сути той же точки зрения придерживаются и китайские авторы, пишущие о многочисленных административных препонах и о пассивности России в вопросе о дальнейшей либерализации трансграничных экономических отношений с Китаем [6, с. 192-195; 23, с. 28].

Слабость правовой и институциональной базы трансграничных отношений дальневосточных регионов действительно трудно отрицать. Хотя многие проблемы в этой сфере являются общегосударственными¹, институционально-правовые условия функционирования дальневосточной границы РФ особенно неблагоприятны. Международно-правовой основой сотрудничества на этой границе на сегодня служат российско-китайские межправительственные соглашения, подписанные главным образом ещё в 1990-е гг. Важнейшими среди них являются Соглашение о принципах сотрудничества между административными образованиями РФ и КНР от 10 ноября 1997 г. и Соглашение о пропуске граждан двух стран в расположенные на границе торговые комплексы от 2 июня 1999 г. [12, с. 171]. Появившиеся в рамках фактически уже не существующего политического режима², после перестройки федеративных отношений в России в первой половине 2000-х гг. эти соглашения в значительной мере утратили свою функциональность. В октябре 2009 г.

¹ Например, отсутствие специального федерального органа по вопросам трансграничного и приграничного сотрудничества и крайне затянувшийся процесс согласования и принятия проекта закона «О приграничном сотрудничестве».

² В изучаемом здесь аспекте режим 1990-х гг. нередко определяют как «либеральный федерализм». По моему мнению, состояние политической системы РФ этого периода корректнее рассматривать как практическую дезорганизацию федеративных отношений и их частичное замещение конфедеративными.

премьер-министрами РФ и КНР была подписана амбициозная «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (на 2009 – 2018 гг.)» [20]. Однако по прошествии двух лет после подписания этого юридически не обязывающего стороны документа его реализация всё ещё остаётся на начальной стадии [8, с. 172-177; 18].

В ещё более проблематичном состоянии находятся в настоящее время организационные механизмы трансграничных отношений дальневосточных регионов. В последние десятилетия институты приграничного и трансграничного сотрудничества на РДВ развивались в двух основных формах – свободных экономических зон (с 1990 г.) и приграничных торгово-экономических комплексов (с 1998 г.). Из 4 СЭЗ, образованных в дальневосточных регионах в изучаемый период, прежде всего, в расчёте на китайский бизнес, реально работающими (в плане регистрации предприятий и привлечения инвестиций), с некоторыми оговорками, можно признать две – микрзоны в гг. Находке и Уссурийске [12, с. 176; 16, с. 62-63]. Две другие СЭЗ, имеющие значительно больший территориальный масштаб, – «Ева» (в ЕАО) и «Туманган» (на стыке границ РФ, КНР и КНДР) до сих пор практически не функционируют. В конце 1990-х гг. на дальневосточной границе совместным решением российского и китайского правительств был создан ещё один тип институтов локального трансграничного сотрудничества – приграничные торгово-экономические комплексы (ПТЭК). Подобные комплексы были учреждены в районах пограничных переходов Хейхе-Благовещенск и Суйфунхе-Пограничный. Однако вследствие неурегулированности ряда юридических вопросов, а также непоследовательности политики российских властей на полную мощь инфраструктура этих двух ПТЭК всё ещё не задействована [2, с. 122-124].

В целом характерными особенностями существующих в дальневосточных регионах институтов трансграничного сотрудничества (СЭЗ и ПТЭК) являются их высокая зависимость от поддержки государства, локальность масштабов деятельности и преимущественно торговая направленность при довольно незначительной способности к привлечению иностранных технологий и инвестиций.

На фоне ситуации в дальневосточном приграничье, формирование правовой и институциональной базы европейского направления трансграничного сотрудничества происходило заметно динамичнее. Хотя основополагающим документом, определяющим рамки развития в т.ч. и трансграничного взаимодействия стран ЕС и европейских регионов РФ, до сего дня является Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве между ЕС и Россией, подписанное ещё в 1994 г. (вступило в силу в 1997 г.), с начала 2000-х гг. в международно-правовую базу этого взаимодействия был внесён ряд важных дополнений. Так, в мае 2003 г. на саммите России и ЕС была принята «Концепция создания четырёх общих пространств» – экономического, пространства свободы, безопасности и правосудия, пространства внешней безопасности и научно-образовательного пространства. При этом, целью формирования важнейшего из них общего экономического пространства было поставлено достижение свободы перемещения между ЕС и Россией товаров, людей, услуг и капиталов. В мае 2005 г. стороны дополнили Концепцию конкретным среднесрочным планом совместных действий, утвердив по каждому из четырёх общих пространств соответствующую «дорожную карту» его построения [3, с. 284-285, 291-292; 7].

Несмотря на то, что сами документы, подписанные в первую половину 2000-х гг., носят характер деклараций о намерениях, они оказали значительное стимулирующее влияние на динамику трансгранич-

ных связей сторон. Такой эффект, на мой взгляд, во многом обусловлен тем, что упомянутые общие международные договорённости опираются на целый комплекс тесно связанных с ними внутренних нормативно-правовых актов ЕС и России различного уровня и типа. При этом, первенство в развитии собственной правовой базы трансграничного сотрудничества как согласованной системы нормативно-правовых актов – от общих положений (Европейская конвенция о приграничном сотрудничестве 1980 г.) до специализированных административных программ (таких как ТАСИС и ИНТЕРРЕГ в 1994 – 2006 гг. и ИЕСП с 2007 г.) – безусловно, принадлежит ЕС. Именно под воздействием европейского права в изучаемый период происходило формирование российского законодательства по вопросам трансграничного сотрудничества¹, что является одним из свидетельств той ведущей, инициативной роли, которую играет ЕС в данной сфере двусторонних отношений [7; 14, с. 50-53].

Относительно развитая, многоуровневая нормативно-правовая база трансграничного сотрудничества европейских регионов РФ создаёт благоприятную среду для активного институционального строительства, принимающего различные, как функциональные, так и территориальные, формы. В 1990-е гг. основным типом территориальных институтов трансграничного сотрудничества на европейской границе России, как и на дальневосточных рубежах, являлись СЭЗ. Они были образованы в Ленинграде, Выборге и Калининградской области [19, с. 366-369]. Самой успешной из этих СЭЗ оказалась крупнейшая на европейской границе страны зона беспощинной торговли (а с 2007 г. и туристско-рекреационная зона) [2, с. 196-197], занимающая территорию всего Калининградского анклава.

Вместе с тем, с конца 1990-х гг., под впечатлением от результатов региональной политики в ЕС, власти приграничных субъектов РФ начинают проявлять возрастающий интерес к такому новому институциональному формату сотрудничества как еврорегион. В действительности, под общим термином «еврорегион» скрывается широкий спектр разнообразных организационных механизмов трансграничной кооперации, развивавшихся в Европе с конца 1950-х гг. Ключевыми признаками еврорегионов, объединяющими все их возможные разновидности, с моей точки зрения, можно считать участие в их учреждении региональных или/и местных (муниципальных) властей двух и более сопредельных государств и наличие постоянных органов управления сотрудничеством, полномочных в пределах территории данного еврорегиона [13, с. 86-87; 19, с. 371].

Процесс формирования еврорегионов с российским участием стартовал в 1998 г., когда муниципальными образованиями Калининградской области вместе с приграничными муниципалитетами Дании, Литвы, Польши и Швеции был учреждён еврорегион «Балтика». К концу 2000-х гг. количество функционирующих на границе с ЕС еврорегионов достигло 9². Помимо Калининградской области в создании этих еврорегионов приняли участие местные и региональные власти Республики Карелия, Ленинградской и Псковской областей [13, с. 87; 14, с. 50; 17, с. 5]. Несмотря на многие (обусловленные, как правило, дипломатическими трениями между Москвой и Брюсселем) трудности в развитии трансграничных институтов этого типа [14, с. 52-55], они быстро наполняются проектным содержанием и уже успели продемонстрировать свою достаточно высокую эффективность. Как отмечают специалисты, появ-

¹ Наиболее значимым примером подобного воздействия служит ратификация РФ в 2002 г. упомянутой Европейской конвенции о приграничном сотрудничестве 1980 г.

² Не считая таких макрорегионов, по сути транснационального типа, как Баренц-регион.

ление на границе РФ и ЕС еврорегионов не только способствует оживлению различных трансграничных потоков и решению конкретных социальных и экономических проблем приграничных российских регионов¹, но и создаёт предпосылки для модернизации отраслевой структуры их экономики [2, с. 110-116].

В целом, институты трансграничного сотрудничества в европейских регионах РФ, в отличие от дальневосточных, характеризует активное участие в их создании и развитии местных и региональных властей, сравнительно крупные территориальные размеры, а также многопрофильность, пригодность для организации не только всех основных форм социально-экономического, но и социокультурного взаимодействия сторон.

Таким образом, расхождение в нормативно-правовых и институциональных условиях трансграничных отношений на дальневосточной и европейской границах России действительно весьма значительно и это, конечно, не может не оказывать влияния на их интенсивность. Однако, в чём заключается причина этих различий? Как уже отмечалось, многие исследователи связывают неблагоприятность условий развития сотрудничества на дальневосточных рубежах страны с целенаправленными действиями федерального центра, озабоченного усилением своего контроля над особенно удалённой и строптивой окраиной. С этой точки зрения, политика барьеризации дальневосточной границы предстаёт как вполне закономерная часть общего этатистского курса, принятого Москвой с начала 2000-х гг. и нашедшего выражение не только в укреплении государственного суверенитета и безопасности во внешней сфере, но и во внутренней рецентрализации. Сторонники этого подхода считают 1990-е гг., когда деятельность региональных и местных властей РДВ в наименьшей мере стеснялась федеральными структурами, своего рода минувшим «золотым веком» трансграничного сотрудничества.

Однако, при ближайшем рассмотрении логика данного подхода не кажется столь уж однозначной. Даже если согласиться с мнением, что курс на централизацию в 2000-е гг. проводился Москвой особенно жёстко именно на РДВ, может ли эта большая степень жёсткости объяснить выявленные выше, качественные по своей сути, правовые и институциональные отличия дальневосточных рубежей, а тем более их многократное отставание от европейской границы в интенсивности трансграничных потоков? Остаётся неясным и то, почему развитие трансграничного сотрудничества европейских регионов РФ заметно ускорилось как раз в 2000-е гг., т.е. в период путинской централизации, пусть и протекавшей (предположительно) в этой части страны в неких смягчённых формах.

Не проясняет, но скорее ещё больше запутывает проблему, парадоксальное в свете вышесказанного и не получившее необходимого авторского истолкования суждение такого авторитетного специалиста как Л.Б. Вардомский, указавшего в заключении к своей недавней монографии: «Централизация власти в России улучшила политические условия сотрудничества с Китаем и странами Центральной Азии, но ухудшила – с ЕС и странами европейского фланга СНГ» [2, с. 211]. Если признать правоту этого суждения, то оно, в конечном счёте, приводит нас к выводу (который, насколько можно судить, противоречит убеждению Л.Б. Вардомского), что итоговый эффект, оказываемый централизацией на динамику трансграничного сотрудничества, довольно незначителен.

На мой взгляд, трудности в объяснении особенностей функционирования региональных сегментов российской границы обусловлены

¹ Типичными проблемами, которые успешно решаются в данном формате, являются вопросы модернизации пунктов пропуска, обновления транспортной и информационной инфраструктуры, защиты природной среды и ряд других.

чрезмерной сфокусированностью внимания исследователей на его собственно политическом факторе, а точнее на некой самодовлеющей и мифологизированной в своём могуществе воле федерального центра, Москвы. Не стоит забывать, что при всей значимости этого фактора (хотя бы в виду его активной природы), его влияние на функционирование границы во многом лимитируется и даже определяется действием других, гораздо более мощных объективных сил. Среди этих других, труднопреодолимых для любой власти, факторов, обуславливающих, так или иначе, и интенсивность трансграничных отношений, и нынешний порядок государственного управления дальневосточной границей, необходимо напомнить, по крайней мере, о двух.

Первый из них состоит в сравнительно низком уровне социально-экономического развития дальневосточных регионов России. Так, по показателю плотности населения регионы южной части ДФО уступают регионам СЗФО примерно в 1,8 раза (соответственно 4,6 и 8,2 чел. на км²), а по показателю экономической плотности (ВРП на единицу площади) – ровно в 2 раза (279,3 и 558,6 тыс. руб. на км²).¹ [1, с. 50]. Слабые заселённость и освоённость дальневосточных регионов выступают фундаментальными ограничителями для повышения интенсивности трансграничных отношений и служат косвенными препятствиями на пути развития их правовой и институциональной базы.

Вторым из упомянутых факторов является наличие глубоких и комплексных общественных различий между дальневосточными регионами и сопредельными регионами КНР (Северо-Востоком Китая). Конечно, в такой общей формулировке о существовании данного фактора можно говорить и применительно к границе РФ со странами ЕС. И на западе, и на востоке Россия граничит сегодня с соседями, обладающими значительно большим социально-экономическим и, в конечном счёте, геополитическим потенциалом. Тем не менее, на этом общем тревожном фоне ситуация на дальневосточных рубежах выглядит особенно драматично. Превосходство общественного потенциала ЕС проявляет себя главным образом в «экспансии» капиталов, технологий и информации, отечественных альтернатив которым зачастую просто не существует. Кроме того, разница потенциалов ЕС и РФ сглаживается относительной децентрализованностью и высокой институционализированностью трансграничного сотрудничества со стороны Европы, а также цивилизационной близостью партнёров. Превосходство же Китая выражает себя скорее в переливе товаров и рабочей силы, который повышает конкурентное давление на соответствующих рынках РДВ и тем самым вызывает не только позитивные, но и негативные социальные последствия. При этом, в лице провинций Северо-Востока Китая, трансграничным контрагентом дальневосточных регионов России выступает централизованное авторитарное государство и сравнительно однородное общество, обладающее выраженным культурно-цивилизационным своеобразием. Подобные глубина и характер общественных различий сторон трансграничного взаимодействия на дальневосточной границе определяют более высокий уровень свойственных ему объективных рисков. Эта особенная рисковость трансграничных отношений с КНР отражается (зачастую в форме фобий) в сознании местного населения и политической элиты. Следует заметить, что именно они, а отнюдь не федеральный центр, ещё во второй половине 1993 г. инициировали процесс барьеризации российско-китайской границы [11, с. 302-304, 347-348].

¹ Данные на 2004 г. Поскольку приграничные регионы СЗФО в целом занимают в нём лидирующее место по социально-экономическим показателям, их превосходство по этим показателям над дальневосточными регионами является, судя по всему, ещё более значительным.

Признание решающего значения названных факторов приводит к выводу о том, что главным направлением эффективной активизации трансграничного сотрудничества дальневосточных регионов должна быть не прямая либерализация его правовой и институциональной базы, но его косвенное стимулирование через подталкивание внутреннего развития, заселения и индустриализации РДВ. Активизацию трансграничных потоков необходимо рассматривать скорее не как предпосылку, а как следствие собственного развития РДВ. Пограничная политика должна формироваться как продолжение политики региональной, в тесной связи с разработкой и реализацией программ освоения региона. При этом, поскольку на обозримую перспективу государство, т.е. федеральный центр, будет оставаться основным мотором регионального развития, оно должно играть адекватную этому роль и в трансграничных отношениях дальневосточных субъектов федерации.

Исходя из сказанного, следует согласиться с теми [25 с. 75], кто считает неприемлемым непосредственное применение модели трансграничного сотрудничества, апробированной на границе РФ и ЕС, к дальневосточным рубежам. Более того. Ситуации на различных участках периметра российской границы так непохожи, что РФ по существу необходимы несколько разных региональных пограничных политик со своим специализированным правовым и институциональным инструментарием. О том, что такая дифференциация вполне возможна, говорит становление в последние годы особой политики управления функционированием границ России с государствами-членами ЕврАзЭС. Отталкиваясь от европейского опыта в данной области, эта политика даёт ему новую, адекватную региональным условиям, интерпретацию¹. В разработке собственного варианта (модели) российской пограничной политики нуждаются и дальневосточные регионы страны. Эта необходимая им модель должна обеспечивать интенсификацию трансграничного сотрудничества в условиях объективно сопряжённых с ним высоких рисков при ведущей, регулирующей и протекционистской, роли в нём государства. Её инструментарий должен опираться не только на идеологию и практику пограничной и трансграничной политики ЕС, но и на опыт (в т.ч. негативный), накопленный самими дальневосточными регионами, а также на до сих пор незаслуженно игнорируемые российскими властями достижения в этой сфере китайских партнёров.

Литература

1. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
2. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
3. Внешняя политика и дипломатия Российской Федерации. Учебник / Пред. ред. совета А.Н. Панов. М.: Восток-Запад, 2010. 752 с.

---

¹ Примером подобной интерпретации может служить появление в законодательстве ЕврАзЭС такого понятия как «евразия-регион» [4, с. 66].

4. Вовенда А.В., Плотников В.А. Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 60-68.

5. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Науч. ред. А.Б. Волынчук. Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. 626 с.

6. Гуань Гуйхай. Негативные факторы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией и пути их устранения // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 189-199.

7. ЕС и Россия: политические отношения // Представительство ЕС в России [сайт]. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/political_relations/index_ru.htm [Дата обращения: 28.04.2012 г.]

8. Изотов Д.А., Суслов Д.В. Пока только намерения: первые итоги реализации программы сотрудничества между восточными регионами России и Северо-Востоком КНР (2009–2018 гг.) // ЭКО. 2011. № 3. С. 160-178.

9. Изотов Д.А., Юн С.Е. Приграничное сотрудничество как объект исследования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 4. С. 8-21.

10. Инвестиции в России. 2009 г. // Федеральная служба государственной статистики. [сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B09_56/Main.htm [Дата обращения: 20.04.2012 г.]

11. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (середина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.

12. Костюнина Г.М., Баронов В.И. Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) // Вестник МГИМО. 2011. № 2. С. 169-178.

13. Кошелев В. Еврорегион «Балтика» // Космополис. 2008. № 2. С. 86 – 90.

14. Кузнецов А.В. Перспективы еврорегионов с российским участием с учётом новаций региональной политики ЕС // Балтийский регион. 2009. № 2. С. 49 – 57.

15. Миркасымов Б.З. Проблемы и перспективы торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 185-189.

16. Моисеева Л.А. Создание на Дальнем Востоке России совместных предприятий с предпринимателями стран АТР в 1985 – 2000 гг. // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 58-70.

17. Московкин В.М. Методы анализа и инструменты трансграничной кооперации // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 3. С. 2-8.

18. На Сахалине прошло заседание по реализации Программы сотрудничества между РФ и КНР. 13.09.2011 // Строительный комплекс Азиатско-Тихоокеанского региона [сайт]. URL: <http://skatr.ru/polpred-provel-v-yuzhno-sakhalinske-zasedanie-po-realizatsii-programmy-sotrudnichestva-mezhdu-rossiei-i-knr> [Дата обращения: 20.04.2012 г.]

19. Основы регионоведения. / Под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007. 399 с.

20. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 – 2018 гг.) // Иркутская область. Представительство в Китае: [сайт]. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc> [Дата обращения: 5.03.2011 г.]

21. Статистика внешней торговли и инвестиций Россия-ЕС // МЭРТ РФ [сайт]. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9bd04e80411b9c4d8b379bf4d7f47117/ru_eu_statistic.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=9bd04e80411b9c4d8b379bf4d7f47117 [Дата обращения: 5.04.2012 г.]

22. Страны Северо-Восточной Азии в начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2011. 245 с.
23. Сюй Хунфэн. Цветные революции и эволюция отношений в треугольнике Китай – Россия – США // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 20 – 29.
24. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / Науч. ред.: П.Я. Бакланов, М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.
25. Чеботарев Б.А. Приграничное торгово-экономическое сотрудничество: зарубежный опыт и проблемы России // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2009. № 2. С. 69-75.

УДК 327.2

Золотухин И.Н.
Zolotukhin I.N.

ЮВА как сфера столкновения интересов КНР и США на современном этапе: взгляд из России

Southeast Asia as Sphere of Collision among the Peoples Republic of China (PRC)
and the USA at the present stage: a View from Russia

В статье даётся анализ современной ситуации в Юго-Восточной Азии как сферы противодействия США и КНР. Рассмотрены различные аспекты американско-китайского соперничества и их стратегические интересы в субрегионе. Обозначены позиции стран ЮВА в отношении КНР и США.

Ключевые слова: субрегион, Юго-Восточная Азия, США, КНР, соперничество, сотрудничество, взаимоотношения

In the article the analysis of a modern situation in South East Asia as spheres of counteraction of the USA and the Peoples Republic of China is given. Various aspects of the American-Chinese rivalry and their strategic interests in subregion are considered. Positions of the Southeast Asia countries concerning the Peoples Republic of China and the USA are pointed out.

Key words: subregion, Southeast Asia, USA, PRC, rivalry, cooperation, interactions

---

После окончания Второй мировой войны и разрушения колониальной системы, страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) оказались под влиянием крупных внерегиональных акторов. В условиях «холодной войны» среди государств ЮВА наблюдались проамериканская, просоветская и прокитайская ориентации. Первоначально опосредованный контроль над большей частью стран субрегиона¹ перешёл к США, которые, в частности, инициировали создание военного альянса СЕАТО по аналогии с НАТО. Однако, по мнению А.Д. Богатурова, страны АСЕАН в течение десятилетий упрямо отвергали как советские, так и американские приглашения к многостороннему региональному сотрудничеству в области безопасности, опасаясь, что они могут быть подавлены более мощными внешними странами. «Ни американские перспективы «тихоокеанского сообщества», ни советская идея «системы коллективной безопасности в

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** zolivnik@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект «Разработка полидисциплинарного подхода к исследованию проблем безопасности в АТР в рамках инновационного направления антропологии международных отношений». 6.2263.2011

¹ Юго-Восточная Азия рассматривается как субрегион Азиатско-тихоокеанского региона (АТР).

Азии» не были поддержаны странами региона... «Импортная» природа предлагаемых в Вашингтоне или Москве планов делала их неприемлемыми в Азии» [10, p. 12].

С начала 1960-х гг. как на материке, так и в островной части ЮВА, КНР пытается усилить свои позиции. С середины 1970-х гг. США и СССР в целом доминировали в субрегионе, но после распада СССР североамериканская монополярная гегемония сталкивается с вызовом Китая, усилившим международные позиции после нормализации отношений с США в 1970-х гг.

В настоящее время субрегион привлекает к себе внимание со стороны США и КНР, которые являются ведущими внешними игроками в ЮВА. И та, и другая держава ориентированы на усиление своего влияния в субрегионе, который обладает значительными объёмами углеводородных и иных природных ресурсов, и через который проходят важнейшие линии международного транзита. Оба государства ведут здесь борьбу, являющуюся составной частью глобального соперничества Китая с США. По мере обретения Китаем всё более сильных региональных и глобальных позиций настороженность США в отношении к Поднебесной возрастает.

Пекин в последние годы также прилагает колоссальные усилия, направленные на увеличение своего влияния в субрегионе, причём одним из движущих мотивов такого поведения Поднебесной становится именно стремление обеспечить льготный доступ к ресурсам, и в первую очередь, энергетическим. «Переломным моментом в отношении стран АСЕАН и Китая можно считать события, связанные с финансово-экономическим кризисом 1997 – 1998 гг., когда Китаю удалось создать позитивный имидж в глазах правящих элит членов АСЕАН: Пекин не стал девальвировать юань и оказал существенную помощь особо пострадавшим от кризиса странам» [2, с. 14].

За последние годы КНР активно поддерживает в субрегионе ориентированную на себя зону свободной торговли с АСЕАН, вытесняя, таким образом, Штаты. По мнению Д.В. Мосякова, «Китай перешёл к реализации иного плана действий, смысл которого состоит не в том, чтобы путём военных акций захватить слабо защищённые участки региона ЮВА, а в том, чтобы поставить страны ЮВА в такое положение, когда Китаю для достижения своих целей даже не понадобится прибегать к военно-полицейским мерам» [2, с. 15].

С другой стороны, Китай добивается дипломатических успехов в субрегионе «благодаря умелому использованию изменений в стратегической обстановке и невнимательному отношению Соединённых Штатов к ситуации в регионе...» [8].

Также нельзя не учитывать того, что в своей внешнеполитической стратегии Пекин опирается на общины хуацяо. Китайская диаспора и связанные с ней политические партии и общественные организации, крайне влиятельные в большинстве стран АСЕАН, могут легко дестабилизировать политическую обстановку в странах ЮВА, а возобновление противоречий с Китаем в зоне островов и шельфа Южно-Китайского моря может ещё более ослабить существующие в государствах ЮВА политические режимы [7, с. 34].

Джон Миршаймер считает, что «Китай, вероятно, постарается доминировать в Азии в той же степени, в которой США доминируют в Западном полушарии» [15, p. 162]. В этом смысле ЮВА рассматривается Китаем как сфера жизненных интересов. Однако в странах субрегиона гигантский северный сосед воспринимается не только как источник огромных экономических возможностей, но и как потенциальная стратегическая угроза. До сих пор острыми остаются территориальные споры о

принадлежности Парасельского архипелага и островов Спратли. Согласно сценарию Самуила Хантингтона, Третья мировая война начнётся в Восточной Азии, и толчком к конфликту становится борьба за нефтяные месторождения в спорных районах Южно-Китайского моря [6, с. 521]. В последние годы страны ЮВА резко увеличили закупки подводных лодок и истребителей. Согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, объём закупок вооружений странами региона с 2005 по 2009 г. удвоился по сравнению с предыдущим пятилетним периодом [9].

Развивая отношения с Китаем, страны субрегиона рассматривают США как гаранта от амбиций КНР, опасаясь того, что если они не продемонстрируют прочных отношений с Америкой, то Китай перестанет воспринимать их серьёзно. Антикитайские настроения в ЮВА позволяют Вашингтону укреплять связи с традиционными союзниками и привлекать на свою сторону новых, что создаёт для Соединённых Штатов благоприятную ситуацию для сохранения и упрочения своих позиций в регионе. Однако для успешной реализации своих интересов США должны опираться не только на силу, но использовать дипломатические рычаги, с помощью которых можно оперативно реагировать на изменения в стратегической обстановке.

Изменение баланса сил в ЮВА в пользу КНР вызывает беспокойство в Вашингтоне. Вступив в должность Президента США, Барак Обама сделал акцент на стратегию по «возвращению в Азию», причём в политике администрации США отчётливо прослеживаются векторы на Северную и Юго-Восточную Азию. «Тень Вашингтона» присутствует как в военных учениях в Жёлтом море, так и спорах по вопросам Южно-Китайского моря [5]. В борьбе с КНР за влияние США сохраняет традиционный упор, в первую очередь, на военное присутствие в АТР: численность американского военного контингента в регионе оставляет почти 56 тыс. человек [18], а в акватории Тихого океана сосредоточено четыре авианосные группы и почти 60% всех американских ядерных подводных сил [4, с. 31].

США продолжают укреплять позиции в ЮВА, сотрудничая по вопросам безопасности с Филиппинами, вводя военные корабли в Сингапур, заключив договор с Австралией о размещении на территории Зелёного континента 2000 американских пехотинцев. Американо-индийский диалог о политическом и экономическом будущем ЮВА, в ходе которого обсуждаются детали стратегии обеих стран в субрегионе, тоже не может не настораживать Пекин, тем более что Индия постепенно наращивает своё присутствие на Тихом океане, укрепляя торговые и военные связи со странами Индокитая и Австралией. Недавний визит Х. Клинтон в Мьянму также свидетельствует о том, что США не собираются уходить из региона. В начале 2012 г. Вашингтон и Манила начали консультации о возможности размещения самолётов-разведчиков и кораблей на бывшей американской военной базе Субик-бей, откуда США вывели свой контингент в 1992 г. Кроме того, на территории Филиппин дислоцируется группа до 600 солдат Специальных операционных сил США. Заметно возросло число заходов американских военных кораблей в порты филиппинского архипелага.

Между Вашингтоном и Бангкоком действуют двусторонние программы международного военного образования и тренинга, сотрудничества между флотами и др. Американо-тайландские связи в области обороны поддерживаются на высоком уровне. Таиланд считается одним из главных союзников США вне НАТО. За последние 30 лет США и Таиланд воплотили множество совместных военных программ, и каждый год проводят до 40 военно-морских учений [12].

Значительную ставку США делают на углубление развития и укрепление политико-стратегических отношений с Вьетнамом. Ключевое место в военно-стратегическом взаимодействии двух государств занимает вопрос о базе Камрань. Несмотря на неоднократные заявления вьетнамского руководства о приверженности принципам трёх «нет» в оборонной политике («нет» военным альянсам, иностранным базам, отношениям с другими странами, направленными против третьей стороны), осенью 2010 г. Ханой объявил о своих намерениях открыть Камрань сначала для заходов индийских кораблей, а позже и для иностранных флотов с целью дозаправки и ремонта. В 2011 г. состоялся первый за 30 лет визит в Камрань американского военного корабля «Ричард Э. Берд», вошедшего в порт для обслуживания и ремонта [13].

Стоит отметить, что у Вашингтона есть богатый опыт в реализации «стратегии анаконды», в то время как Пекин пока только начинает выстраивать собственную инфраструктуру в субрегионе. По сути США нужно лишь оптимизировать процесс извлечения стратегической выгоды от прежних военных баз и американского присутствия, и если Белый дом проявит достаточную гибкость в отношениях со странами ЮВА, китайцам будет непросто конкурировать с американцами. Принимая во внимание этот факт, США, безусловно, будут придерживаться следующих правил: наращивать военное присутствие в субрегионе, подтверждать свои обязательства в отношении своих союзников в ЮВА, в т.ч. в военной сфере, а также способствовать развитию торговых отношений с Китаем, в т.ч. посредством увеличения взаимных инвестиций [1].

Параллельно Вашингтон внимательно наблюдает за процессом перевооружения и наращивания сил китайского флота. Ещё в июле 2005 г. этому вопросу были посвящены специальные слушания в американском Конгрессе, на которых отмечалось, быстрое развитие китайской оборонной отрасли. В американских СМИ появились сообщения о том, что китайская сторона разработала высокоточное оружие, в том числе новые ракеты класса «воздух-поверхность» и ракеты класса «поверхность-поверхность», предназначенные для нанесения ударов по боевым авианосным группам США, что существенно увеличивает возможности китайских войск как в районах вокруг Тайваня, так и в Южно-Китайском море и в Юго-Восточной Азии в целом. В 2011 г. в ежегодном отчёте Конгрессу Министерство обороны США указало, что Китай в последнее время уделяет повышенное внимание модернизации своего военно-морского флота и инвестирует большое количество средств для разработки высокотехнологичного оружия, тем самым, распространяя своё военное влияние далеко за пределы АТР [3, с. 16].

Один из генералов НОАК заявил, что нынешняя политика Обамы в АТР демонстрирует желание Соединённых Штатов окружить Китай, взяв его в кольцо. В то же время, выступая в ноябре прошлого года в Парламенте Австралии, Обама заявил, что «Соединённые Штаты являются тихоокеанской державой, и мы намерены оставаться здесь», объявив о планах создания фактической военной базы на севере Австралии, и упрекнув Китай за его попытки препятствовать обсуждению его территориальных споров по поводу Южно-Китайского моря на региональных форумах [11]. Фактически Обама назвал АТР одним из главных приоритетов для США. Это заявление было воспринято как вызов росту региональной мощи Китая.

Со странами АТР Пентагон связывает большие планы и сосредоточивает значительные ресурсы в рамках новой военной стратегии, обнародованной Обамой 5 января 2012 г. В частности Президент США особо отметил, что Штаты будут укреплять своё присутствие в АТР, и не

предусматривают сокращения военного бюджета за счёт этого важного региона [16].

Сегодня Китай открыто квалифицируется как страна, обладающая самой большой потенциальной силой для военного соперничества с США. С ростом экономической мощи Китая растёт и его заинтересованность в расширении и контроле далёкой периферии его морских границ, а, следовательно, и перспектива вступления в серьёзный конфликт со своими соседями и с США, традиционно выступающим в качестве доминирующей внерегиональной силы в ЮВА [15].

Вряд ли страны АСЕАН будут пренебрегать сотрудничеством с Китаем из-за возвращения США в Азию. Как уже отмечалось, укрепляя свои вооружённые силы, они одновременно стремятся установить тесные военные связи с США, рассматривая покровительство Америки как своего рода страховку на случай обострения территориального конфликта с Китаем. Однако руководители этих стран придерживаются принципа равноудалённости, как от США, так и от Китая. Большинство стран субрегиона сталкиваются с серьёзными внутренними противоречиями и во многих случаях не в состоянии эффективно их решать, а разобщённость ЮВА превращает её в идеальный плацдарм для соперничества великих держав, которые обладают широкими возможностями играть на реальных и потенциальных конфликтах, существующих как между странами субрегиона, так и внутри них, тем более что и КНР, и США имеют успешный опыт разжигания и поддерживания конфликтов в ЮВА.

Другое дело, насколько США и Китай готовы к нагнетанию и обострению конфликтов в ЮВА, также как и к открытой конфронтации в борьбе за лидерство в данном субрегионе? На недавней пресс-конференции, посвящённой стратегическому и экономическому диалогу между США и КНР, Госсекретарь Хилари Клинтон особо подчеркнула, что Соединённые Штаты заинтересованы в сильном, процветающем и успешном Китае, который не только достигает экономического процветания для своего большого населения, но и играют ключевую роль в мировых делах. Обе державы получают гораздо больше выгоды от сотрудничества, нежели от конкуренции, поэтому «...и в дальнейшем намерены развивать положительные, совместные, всеобъемлющие отношения» [17].

В то же время, ни сверхдержава, ни держава, претендующая на глобальное лидерство вряд ли откажутся от того, чтобы контролировать ситуацию в Юго-Восточной Азии, ведь доминирование одного из государств в данном субрегионе будет иметь важное значение, как для усиления их геополитических позиций, так и в расстановке сил на международной арене.

Литература

1. Гулевич В. Перспективы американо-китайского соперничества в Юго-Восточной Азии //Международная жизнь, 06.02.2012 // [Электронный ресурс]. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=8248> [Дата обращения: 04.05.2012 г.].
2. Мосяков Д.В. Некоторые аспекты китайской современной политики в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., 2004.

3. Мосяков Д.В. Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2011, № 11. С. 5-18.
4. Мосяков Д. США – Китай: обострение противоречий в Юго-Восточной Азии // Азия и Африка сегодня, 2007, № 7. С. 30–33.
5. Скосырев В. Вашингтон ищет новых партнёров в Юго-Восточной Азии// [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/world/2010-07-28/5_china_usa.html [Дата обращения: 06.02.2012].
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. М. Изд-во «АСТ», 2003. С. 516-523.
7. Чжай Кунь. Политика. 1991-2020: Подъём Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН – исторический обзор и стратегия на будущее// Проблемы Дальнего Востока, 2005, № 5. С. 32-43.
8. Шен Лицзюнь. Влияние Китая в Юго-Восточной Азии // [Электронный ресурс]. URL: http://www.apn-nn.ru/context_s/29698.html [Дата обращения: 14.01.2012].
9. Штефан Е. Экспансия КНР встревожила государства ЮВА//Новый Регион – В мире// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nr2.ru/inworld/295689.html> [Дата обращения: 04.05.2012 г.].
10. Bogaturov A. International Relations in Central-Eastern Asia: Geopolitical Challenges and Prospects for Political Cooperation. Washington. 2004.
11. Buckley C. China military denounces U.S.-Australia defense upgrade// Reuters// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/2011/11/30/us-china-usa-australia-idUSTRE7AT0PZ20111130> [Дата обращения: 11.02.2012].
12. Foreign Relations of Thailand// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/2814.htm> [Дата обращения: 04.05.2012 г.].
13. Foreign Relations of Vietnam// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ei/bgn/4130.htm> [Дата обращения: 04.05.2012 г.].
14. Mearsheimer J. China's Unpeaceful Rise // Current History. April 2006, Vol. 105, № 690. P. 160-162.
15. Mosyakov D. China, the United States and the ASEAN Countries at Odds over the South China Sea// «New Eastern Outlook. Open Research and Discussion Journal, 11.11.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.journal-neo.com/?q=node/2744> [Дата обращения: 04.05.2012 г.].
16. Obama unveils new strategy for 'leaner' US military// BBC News, 05.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-us-canada-16430405>// [Дата обращения: 04.05.2012 г.].
17. Remarks at the Strategic and Economic Dialogue U.S. Press Conference// [Электронный ресурс]. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/05/189315.htm> [Дата обращения: 04.05.2012 г.].
18. USA Military Personnel Around the World // Department of Defense. Active Duty Military Personnel Strengths by Regional Area and by country (309A). September 30, 2011// [Электронный ресурс]. URL: <http://siadapp.dmdc.osd.mil/personnel/MILITARY/history/hst1109.pdf> [Дата обращения: 07.05.2012 г.].

УДК 303.8

*Журбей Е.В.
Zhurbey E.V.*

«Мозговые центры» и внешняя политика Новой Зеландии: история вопроса

«Think tanks» and foreign policy of New Zealand: Background

Статья посвящена истории возникновения института «мозговых центров» и их роли во внешнеполитическом процессе Новой Зеландии. Возрастающее влияние исследовательских центров, институтов в области внешней политики заставляют обратиться к общности и специфике «мозговых центров» Новой Зеландии и их зарубежных аналогов. В статье рассматривается организация, специфика деятельности и каналы влияния на проводимую новозеландским руководством внешнюю политику.

Ключевые слова: *мозговые центры, исследовательские институты, внешняя политика, общественная дипломатия*

The article is devoted to the history of the Institute «think tanks» and their role in the foreign policy process in New Zealand. Increasing influence of research centers and institutes in foreign policy makes appeal to generality and specificity of «think tanks» centers of New Zealand and their foreign counterparts. The article discussed in detail the organization, specific activities and channels of influence on the ongoing of the New Zealand foreign policy.

Key words: *think tanks, research institutes, foreign policy, public diplomacy*

Отправной точкой для анализа эволюции внешней политики Новой Зеландии и роли в этом процессе новозеландских «мозговых центров» является понимание того, что собственно представляет собой новозеландское государство и как давно оно обрело способность проводить суверенную внешнюю политику. Устоявшиеся представления свидетельствуют, что Новая Зеландия это бывшая колония Великобритании, но при этом широкая общественность вряд ли с уверенностью укажет на год обретения Новой Зеландией своего суверенитета.

Новая Зеландия это небольшое и довольно изолированное государство, расположенное на расстоянии 2012 км к югу-востоку от Австралии и состоит из двух главных и нескольких небольших отдалённых островов с населением чуть более 4 миллионов человек. История новозеландской государственности уходит своими корнями в XIX в. Новозеландские острова были открыты ещё в 1642 году голландским путешественником Абелом Тасманом, но только после посещения и тщательного обследования островов английским капитаном Джеймсом Куком в 1768 году острова постепенно начинают заселяться переселенцами из Европы, но в административном плане острова входили в колонию Новый Юж-

---

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка. **E-mail:** cpr2001@gambler.ru

ный Уэльс и управлялись из Австралии. Только в 1840 году англичане обеспокоенные ростом французского влияния в южно-тихоокеанском регионе назначают своего первого губернатора Уильяма Хобсона, который вошёл в историю Новой Зеландии подписанием с местным населением своеобразного «общественного договора» под названием «Договор Вайтанги» [4]. Данный договор был заключён 6 февраля 1840 года и представлял собой соглашение между Великобританией и племенными вождями коренного населения маори. Маори в этом договоре признали британское владычество над островами. Принято считать, что договор «Вайтанги» положил основу созданию государства Новая Зеландия и является одним из основных конституционных документов страны. С 1841 года Новая Зеландия стала непосредственно управляемой британской колонией, а через 11 лет в результате принятия Новозеландского Конституционного Акта 1852 года колония получила существенную автономию.

В 1901 году Новая Зеландия отвергает предложение по присоединению к Австралийскому Союзу на правах штата, а в 1907 году на Колониальной конференции наряду с другими британскими территориями получила статус доминиона. В соответствии с полученным статусом, Новая Зеландия стала формально независимым государством, имеющим в качестве главы государства британского монарха. Вопросы обороны оставались за британской короной, но внешняя политика частично передавалась в ведение губернатора, который представлял интересы монарха и являлся главнокомандующим всех вооружённых сил размещённых на островах, а также в ведение премьер-министра Новой Зеландии. В 1919 году свидетельством самостоятельности проводимой внешней политики является факт подписания премьер-министром Новой Зеландии, Уильямом Мэсси Версальского договора. На очередной Колониальной конференции в 1926 году Новая Зеландия, как и многие другие доминионы, получила статус равноправного государства внутри Британской империи.

Следующим шагом на пути к обретению суверенитета, а значит, к возможности проводить самостоятельную внешнюю политику является принятие парламентом Великобритании в 1931 году Вестминстерского статута, который закрепил решения Колониальных конференций 1926 и 1930 гг. [5]. Статут 1931 года устанавливал правовое положение Новой Зеландии, остальных доминионов и их взаимоотношения с Великобританией. Подтверждая суверенитет доминионов, Вестминстерский статут указывал, что законы Великобритании не могут распространяться на доминионы без их согласия. Отменялось также положение, при котором закон доминиона считался недействительным, если он противоречил законам Великобритании.

Доминионы, признавшие Вестминстерский статут 1931 года, получали статус королевств Содружества (Commonwealth realms), что означало их полную самостоятельность при сохранении за британским монархом поста главы соответствующего государства. Новой Зеландии необходимо было ратифицировать данный статут, и она обрела бы суверенитет и самостоятельную внешнюю политику в 1931 году. Ратификация статута парламентом Новой Зеландии растянулась на 16 долгих лет, и это случилось лишь 25 октября 1947 года.

Сильное чувство политической идентификации с Великобританией долгое время тормозило появление у Новой Зеландии собственной внешней политики. Новозеландцы активно поддерживали метрополию в обеих мировых войнах, но картина внешних отношений Новой Зеландии начала существенно видоизменяться после 1945 года. Несколько

факторов свидетельствуют о появлении чувства национального интереса у новозеландцев.

Во-первых, происходит постепенно осознание того, что Великобритания больше не в состоянии защитить Новую Зеландию в военном плане. Падение Сингапура в 1942 году стало причиной, чтобы задуматься новозеландцам о собственной безопасности. В 1944 году Новая Зеландия и Австралия подписали своё первое крупное двустороннее соглашение без Великобритании. Две страны подписали пакт о взаимной обороне и военном сотрудничестве в южной части Тихого океана. Союзнические отношения между Новой Зеландией и Австралией крепили в геометрической прогрессии, что в дальнейшем выразилось в том, что солдаты обеих стран бок о бок, сражались в войнах в Корее, Малайзии, Вьетнаме.

Во-вторых, международное давление, вытекающее из холодной войны, способствовало дрейфу Новой Зеландии вслед за Австралией в сторону стратегического партнёрства с США, а не с бывшей метрополией. В 1951 году Новая Зеландия, Австралия, и США подписали Договор АНЗЮС. В течение последующих тридцати лет, в США заменили Великобританию и превратились в главного стратегического партнёра Новой Зеландии. Партнёрство с США заставило новозеландцев участвовать в войне в Корее (1950-53 гг.), и во Вьетнаме (1964 – 1975 гг.).

В-третьих, Новой Зеландии пришлось иметь дело с последствиями вступления Великобритании в Европейский Союз (ЕЭС, Европейское экономическое сообщество) в январе 1973 года. Открытый английский рынок для сбыта новозеландской продукции (прежде всего, сельскохозяйственной) в силу принятых Лондоном обязательств, становился не столь открытым для Новой Зеландии, как и в прочем и Австралии. В этих новых и сложных обстоятельствах, Новой Зеландии пришлось искать и открывать новые рынки и устанавливать новые торговые связи, в частности, в Австралии, США и Японии.

Взятые вместе, названные факторы положили начало новой, суверенной внешней политики Новой Зеландии, которая определялась всё больше в Веллингтоне, а не в Лондоне.

Следование суверенной внешней политике позволило Новой Зеландии накопить достаточный социальный опыт, а также расширило политический и общий кругозор новозеландской элиты и общества в целом, что в итоге способствовало пониманию ими собственных национальных интересов, а также возможностей и путей их удовлетворения. Проведение независимой от Лондона собственной внешней политики и благодаря обретению суверенной внешней политики, Новая Зеландия обрела действенный механизм приспособления страны к меняющемуся миру, а, в конечном счёте – к необходимости так или иначе сосуществовать и взаимодействовать с другими субъектами всё более тесного, плотного, взаимозависимого и целостного мира.

Одним из важнейших признаков суверенного государства является наличие у него определённого, достаточно стабильного и для данного государства закономерного (то есть отвечающего его природе, характеру, особенностям) процесса формирования и осуществления поведения данного государства в сфере международной жизни, что принято называть внешнеполитическим процессом. Под внешнеполитическим процессом Новой Зеландии мы будем подразумевать «исторически сложившиеся в стране фактические обычаи и порядок формирования и осуществления её внешней политики со всеми их структурами, процедурами, участниками, особенностями» [1, с. 70]. В более узком смысле под внешнеполитическим процессом Новой Зеландии следует понимать «технологическую сторону работы органов власти, высшего руководства и обеспечения международного курса государства: прохождение информации и доку-

ментов; порядок подготовки, обсуждения и принятия решений, внесения изменений в ранее принятые; организацию исполнения и контроля за ними» [1, с. 70]. Именно второе, узкое значение будет определять логику дальнейшего нашего исследования.

Усложнение процедуры выработки внешнеполитических решений диктует новозеландскому государству потребность привлекать к этому процессу не только традиционные (МИД, разведка, оборона, финансы), но все реально заинтересованные и необходимые иные, неполитические структуры, в том числе и «мозговые», аналитические центры. Их представители включаются в состав делегаций и переговорных групп, занимающихся специальными проблемами; такие структуры всё чаще имеют своих представителей и представительства за рубежом.

Схема внешнеполитического процесса в общем её виде во многом повторяет организационно-политическую структуру новозеландского государства, но выделяет из его устройства только те элементы, которые связаны с формированием и осуществлением внешней политики. Главную часть процесса образует сектор высшей власти, в котором непосредственно принимаются внешнеполитические решения. Этот центр сосредоточен в кабинете министров, который является исполнительным органом Палаты представителей и высшим органом исполнительной власти страны. Главой кабинета министров является премьер-министр. Как и во многих других уложениях, определяющих роль тех или иных государственных деятелей Новой Зеландии, обязанности премьер-министра страны не имеют законодательного описания и во многом определяются конституционными обычаями. Его положение в среде прочих членов Палаты представителей определяется принципом «Первый среди равных» и, занимая высшую административную должность, премьер-министр, тем не менее, обязан придерживаться решений Кабинета министров. Прерогатива формирования внешней политики государства лежит на Кабинете министров и его главе.

К Кабинету министров примыкает костяк ведомств, постоянно участвующих в определении внешней политики государства: министерства иностранных дел и внешней торговли, обороны и иные заинтересованные ведомства. При этом органы исполнительной власти Новой Зеландии в вопросах внешней политики действуют не произвольно, а в рамках своих конституционных полномочий и конкретных отношений с законодательной властью, которая, в свою очередь, открыта для влияния на неё в установленном законом порядке политических партий, мозговых центров, групп интересов и новозеландской общественности в целом. Стержень внешнеполитического процесса обращён вовнутрь новозеландского общества, вбирая из него через систему формальных и неформальных связей интересы, представления, кадры, поддержку, ресурсы.

Анализ внешней политики государства Новой Зеландии приводит нас к суждению о том, что внешняя политика разрабатывается и формулируется ограниченным числом специалистов-профессионалов. Численность этих специалистов явно больше узкого круга принимающих решения. Эти специалисты в области внешней политики ассоциированы каждый со своим министерством или ведомством, что уже вносит в их среду некое разнообразие интересов, взглядов, подходов. Новозеландская демократия эффективно преодолевает противоречие между, с одной стороны, требованиями максимально высокого профессионализма во внешнюю политику, а с другой – императивами сохранения и укрепления и в этой сфере демократических начал. Обозначенное противоречие преодолевается вовлечением во внешнеполитический процесс многочисленных общественных организаций по проблемам внешней политики «как внутри социальной и политической элит, так и на стыках

элит и общества в сферах бизнеса, науки, партий, профсоюзов» [1, с. 71]. Новозеландская демократия инициирует и поддерживает необходимые внутриполитические дискуссии и борьбу по вопросам внешней политики в парламенте, партиях, среди специалистов науки и практики, в общественных движениях и иных социальных структурах.

Существует достаточное количество механизмов «обогащения» внешнеполитического процесса. От механизма традиционных выборов, которые на системной периодической основе вымывают из политической элиты одних людей и группы, приводя им на смену других. Случай же с привлечением «мозговых центров», скорее всего, подпадает под вариант традиционной, но развитой социальной мобильности, которая дополняется механизмом «вращающейся двери». Социальная мобильность ведёт к периодическому обновлению всех элит, социальных групп, структур государственного управления, образования, науки, а механизм «вращающейся двери» позволяет сотрудникам мозговых центров быть той институциональной средой, попадая в которую покинувшие свои посты должностные лица могут применять накопленный ими на государственной службе опыт и при этом продолжать оставаться участниками дебатов по актуальным вопросам внешней политики. В этой связи любой долгосрочный внешнеполитический курс, проводимый новозеландским руководством, не может не иметь социальной опоры и поддержки внутри страны, в том числе и со стороны интеллектуальной элиты, которая имеет тенденцию концентрироваться в мозговых, аналитических центрах. Нашей предстоящей задачей является раскрытие роли «мозговых центров» во внешнеполитическом процессе Новой Зеландии, т.е. в процессе выработки её внешней политики.

Традиционно прибегнем к определению «мозгового центра», предложенного профессором Гарварда Стивеном Буше, который сформулировал девять критериев характеризующих исследовательскую организацию в качестве «мозгового центра»: во-первых, это организация, действующая на постоянной основе; во-вторых, специализирующаяся на производстве общественно значимых решений для сферы политик; в-третьих, благодаря штату сотрудников, посвятивших свой полный рабочий день исследованиям; в-четвёртых, которые в свою очередь производят оригинальные идеи, осуществляют систематический анализ информации и проводят консультации; в-пятых, результаты систематического анализа в виде оригинальных идей доводятся до политиков и общественного мнения; в-шестых, такие организации не несут ответственность за деятельность правительств; в-седьмых, стремятся к независимости от частных интересов и сохраняют свободу в выборе повестки дня в рамках собственных исследований; в-восьмых, основная деятельность не сводится к образованию и выдаче дипломов; в-девятых, в не последнюю очередь их явная или неявная цель заключается в продуцировании общественного блага, в отличие от чисто коммерческих структур [2, р. 2-3]. Девять обозначенных признаков характеризуют все шесть существующих в Новой Зеландии «мозговых центров». Откуда взялась цифра шесть?

Ежегодно, признанный в мире специалист по мозговым центрам Джеймс Макганн в рамках программы «Мозговые центры и Гражданское общество» университета Пенсильвании публикует мировой рейтинг «мозговых центров» [3]. Рейтинг основывается на экспертном опросе полутора тысяч учёных, политиков, журналистов. Рейтинг учитывает 6480 «мозговых центров», которые подвергнуты градации (например, с учётом географического принципа нахождения). География «рейтинга» относит Новую Зеландию к региону Океания. На долю Океании приходится 1% всех «мозговых центров» мира, что в числовом значении составляет 39 центров [3, р. 20]. Из 39 учтённых аналитических центров Океании на

долю Новой Зеландии приходится 6 центров, 29 на долю Австралии, 2 находятся в Папуа Новой Гвинее и по одному располагаются на Фиджи и Самоа [3, p. 25].

Отличительной чертой внешней политики Новой Зеландии на протяжении долгих послевоенных лет являлся явно выраженный приоритет экономических национальных интересов над политическими. Лозунг Национальной партии Новой Зеландии когда-то провозгласил о том, что «внешняя политика – есть торговля». В этой связи содействие продвижению внешнеторговых интересов вменялось в первоочередную задачу внешнеполитического ведомства страны, которое к тому же имело название Министерство иностранных дел и внешней торговли, а министр финансов в новозеландской государственной иерархии стоит на ступень выше, чем его коллега по вопросам внешней политики. Вся внешнеполитическая деятельность новозеландского руководства вне пределов Южно-тихоокеанского региона была обусловлена именно торговыми интересами, а внутри региона в значительной степени вопросами политической стабильности и военной безопасности. Подобная тенденция доминировала до конца 1980-х гг. XX в., что обусловило экономическую специализацию новозеландских «мозговых», аналитических центров.

По числу «мозговых центров» Новая Зеландия явно отстаёт от своей соседки Австралии, но не всё объясняется причиной неостребованности в услугах центров со стороны правительства. «Масштаб» Новой Зеландии диктует потребность в малом количестве. Новозеландское правительство не игнорирует «мозговые центры», но и не особо инициирует их создание. Правительство довольствуется имеющимися центрами.

Консультационные услуги таких организаций как «Новозеландский Совет по планированию» или «Законодательной комиссии» были востребованы органами государственной власти. Государство допускало к разработке или обсуждению тех или иных вопросов государственной важности экспертное сообщество, но влияние данного сообщества на принятие окончательных решений явственно не фиксировалось наблюдателями. Приветствовались консультации, нестандартные решения, но отвергалась лоббистская составляющая деятельности таких центров.

Одним из наиболее привлекаемых правительством Новой Зеландии «мозговых центров» является «Новозеландский институт экономических исследований» (NZIER), который был основан как юридически независимый орган, в 1958 году [6]. Главной целью Института является проведение прикладных экономических исследований. Первоначально он был размещён на территории студенческого городка Университета Виктория в Веллингтоне, и большая часть собственной аналитической продукции носила явно выраженную академическую окраску. Тем не менее, Институт также имеет тесные связи с бизнес-сообществом Новой Зеландии, Австралии и стран региона, а также Институт можно рассматривать в качестве поставщика кадров для новозеландского правительства и разного рода ведомств и правительственных агентств. Институт позиционирует себя в качестве независимой от правительства или иной организации, что даёт возможность проводить работу на беспристрастной и не идеологической основе.

В 1983 году на базе того же университета создаётся ещё один новозеландский «мозговой центр», который получил название «Института политических исследований» (IPS) [7]. Своей деятельностью Институт стимулирует обсуждение, исследование и публикацию актуальных вопросов внутренней и внешней политики. «Нашей целью является привлечение максимально широкого круга экспертного сообщества, в частности, в привлечении специалистов из университетов, государственной службы, бизнес-сообщества и широкой общественности сообщества.

Наши три лозунга могут быть сведены к следующему: исследовать, вовлекать, сообщать» [7].

С 1983 года IPS укрепил свои позиции в качестве важного и полезного форума для обсуждений и дискуссий в новозеландских политических кругах. Работа Института финансируется из средств Университета Виктории, а также учреждениями и частным сектором в виде грантов на проекты и стипендий.

Данный Институт преодолел экономический детерминизм и активно вовлекается в поле внешней политики, внешнеполитического процесса Новой Зеландии. В рамках Института действует «Центр стратегических исследований: Новая Зеландия» (CSS: NZ) [8]. Центр представляет собой координационный орган для проведения исследований в сфере стратегической безопасности Новой Зеландии. В фокусе внимания сотрудников данного центра вопросы национальной безопасности и обороны, разрешение конфликтов, контроля над вооружениями и проблем разоружения. Центр активно сотрудничает с соответствующими министерствами, ведомствами правительства (например, с министерством обороны), с университетами, частным сектором, средствами массовой информации и отдельными политиками, экспертами. Центр стремится внести конструктивный вклад в разработку государственной политики и всецело способствует информированности общественности путём обсуждения стратегических вопросов в рамках многочисленных конференций, круглых столов, форумов. Центр взаимодействует с аналогичными учреждениями и особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Членами Консультативного совета Центра являются нынешний министр иностранных дел и внешней торговли Джон Аллен, а также министр обороны Новой Зеландии Джон МакКиннон.

Ещё одним авторитетным «мозговым центром» Новой Зеландии считается «Новозеландский институт международных отношений» (NZIIA) [9]. История создания этого центра уходит своими корнями в 1934 год. У истоков создания Института стояли бывший и будущий министры финансов Новой Зеландии Дауни Стюарт и Уолтер Нэш (будущий премьер-министр). Стюарт стал первым председателем, главой Института, а Алистер Макинтош был избран первым секретарём-казначеем нового института (впоследствии он станет секретарём иностранных дел Новой Зеландии с 1943 по 1966 гг.) [9].

Институт создавался при активной поддержке своих зарубежных партнёров, а именно «Института тихоокеанских отношений» (IPR) в Гонолулу, чей филиал действовал в Новой Зеландии с 1926 года и также при содействии «Королевского института международных отношений «Chatham House»».

После окончания Второй мировой войны в 1945 году, NZIIA обрёл новую жизнь. Сотрудники Института принимали активное участие в деятельности различных структур Британского Содружества. В 1959 году Новозеландский институт международных отношений выступает в качестве организатора очередной конференции Содружества, в Палмерстон-Норт (Новая Зеландия). Конференция могла состояться только благодаря поддержке правительства под руководством премьер-министра Уолтера Нэша (был одним из учредителей NZIIA). Конференция 1959 года была примечательна тем, что в ней участвовали три будущих премьер-министра – Гоф Витхэм (Австралия), Джим Каллаган (Великобритания), и Гарфилд Тодд (Родезии), а также Пол Хаслак (Австралия), будущий министр иностранных дел и генерал-губернатор Австралии [9].

Участие Новой Зеландии в войне во Вьетнаме стимулировало общественный интерес к международным отношениям и предоставило

Институту новые возможности. В 1968 году профессор Фрэнк Холмс получил щедрый грант в сумме \$ 100 000 от Фонда Форда. Это позволило Институту открыть представительство на территории кампуса Университета Виктории в Веллингтоне [9]. Открытие нового офиса на территории кампуса университета привело к установлению постоянного партнёрства с университетом и его ключевыми подразделениями в течение последующих 40 лет.

Грант Фонда Форда способствовал проведению многочисленных исследований и выпуску публикаций, а также финансировал поездки сотрудников Института на ведущие международные конференции. С 1969 по 1971 год институт опубликовал более 20 крупных работ по различным аспектам международных отношений и внешней политики Новой Зеландии. Помимо иностранных грантов Институт на периодической основе получает финансирование в виде грантов со стороны новозеландского Министерства иностранных дел и внешней торговли.

«Новозеландский институт международных отношений» напоминает по структуре и задачам своего брата-близнеца в Австралии, а именно «Австралийский институт международных исследований» (АИА), но он позиционирует себя в качестве форума для дискуссий (не лоббистской структуры), т.е. организацией с ограниченными возможностями для исследований и анализа. Эксперты отмечают, что внимание Института в большей мере сосредоточено на понимании, а не на формировании внешней политики Новой Зеландии. Как и многие другие институты по международным делам Институт утверждает свой статус не политической организации созданной и действующей для повышения осознания и понимания международных событий.

В списке корпоративных членов Института значатся практически все ключевые новозеландские министерства и ведомства (Министерство иностранных дел и внешней торговли, Министерство обороны, Министерство финансов и др.), а в качестве институциональных членов фигурируют иностранные посольства (США, Франции, Японии, Мексики, Ирана и др.), с десяток двухсторонних комиссий и прочие международные структуры. Весь этот солидный список цементируется участием в качестве партнёров ведущих новозеландских финансовых структур (например, Резервный банк Новой Зеландии) и крупных бизнес-групп (например, национального авиа перевозчика страны Air New Zealand).

Из шести «мозговых центров» Новой Зеландии два центра прямого отношения к внешнеполитической проблематике не имеют. 1 апреля 2012 года в стране был создан новый независимый, беспартийный «мозговой центр» в области государственной политики, получивший название «Новозеландская инициатива». Центр был создан на базе двух ранее функционировавших «мозговых центров», а именно «Новозеландского института» и «Круглого стола для бизнеса». Новая структура «будет опираться на наследие двух организаций-учредителей и будет направлена на инициирование большего числа дебатов по вопросам государственной политики и содействие смелым, тщательно продуманным идеям для достижения более благополучного будущего для Новой Зеландии» [10]. В приоритетах у новой структуры значатся вопросы социально-экономической проблематики (здравоохранение, образование, социальное обеспечение), а также вовлечённость Новой Зеландии в глобальную экономику.

В результате объединения двух структур общее число «мозговых центров» сократилось до 5. Несмотря на свою малозаметность, новозеландские «мозговые центры» оказывают существенное влияние на местных политиков и чиновников в чью компетенцию входят вопросы внешней политики и национальной безопасности. Подведём итоги нашего

обзора посвящённого роли «мозговых центров» во внешнеполитическом процессе Новой Зеландии.

Новозеландские «мозговые центры» представляют собой исключительно независимые структуры, которые были созданы для проведения исследований и продуцирования нового знания, применяемого в области государственной внутренней и внешней политики. Несколько таких центров возникло на базе новозеландских университетов, что с одной стороны способствовало тесному взаимодействию с академическим сообществом, но с другой стороны способствовало преодолению излишней академичности в исследованиях в силу независимого статуса. Новозеландские политики, занимающиеся конкретными проблемами, весьма далеки от академичности и нацелены на зримый результат. В этой связи «мозговые центры» восполняют разрыв между «миром идей и миром действий». Вместе с тем отметим, что в классификации Макганна два из пяти функционирующих центров относятся к университетскому типу, а именно «Институт политических исследований» (IPS) и «Центр стратегических исследований: Новая Зеландия» (CSS: NZ).

Значимость и полезность современных новозеландских «мозговых центров» для местных политиков объясняется несколькими факторами.

Считается, что подобные центры продуцируют «новое мышление», которого так не хватает политикам. Оригинальные идеи должны менять представления новозеландских политиков о национальных интересах своей страны, а также оказывать существенное влияние на расстановку тех или иных приоритетов в проводимой внешней политике. Оказание влияния идёт по многочисленным формальным и неформальным каналам. Сотрудники центров публикуют книги, статьи и целевые аналитические доклады, а также регулярно выступают в качестве спикеров и экспертов на телевидении и радио, а в век Интернета активно представляют результаты своей деятельности на страницах интернет изданий или личных страницах социальных сетей, тематических блогов.

Кроме того, что «мозговые центры» Новой Зеландии являются поставщиками «новых идей» для государственных учреждений, они же поставляют в эти государственные учреждения «новые таланты». Англо-американская политическая система при очередной смене власти в результате прихода или ухода той или иной партии обеспечивает стабильный приток экспертов в аппарат правительства. Зачастую именно «мозговые центры» помогают заполнить данный вакуум. Отметим ради справедливости и тот факт, что по завершении карьеры «мозговые центры» принимают в свои штаты львиную долю профессионалов из правительства, которые готовы делиться своими знаниями и выступать в качестве высококвалифицированных экспертов в тех или иных областях государственной политики. Они могут делиться идеями, по крупицам собранными в ходе прохождения государственной службы. Данный феномен называется «вращающейся дверью». Считается, что опыт, полученный на государственной службе, а также на поприще аналитики в «мозговых центрах» даёт в итоге более глубокое понимание проблем.

Говоря о «мозговых центрах» Новой Зеландии отметим тот факт, что они не только «вносят» новые идеи в правительство и поставляют туда кадры, но и создают многочисленные общественные площадки для дискуссий по различным вариантам проводимой политики, а в нашем случае для дискуссий по проводимой внешней политике. Есть расхожее суждение о том, что ни одна важная внешнеполитическая инициатива не может закрепиться, если она не получает критической массы поддержки среди специалистов по внешнеполитическим вопросам, которые «сидят» в «мозговых центрах» или академических структурах. Благодаря круглым столам, конференциям, форумам, проводимых «мозговыми

центрами» новозеландские политики получают удобную возможность для объявления новых инициатив, а также для того чтобы разъяснить вопросы текущей внешней политики страны.

Немаловажной функцией новозеландских «мозговых центров» является функция просвещения жителей Новой Зеландии. Страна маленькая и расположена на периферии мировой политики, что обуславливает особую потребность разъяснять жителям страны свою значимость в аспекте усложняющегося и взаимозависимого мира. Речь может идти об обеспечении иностранных рынков новозеландской сельскохозяйственной продукцией или о значимости рынка национального туризма для формирования облика страны за рубежом, общественность Новой Зеландии всё сильнее зависит от проводимой внешней политики.

В заключении отметим, что «мозговые центры» оказывают действительное влияние на формирование и воплощение в жизнь внешней политики Новой Зеландии, несмотря на весьма ограниченное количество самих центров в сравнении с другими странами АТР. Количество центров в новозеландской практике восполнено качеством предоставляемых правительству «мозговыми центрами» интеллектуальных услуг.

Литература

1. Косолапов Н. Внешняя политика и внешнеполитический процесс субъектов международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 3. С. 64-73.
2. Boucher, Stephen, et al. Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union. Studies and Research No 35. October. Paris: Notre Europe, 2004. 152 p.
3. Mc Gann, James G., The Global 'Go-To' Think Tanks, The Think Tanks and Civil Societies Program 2010, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2011. 80 p.
4. The Treaty of Waitangi [Электронный ресурс]. URL: <http://www.treatyofwaitangi.net.nz/> [Дата обращения: 15.03.2012]
5. The Statute of Westminster 1931 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/22-23/4/contents> [Дата обращения: 15.09.2011]
6. The New Zealand Institute of Economic Research [Электронный ресурс]. URL: <http://nzier.org.nz/about-nzier> [Дата обращения: 12.03.2012]
7. The Institute of Policy Studies [Электронный ресурс]. URL: <http://ips.ac.nz/About/overview.html> [Дата обращения: 15.09.2011]
8. The Centre for Strategic Studies: New Zealand [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victoria.ac.nz/css/> [Дата обращения: 13.03.2012]
9. The New Zealand Institute of International Affairs [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victoria.ac.nz/nziia/about/history.html> [Дата обращения: 11.04.2011]
10. The NZ Institute and Business Roundtable start new think tank [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scoop.co.nz/stories/PO1204/S00047/nz-institute-and-business-roundtable-start-new-think-tank.htm> [Дата обращения: 12.04.2012]

УДК 342.24

*Наливайко П.Н.
Nalivaiko P.N.*

**Состояние российского федерализма
на современном этапе: политологический анализ
(по материалам социологического исследования,
проведённого в 2011-2012 гг. в Приморском крае)**

**The state of Russian federalism at the present stage: political analysis
(based on the survey conducted in 2011-2012 in the Primorsky Territory)**

Статья представляет собой попытку выявить и исследовать проблемы восприятия населением Приморского края общей российской федеративной модели и конкретного места региона в ней. Результаты были получены путём проведения исследования интегрированной исследовательской группой студентов ДВФУ, под руководством Н.А. Цыганок.

Ключевые слова: *федерализм, Приморский край, социологическое исследование, ДВФУ, опрос населения, форма государственного устройства*

The article is an attempt to identify and explore issues of perception of the general population of Primorsky Territory of the Russian federated model and the specific location of the region in it. Results were obtained by the study which was conducted by integrated research team of FEFU students, under the direction of N.A. Tsyganok.

Key words: *federalism, Primorsky Territory, sociological study, FEFU, poll, form of government*

Федерализм – это такая форма государственного устройства, которая предусматривает существование двух уровней власти – регионально-го и общенационального. При этом региональный как и общенациональный обладает реальной автономией, политической и экономической. И чрезвычайно важно то, что есть в федеральном государстве и чего нет в империи – это то, что эти два уровня власти не соподчинены друг другу. Они вступают друг с другом в отношения договорённости, а не иерархического соподчинения [1].

С крушением СССР высвобождение подавлявшихся ранее разнообразных интересов республик, краёв, областей и округов РСФСР вызвало захлестнувшую почти все её разнородные территории волну суверенизации. Она разрушила прикрывавшуюся формальным федерализмом идейно-политическую и административно-хозяйственную централизацию. Но историческая общность культуры большинства населения, экономический потенциал метрополии и потребность почти всех территорий в дотациях центра позволили реформаторам сохранить их государствен-

---

НАЛИВАЙКО Павел Николаевич, студент Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** nuclies@mail.ru

ное единство провозглашением широкой автономии и равноправия всех 89 национально- и административно-территориальных единиц, ставших субъектами РФ [3].

Однако система нового российского федерализма оказалась внутренне противоречивой, а её эффективность – низкой. Федерализм в России постепенно разрушался, а региональный состав политических элит претерпел значительные изменения с приходом к власти Владимира Путина в 2000 году. За время правления Путина в качестве президента и премьер-министра федеральные кадры стали возглавлять в регионах подразделения таких основополагающих структур, как Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел, офис Генерального прокурора, Следственный комитет, а также региональные суды. Эти действия, были направлены против идеи федерализма, они представляют собой новую систему “декоренизации” политических элит.

Назначение губернаторов – пожалуй, один из самых ярких примеров того, как идея федерализма уступила место правлению Москвы. Такие действия, были предприняты для того, чтобы усилить лояльность правящих элит на региональном уровне. В результате такой политики число федеральных служащих значительно превышает число региональных, и между федеральными и региональными политическими элитами часто заметна конфронтация. И на данном этапе развития, российский федерализм нуждается в существенных изменениях.

Рассматривая проблему федерализма, необходимо учитывать не только теоретический аспект, но и эмпирическую составляющую на региональном уровне. Одной из ключевых задач исследования было измерение восприятия и оценки институтов федерализма со стороны населения Приморского края. Основными измеряемыми параметрами восприятия и оценки институтов федерализма были: отношение к принципам формирования Совета Федерации РФ; к выборности глав регионов; к местному самоуправлению, степени его автономии; а также – оценка роли «центра», «региона» и «местной власти» в решении социальных проблем. Выбор данных параметров определялся логикой анализа «субъектов федерализма», их «политического статуса» и поведения, сложившихся правил взаимодействия друг с другом, которые определяют формирования институтов федерализма. Результатом стало проведение социологического опроса на территории города Владивостока. Количество опрошенных составило более 200 человек от 18 до 100 лет, различного имущественного и социального положения, вне зависимости от рода деятельности. Респондентам не задавались прямые вопросы о понятии федерализма или о его ключевых составляющих. Были использованы более простые и понятные для обывателя формулировки, отражающие, тем не менее, сущность изучаемого явления.

♦ Отношение к принципам формирования Совета Федерации РФ

Из результатов социологических исследований известно, что Совет Федерации относится к числу органов государственной власти, функционал которых плохо понятен простым гражданам, что влечёт за собой низкий уровень доверия к данному институту. Результаты настоящего проекта в целом подтвердили эти выводы. Лишь 18% граждан – участников исследования правильно ответили на вопрос о том, как формируется СФ РФ. Остальные либо затруднились дать какой-либо ответ, либо ошиблись: более половины считают, что представители СФ избираются жителями региона, ещё 8% выразили мнение, что представителями от регионов в Совете Федерации являются главы регионов и председатели региональных законодательных собраний (Диаграмма № 1).

Распределение ответов на вопрос, как должны отбираться представители регионов в Совет Федерации, продемонстрировало предпочтения

граждан в пользу их выборности – по крайней мере, так считают более половины опрошенных. Правда, как будет показано ниже, принцип выборности поддерживается населением в отношении и других высших должностных лиц и органов власти. На наш взгляд, это скорее не осознанный, глубоко осмысленный выбор «ценностей демократии», а некий стереотип массового сознания, стихийная установка на «демократию». «Выборы» воспринимаются как «хорошая», «правильная» процедура формирования власти, «лучшая» из возможных.

◆ Отношение к выборности глав регионов

Согласно результатам опроса, большинство не осведомлены, что главы регионов в настоящее время не избираются. Помимо этого, порядок их назначения в полной мере гражданам не известен, во всяком случае, правильный ответ – «утверждаются Законодательным собранием региона по представлению Президента России» дали только 7% респондентов. Население в своей значительной части убеждено, что главы регионов назначаются Президентом РФ (24%). Возможно, что для части приморцев процедура утверждения кандидатуры главы региона Законодательным собранием рассматривается как исключительно формальная, а по сути, они рассматривают процесс вступления в должность как прямое назначение (Диаграмма № 2).

Что касается предпочтений относительно того, как главы регионов должны вступать в должность, то здесь распределение ответов аналогично тому, которое касалось правил формирования Совета Федерации. Т.е. большинство респондентов (62%) поддержали принцип выборности глав регионов их жителями. Назначение этих должностных лиц Президентом РФ сегодня поддерживается в среднем четвертью населения, действующий порядок получил поддержку только 7% опрошенных (Диаграмма № 3).

Отношение населения к порядку выдвижения кандидатур глав регионов со стороны партии, победившей на региональных выборах, оказалось несформированным. На наш взгляд, принятый в 2009 г. закон гражданам попросту не известен. В среднем, доли участников опросов, заявивших о своём положительном и отрицательном отношении к указанному порядку, оказались почти равными, т.е. отношение не сформировано и предпочтений на массовом уровне нет. С учётом того, что политические партии не пользуются в обществе большим доверием, полученные результаты представляются вполне ожидаемыми (Диаграмма № 4).

◆ Отношение к местному самоуправлению

Для изучения отношения населения к местному самоуправлению в ходе исследования измерялось мнение граждан по поводу самостоятельности органов местного самоуправления (МСУ) относительно региональной власти в решении проблем местного уровня.

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что сегодня в общественном сознании согласованная позиция по вопросам степени самостоятельности органов местного самоуправления отсутствует. Ответы респондентов распределились в достаточно близких долях: 39% опрошенных выступили за определённую самостоятельность местного самоуправления в решении местных проблем, 54% – за их полную подотчётность региональным властям (Диаграмма № 5).

Вероятно, население рассматривает полную подотчётность органов МСУ властям региона как один из способов контроля над их деятельностью (контроля «сверху»), поскольку контроль «снизу» (со стороны самих граждан) не представляется им достаточно эффективным. Это может также свидетельствовать о недостаточно высоком уровне гражданской

активности и гражданского самосознания населения, отсутствии готовности к активному участию в управлении на местном уровне и т.п.

♦ Восприятие роли «Центра», «Региона», «Местной власти»

Одной из задач исследования было выявление представлений населения о распределении ответственности и полномочий между органами власти разного уровня, их «правильной» роли в решении тех или иных проблем.

В частности, участникам опросов было предложено оценить, кто (власти какого уровня) должен нести ответственность за решение проблем в некоторых отраслях социальной сферы: строительстве дорог, здравоохранении (состоянии больниц и медицинского обеспечения), ЖКХ и образовании.

Как показали результаты, в сознании населения субъекты ответственности за разные сферы серьёзно различаются. Так, ответственность за образование и здравоохранение, по мнению респондентов, находится преимущественно в ведении федеральных властей. Напротив, сфера ЖКХ – в ведении органов МСУ. Относительно ответственности за строительство дорог мнения участников опроса оказались наименее согласованными, «разделив» её между всеми ветвями власти, но отдав предпочтение региональным властям.

Кроме изучения представлений о разделении ответственности органов власти за состояние социальной сферы в рамках исследования выявлялись представления населения о правах и полномочиях органов власти федерального и регионального уровня приостанавливать или отменять решения друг друга.

Анализ показал, что массовое сознание по данным вопросам весьма непоследовательно и довольно противоречиво. Более половины респондентов – 65% – считают, что глава региона должен иметь право приостанавливать действие решений Правительства РФ на территории своего края, если эти решения негативно сказываются на ситуации в регионе. Несогласие с этим высказали лишь около четверти участников опроса (Диаграмма № 6).

Вряд ли жители осознанно поддерживают курс на децентрализацию страны и вряд ли понимают последствия наличия у губернатора права приостанавливать решение Правительства. Скорее, можно лишь констатировать отсутствие правового самосознания на массовом уровне (Диаграмма № 7).

♦ Отношение к принципам административно-территориального деления Российской Федерации

Как выяснилось в ходе исследования, почти четверть опрошенных не знает, по их собственным признаниям, сколько субъектов РФ существует в настоящее время в России. И это только те, кто прямо сообщил о своей неосведомлённости. Если выделить только ту часть респондентов, которые дали правильный ответ (83 региона), то уровень информированности населения составил всего 3%. Большая часть опрошенных, а именно 58%, блуждала в районе от 80 до 89 субъектов (Диаграмма № 8). Таким образом, подавляющее большинство граждан имеют весьма туманное представление об административно-территориальном делении страны.

Очевидно, именно в виду низкой информированности большинство респондентов оказались, с одной стороны, довольно индифферентны в вопросе об изменении территориального деления страны, с другой – весьма противоречивы в своих суждениях.

Так, оценивая предложенные проекты территориального деления России, половина опрошенных выбрали вариант «оставить как есть», ещё каждый пятый затруднился ответить. Таким образом, лишь 30%

участников опроса отдали предпочтение одной из предложенных альтернатив изменения территориального деления России в сторону сокращения существующего количества регионов. При этом позиции разделились в близких долях: 10% респондентов выступили за сокращение до 50 укрупнённых регионов и по 7% за варианты «20 губерний» и 11% за «8 федеральных округов» (Диаграмма № 9). Опрос показал, что вопрос об изменении территориального деления России для граждан не актуализирован, вероятно, они попросту не видят смысла в преобразованиях такого рода.

Противоречивость общественного сознания по вопросу изменения территориального деления проявилась и при ответах на прямой вопрос о том, как они относятся к идее сокращения числа субъектов Федерации путём объединения некоторых из них. Более 15% граждан проявили безразличие к данному вопросу.

Мнения остальной части участников опроса разделились между отрицательными и положительными позициями. Наиболее популярным аргументом в пользу сокращения числа регионов в глазах населения является сокращение бюрократического аппарата (18%). Остальные аргументы – за и против – набрали разные доли сторонников. Так, 9% респондентов выступают за сокращение регионов, но не могут объяснить причины. Однако 25% населения опасаются, что объединение субъектов Федерации приведёт к нарушению сложившихся в регионе традиций и обострит конкуренцию политических элит (Диаграмма № 10).

Как видно, и отношение к идее сокращения количества регионов, и мотивацию этого отношения (аргументация «за» или «против») можно оценить как несложившиеся и неоднозначные.

Однако, у приморцев чётко сложилось мнение при ответах на вопрос относительно представлений о последствиях объединения Приморского края с Хабаровским. Более половины респондентов (58%) считают, что объединение принесёт больше вреда, чуть более трети (26%) – больше пользы, ещё 8% не задумывались над данным вопросом (Диаграмма № 11).

Решение относительно сокращения регионов, по мнению относительного большинства респондентов (42%), должно приниматься на основании всенародного референдума жителей регионов (Диаграмма № 12).

Как показали результаты исследования, в общественном сознании жителей отсутствует не только сложившееся представление о субъектах Федерации и их оптимальном количестве, но и о федеральных округах.

С большой вероятностью можно допустить, что большинство граждан Приморского края не понимают сути и смысла существования федеральных округов. По крайней мере, мнения относительно того, есть ли или нет от федеральных округов польза, распределились в близких долях, что свидетельствует об отсутствии сложившегося мнения (Диаграмма № 13).

♦ Отношение к перемещению полномочий, ресурсов и ответственности на уровень регионов

Для изучения отношения жителей края к перемещению полномочий, ресурсов и ответственности на уровень регионов в рамках опроса респондентам были предложены для оценки варианты разграничения властных функций в разных сферах, из которых следовало выбрать вариант, наиболее предпочтительный, по мнению участника опроса.

Определённым образом распределились мнения населения – участников проекта относительно ресурсного обеспечения органов МВД на местах. Большинство респондентов (57%) выступили в поддержку

перехода органов МВД на полное федеральное финансирование и подчинение федеральным органам власти (Диаграмма № 14).

Можно допустить при этом, что полученный результат не является отражением уровня «федералистского» сознания граждан. Скорее всего, преобладающий выбор в пользу федерального подчинения органов МВД базируется на известном недоверии населения к правоохранительным органам и предположении, что подчинение полиции центральным органам власти снизит её «сращивание» с местными и региональными властями, сделает её более независимой и, как следствие, позитивно отразится на обеспечении безопасности граждан.

Существенно менее единодушными оказались мнения граждан относительно назначения руководителей региональных управлений полиции. Хотя за подчинение органов МВД на местах региональным органам власти высказались менее четверти респондентов, за предоставление региональным органам власти возможности участия в принятии решения о назначении руководителей региональных управлений полиции выступили уже более четверти граждан (27%) (Диаграмма № 15). Вероятно, здесь проявляется, в том числе, нежелание видеть во главе местной полиции «варяга», а также уверенность в необходимости знать «местную специфику». Во всяком случае, прослеживается определённое противоречие между представлениями некоторых граждан о том, как следует назначать руководителей управлений полиции региона, и кому они должны подчиняться.

Согласно полученным результатам, сегодня в обществе нет единого мнения относительно того, как должны перераспределяться налоги и ответственность за социальное обеспечение населения между центром и регионами. При этом наименьшую поддержку граждан получила текущая практика перераспределения, т.е. вариант «Большую часть налогов отдавать в центр, чтобы федеральные власти несли ответственность за социальное обеспечение населения».

«Симпатии» респондентов поровну распределились между двумя способами перераспределения налогов и ответственности за социальное обеспечение: когда большая часть налогов (и ответственности) оставалась бы в регионе и когда налоги распределялись бы таким образом, чтобы федеральные и региональные власти делили ответственность за социальное обеспечение в равной мере (Диаграмма № 16).

В рамках исследования изучались позиции населения относительно гипотетической ситуации, когда на территории их района обнаружено месторождение дорогих полезных ископаемых.

Граждане признают двух основных правообладателей природных ресурсов: всех россиян и жителей соответствующего региона. Соответственно распоряжаться ресурсами должны в первом случае – федеральные органы власти, во втором – региональные органы. Минимальное количество граждан считает, что права должны принадлежать компании, которая нашла месторождение (12%). Принадлежность прав на ресурсы жителя города или района, на территории которых они были обнаружены, поддерживает небольшая часть респондентов (28%) (Диаграмма № 17).

◆ Отношение к сотрудничеству между регионами

Оценивая важность сотрудничества между регионами и соседними государствами, большая часть участников опроса, считает необходимым гармоничное развитие отношений между субъектами и государствами, в которых такое взаимодействие было бы полезным. На наш взгляд, это означает, что само по себе межрегиональное сотрудничество воспринимается позитивно (Диаграмма № 18).

◆ Оценка федеративных управленческих практик

Одной из задач исследования было выявление предпочтений граждан относительно ряда качеств главы региона, характеризующих его с точки зрения степени ориентированности на регион, региональные интересы. Использовались 5 пар качеств.

Если говорить о результатах, то можно сказать, что лишь относительно двух пар качеств можно указать на преобладающее представление (выбор 60% и более респондентов). В остальных парах полярные характеристики получили близкие доли выбора – от 40% до 60%. В среднем большинство граждан хотели бы видеть на посту главы региона управленца, много лет прожившего и проработавшего в регионе, а также человека, сосредоточенного исключительно на проблемах региона. Как видим, оба эти качества характеризуют «регионалистски» ориентированного главу региональной власти.

Относительно других качеств общественное мнение не однозначно: у граждан в близких долях присутствуют противоположные мнения о партийной принадлежности главы региона, его отношениях с финансово-промышленными группами и с федеральной властью (Диаграмма № 19).

Предполагалось, что важным фактором, влияющим на распространённость идей федерализма среди респондентов, является наличие у них территориальной идентичности. Действительно, среди «федералистов», по сравнению с «унитаристами», зафиксирована несколько меньшая доля респондентов, ощущающих себя жителями своего города, района, и большая доля считающих себя россиянами. Наоборот, среди «унитаристов» преобладает идентичность общероссийская, и в меньшей степени выражена – локальная (Диаграмма № 20).

Анализ представленных распределений показал значительную территориальную дифференциацию по выделенным группам. Поэтому, стоит отметить значительное преобладание среди жителей Приморского края «федералистов» и, соответственно, сравнительно меньшие доли «унитаристов».

Но анализируя ответы на последний вопрос, мы видим совершенно иную картину. Более 70% опрошенных считают, что федеративное устройство является наиболее благоприятным для РФ и лишь 8% отдадут предпочтение унитаризму (Диаграмма № 21).

Результаты исследования на уровне Приморского края показали, что в региональном сознании отсутствует последовательное доминирующее мнение по поводу региональной автономии: нет заметного преобладания федералистских, децентралистских, регионалистских установок. Также данная тенденция прослеживается в результатах исследований и в других субъектах РФ [1].

По результатам исследования видно, что у населения края нет комплексного и полноценного представления о федеративных отношениях. Это выражается в противоречивости ответов и отсутствии знания об основных принципах федерализма.

Данное исследование показало, что на уровне Приморского края граждане не имеют чёткого представления о том, как формируются важнейшие институты власти, и какими полномочиями обладает федеральный центр и регион. Результаты исследования, демонстрируют, что у людей есть представление о том, что такое федерализм, но это представление коренным образом отличается от реального содержания данного понятия.

Сегодня возникает справедливый вопрос: нужна ли федеративная модель России и актуальна ли эта форма государственного устройства для современных политических реалий? Если ни население, ни субъекты, не ощущают на себе полноты этого понятия, то бессмысленно играть

в эту игру. Говорить о том, что у нас федерализм и при этом укреплять вертикаль власти, продолжая снабжать дотационные регионы, не справедливо. Федерализм – это не просто эксперимент с административно-территориальным делением, это многоступенчатый процесс, который формируется в течение многих лет, и для создания действительно функционирующей федеративной системы необходимо учитывать сложившиеся ментальные установки и исторический опыт российского государства.

Специфика новейшей российской истории и противоречивость политико-правовых процессов на постсоветском пространстве показывают, что институт федерализма продолжает оставаться недостаточно разработанным [2]. Это во многом связано с тем, что процесс формирования организационных основ федерализма, адекватного целям и задачам современного общества, носит незавершённый характер. На сегодняшний день, федеративная модель в России носит скорее формальный характер, и не соответствует тому смыслу, который был заложен в идеях федерации.

Литература

1. Боде, В. Состояние и перспективы развития российского федерализма в массовом сознании и экспертных оценках [Электронный ресурс] / В. Боде. – Электрон. дан. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24310713.html>
2. Гайдук, В.В. Институт федерализма: политико-правовое исследование: автореф. дис. ... докт. полит. наук : 23.00.02 / В. В. Гайдук. Москва, 2008. 28 с.
3. Кривогуз, И.М. Проблемы российского федерализма [Электронный ресурс] / И. М. Кривогуз. – Электрон. дан. URL: http://www.igpi.ru/bibl/other_article/1129723920.html

Диаграмма 1. Как должен формироваться Совет Федерации (палата регионов)?

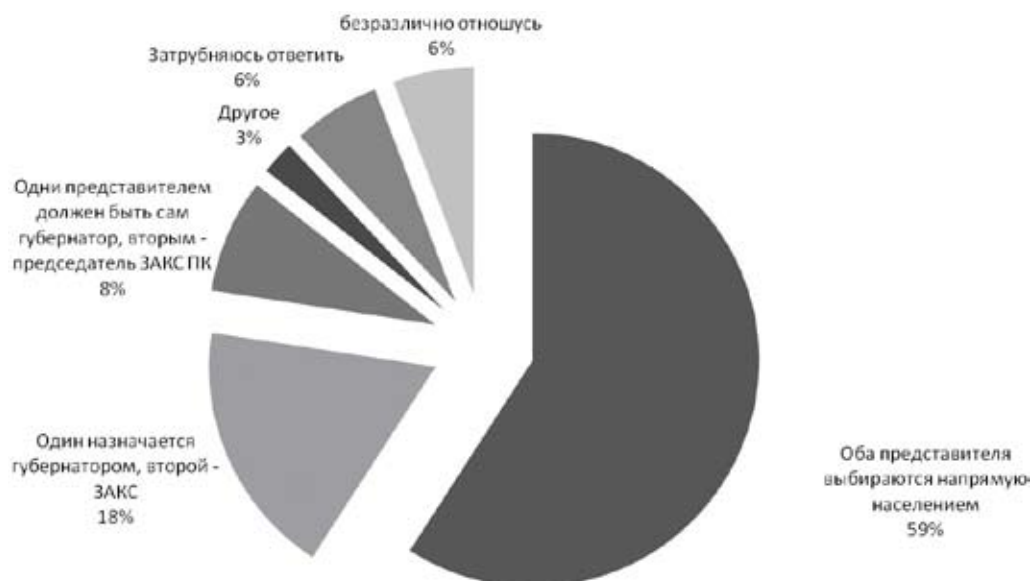
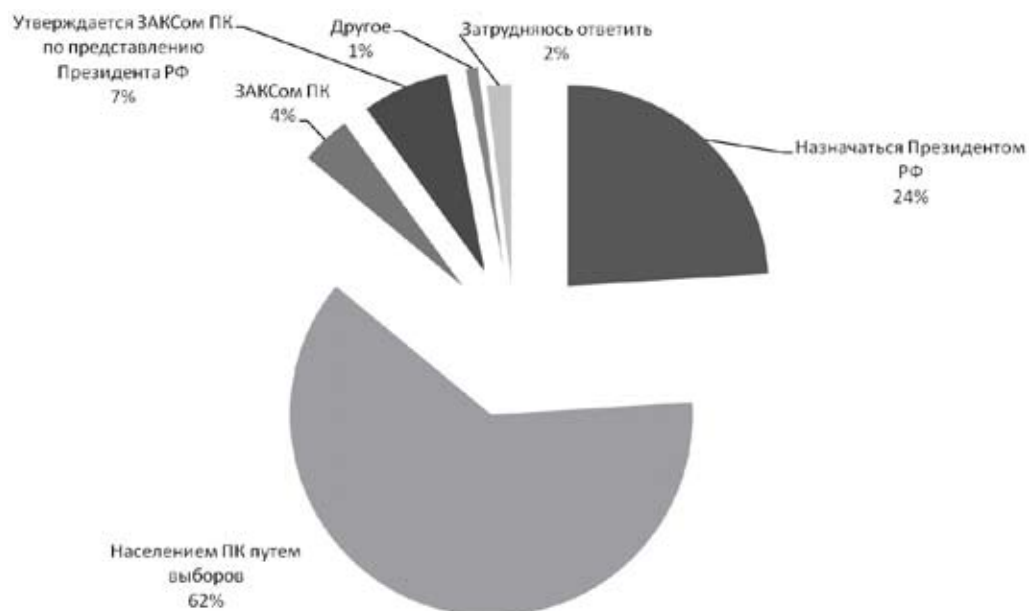
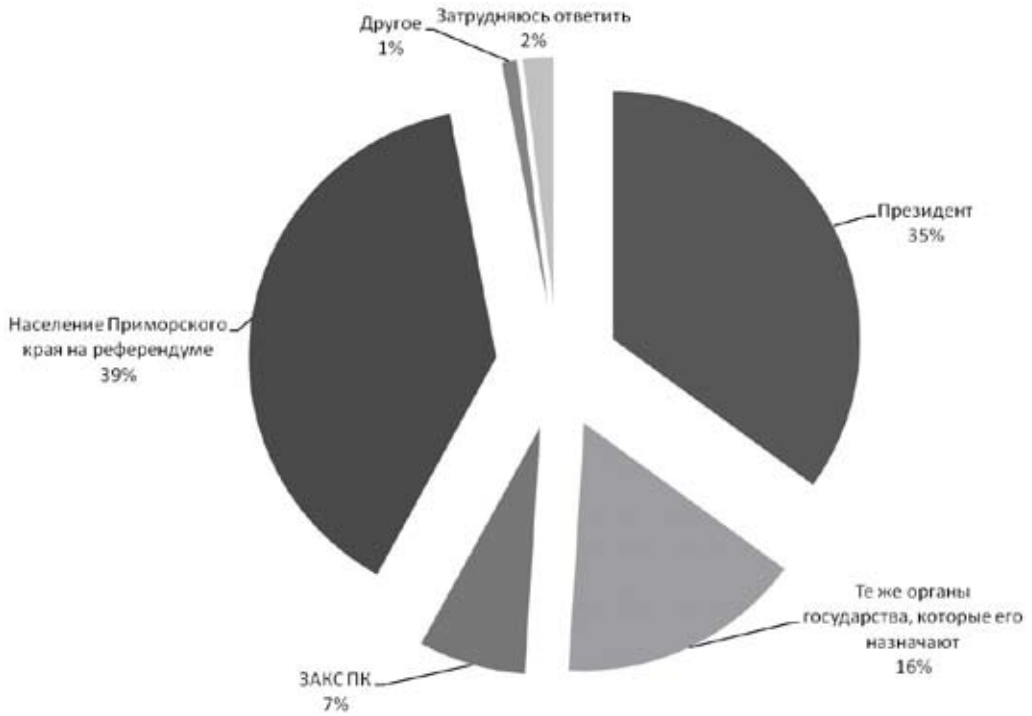

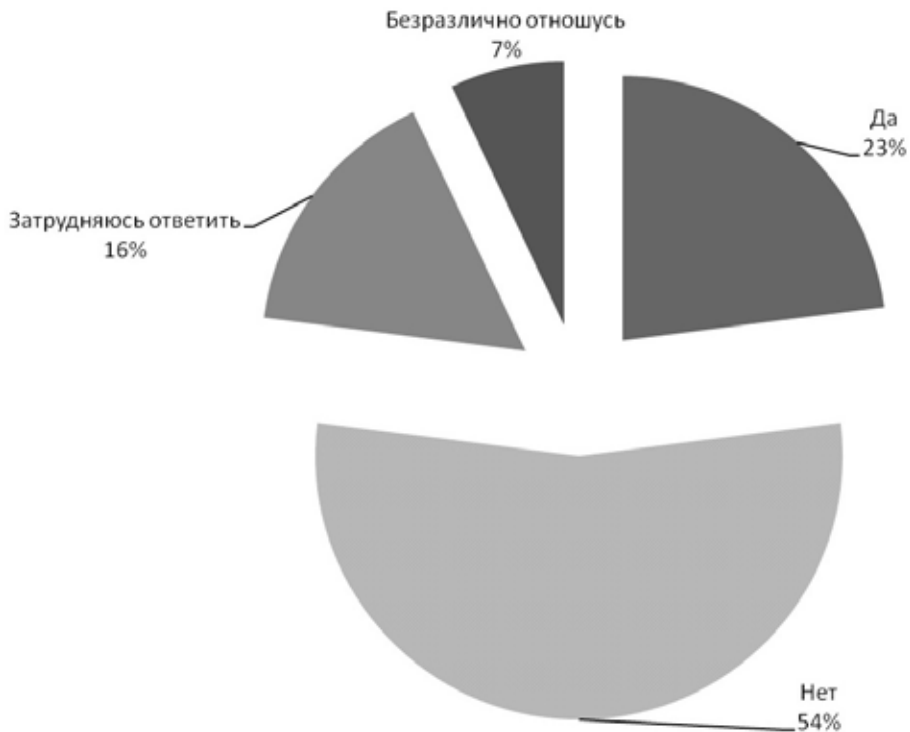
Диаграмма 2. Как должен формироваться Совет Федерации (палата регионов)?

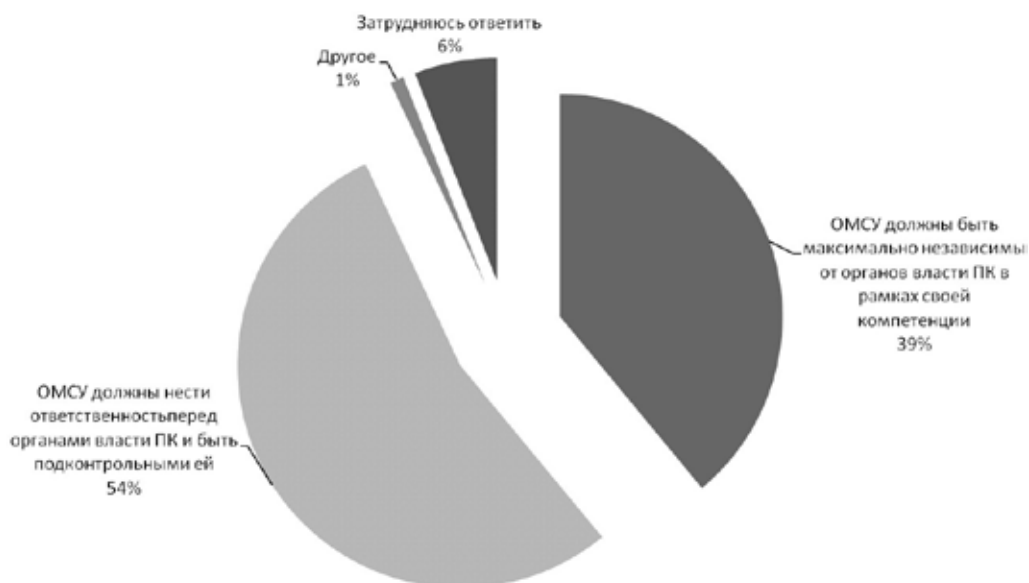
Диagramма 3. Кто должен снимать с должности губернатора ПК?

Диagramма 4. С июля 2009 г., после вступления в силу закона, кандидатуру на пост губернатора Президенту РФ представляет партия, победившая на выборах в ЗАКС ПК. Вы согласны с таким порядком?

Диаграмма 5. Должны ли ОМСУ подчиняться региональным властям (властям ПК) или они должны быть максимально независимы от них?

Диаграмма 7. Высказывается мнение, что Губернатор должен иметь право приостановить действие решений Правительства РФ, в случае если они негативно сказываются на ситуации в Приморском крае. Согласны ли вы с таким мнением?

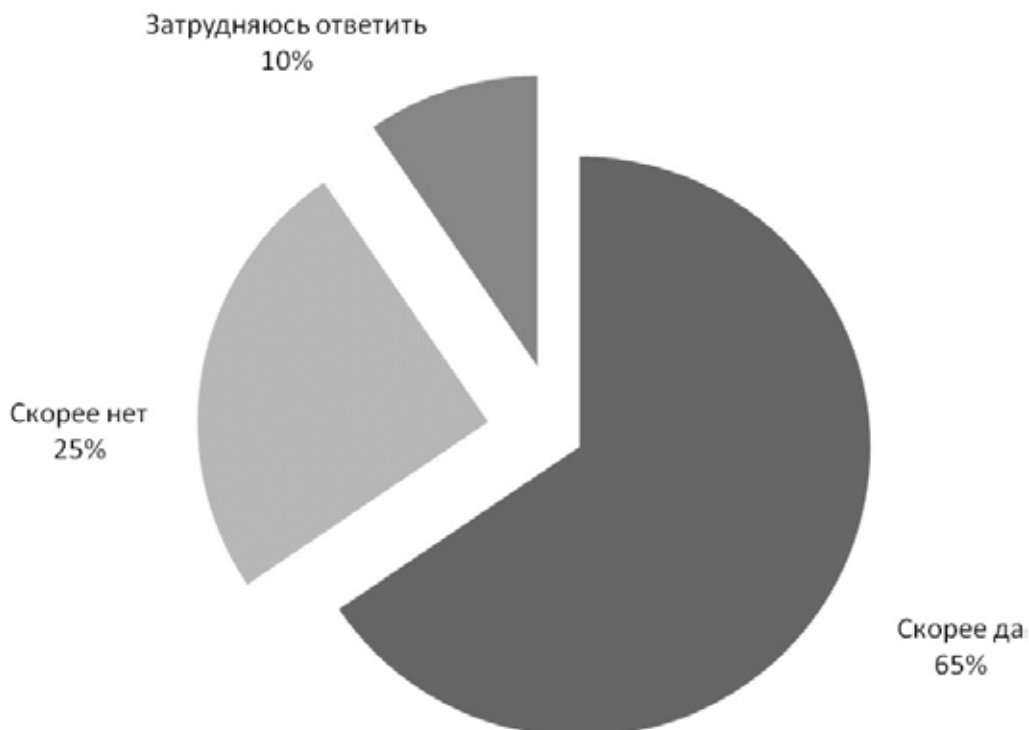

Диаграмма 6. Кто должен нести ответственность за решение вопросов:

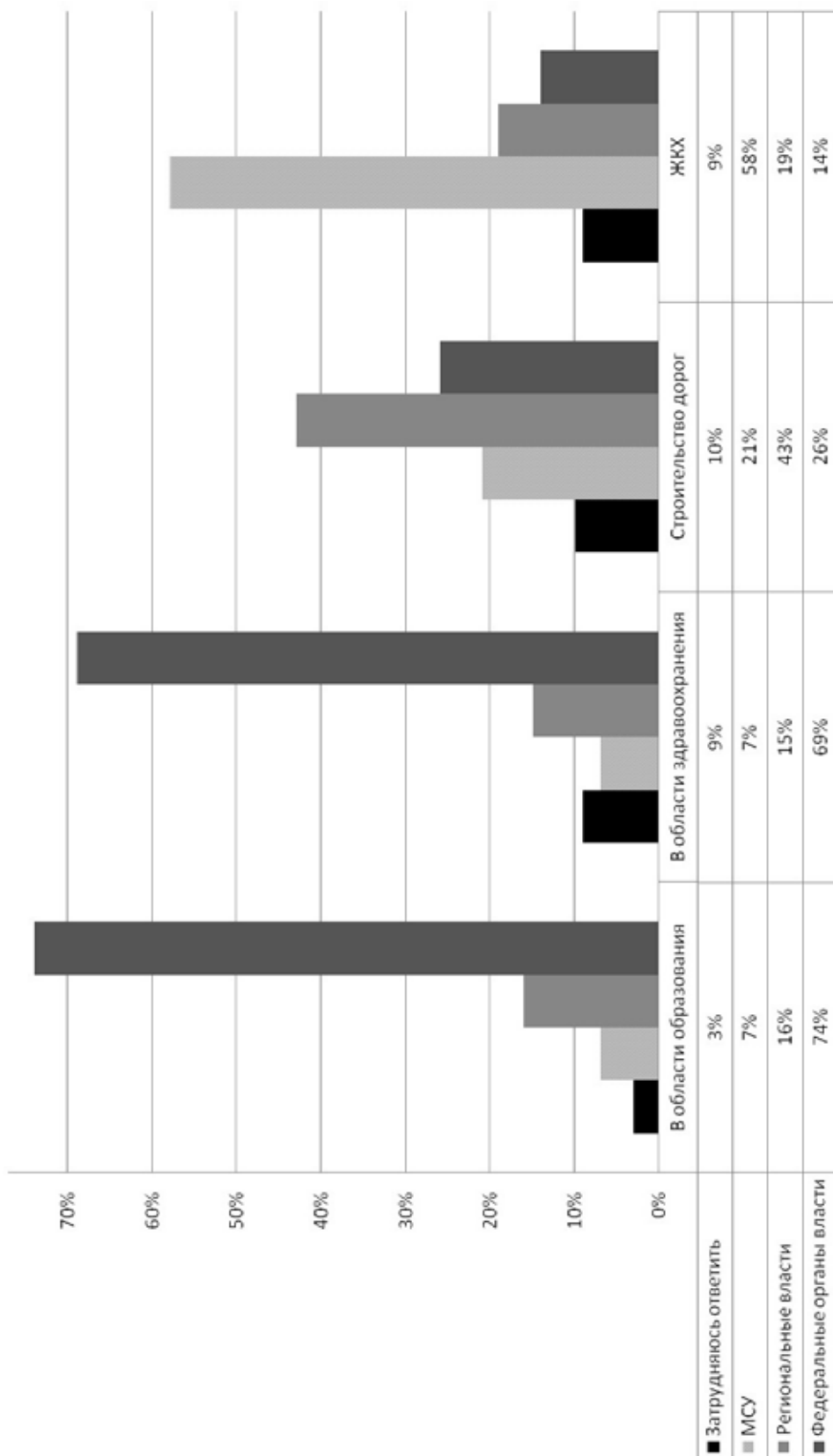

Диаграмма 8. Сколько субъектов существует сейчас в РФ?

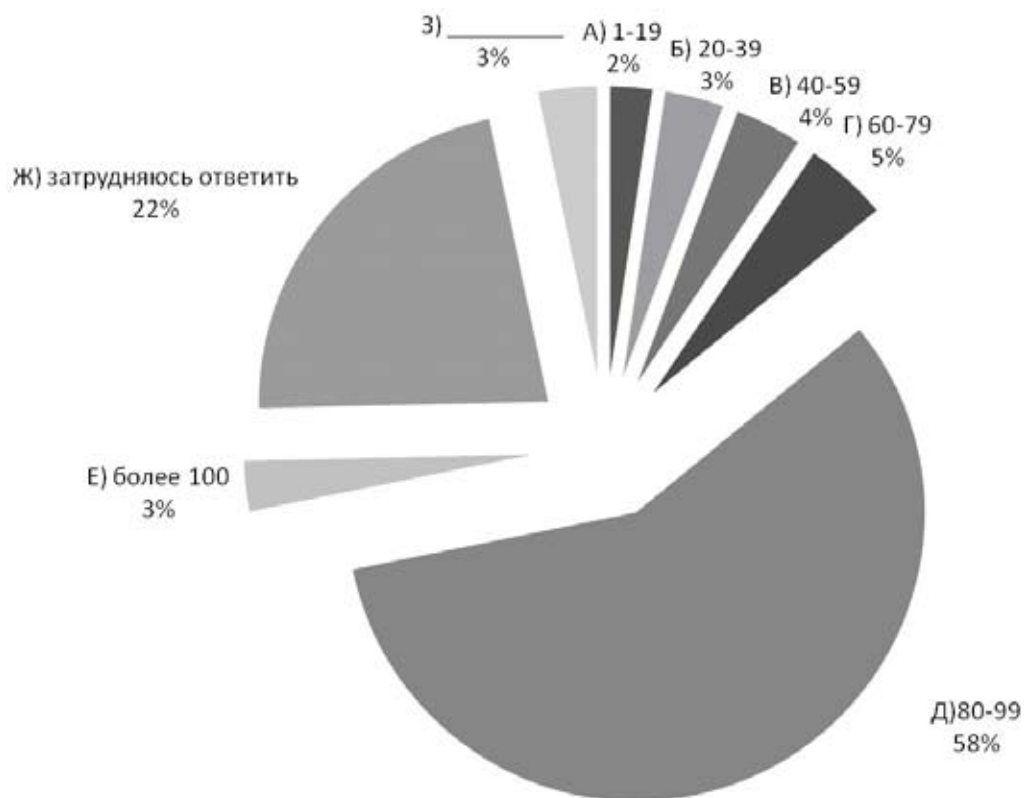
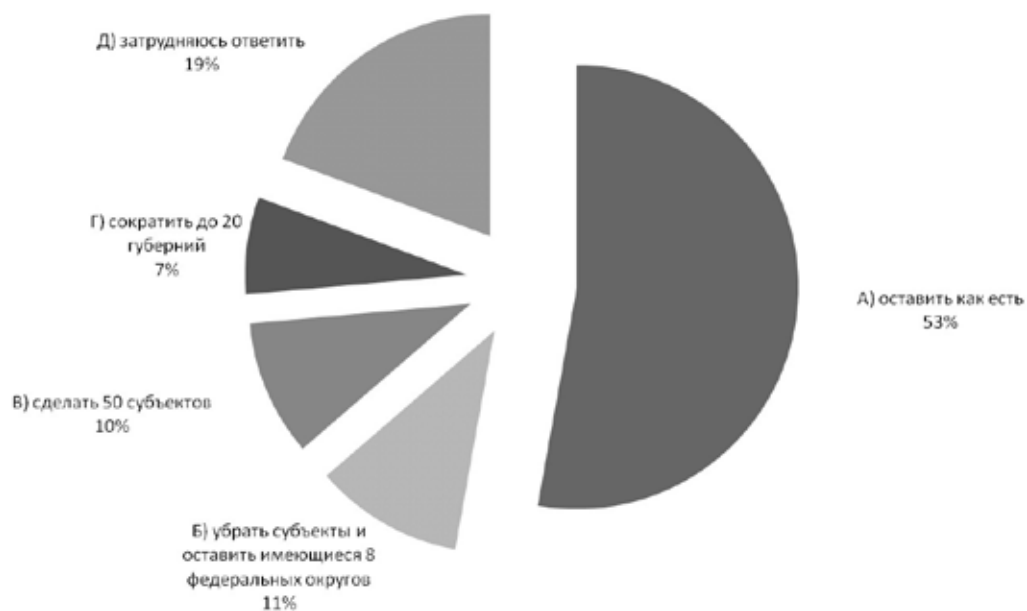
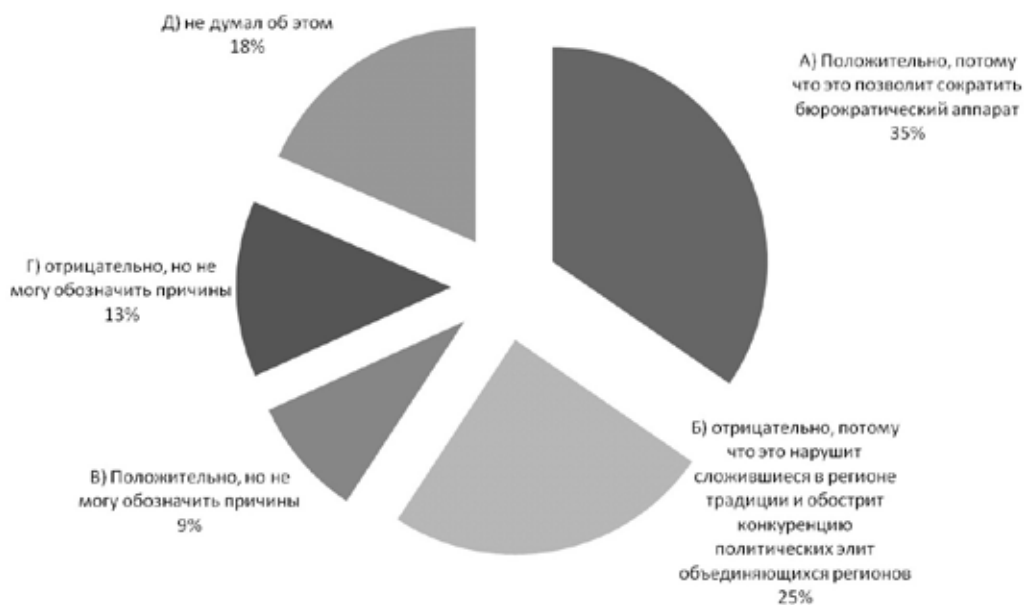

Диаграмма 9. Нужно ли сокращать количество субъектов?

Диаграмма 10. Как вы относитесь к сокращению количества субъектов РФ через их объединение?

Диаграмма 11. Как вы относитесь к объединению Приморского края с Хабаровским?

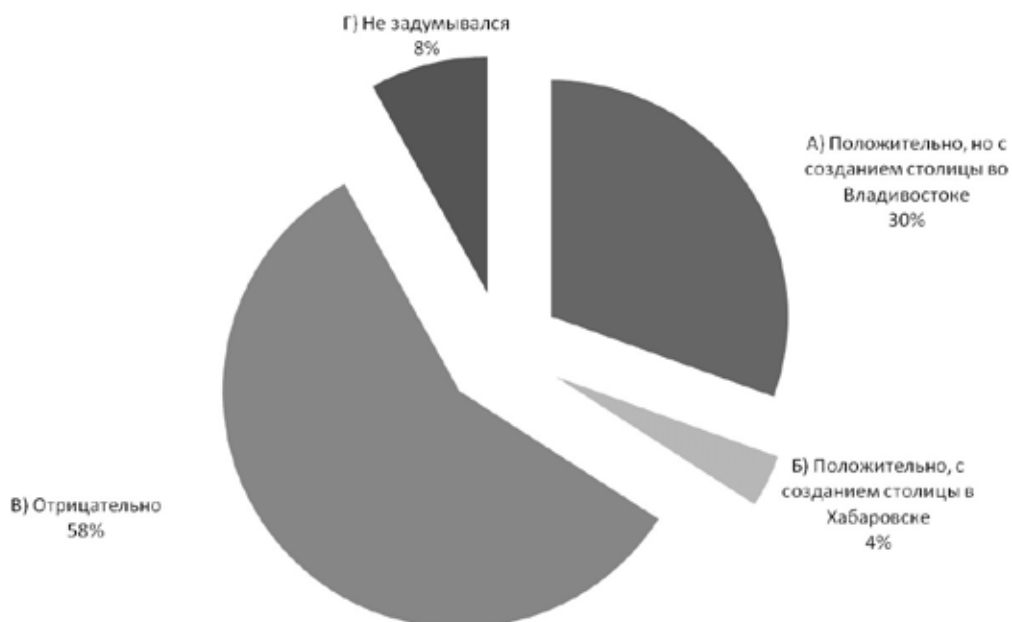

Диаграмма 12. Кто должен решать вопрос о сокращении количества субъектов в РФ?

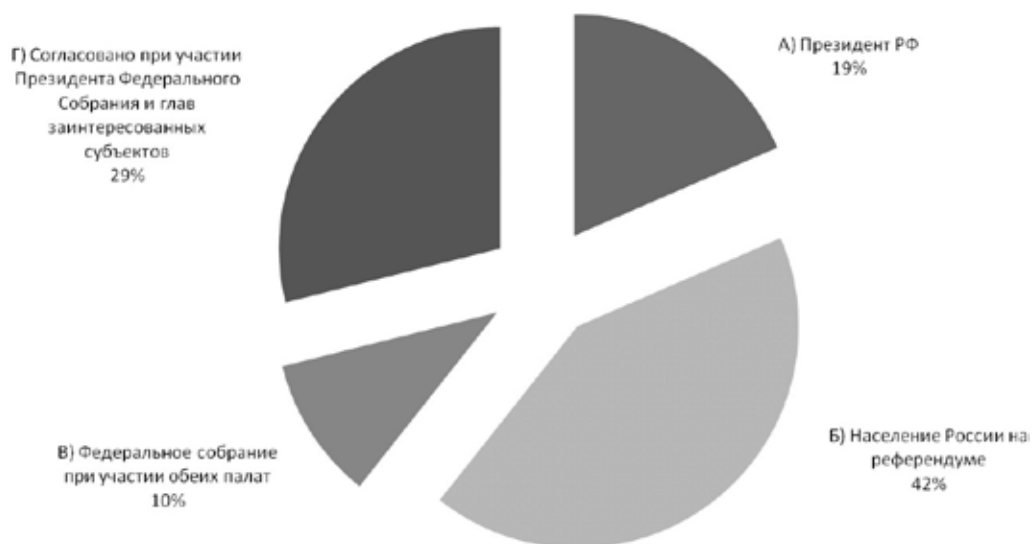

Диаграмма 13. Создание Федеральных округов сказалось положительно на российском федерализме?

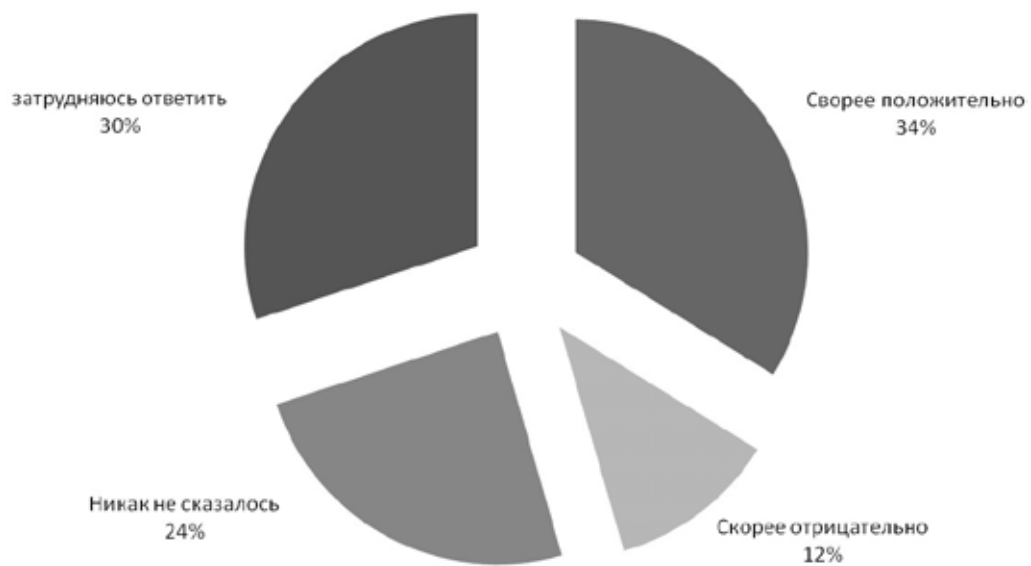

Диаграмма 14. Кто должен финансировать полицию?

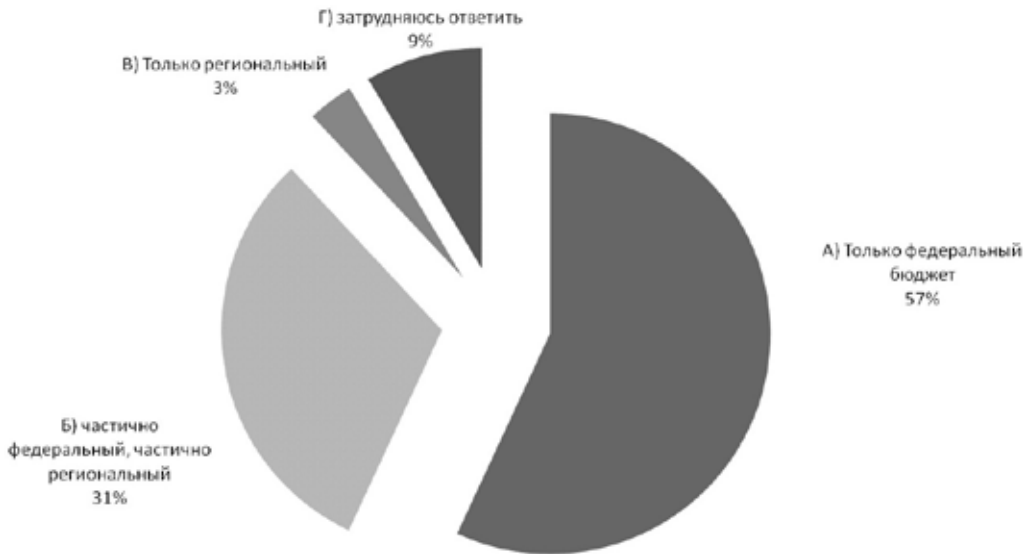

Диаграмма 15. Кто должен назначать начальника регионального УВД?

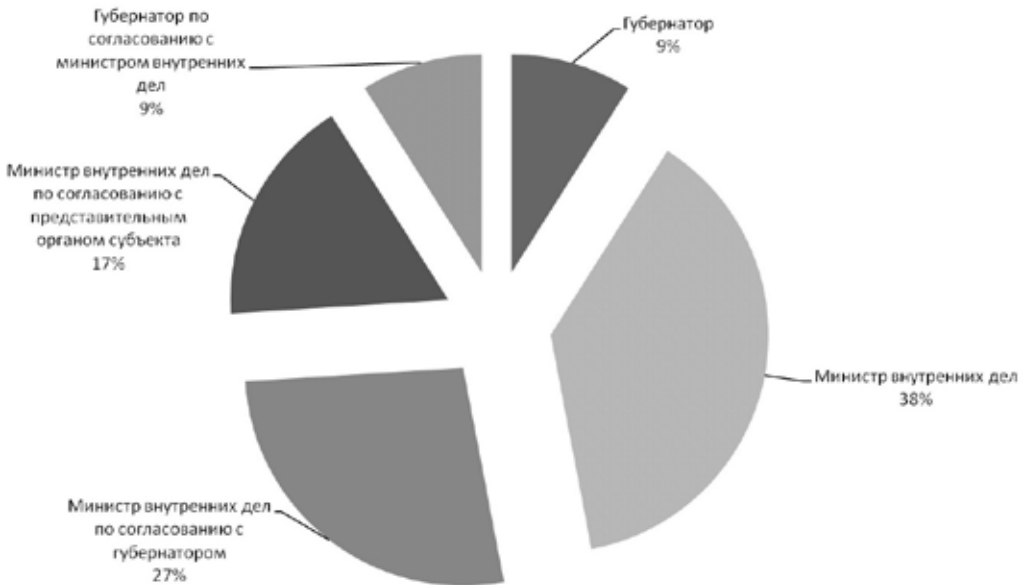

Диаграмма 16. Устраивает ли вас трёхуровневое распределение налогов?

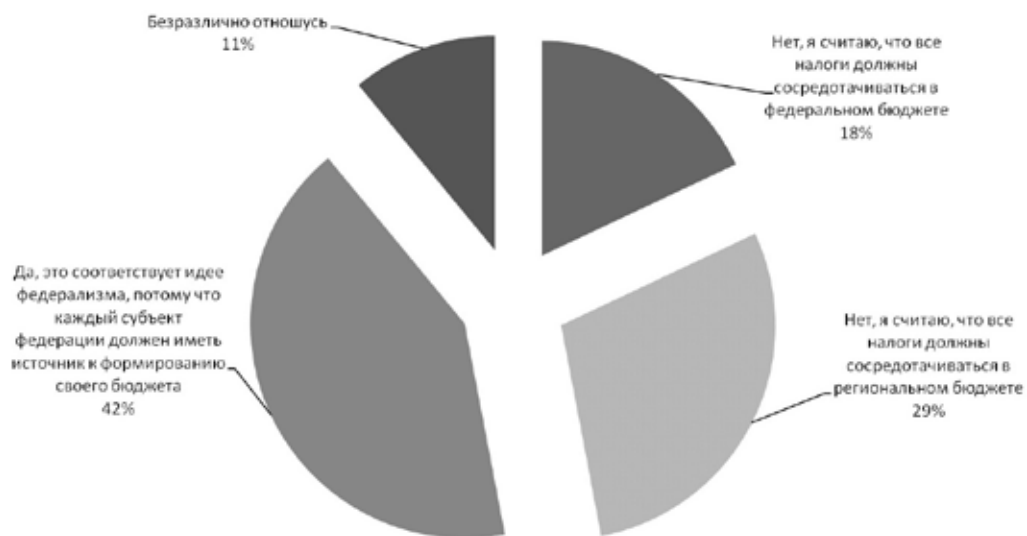

Диаграмма 17. Если в вашем регионе нашли нефть, то кто должен распоряжаться ею?

Диаграмма 18. Как вы думаете, что сейчас важнее для ПК: сотрудничество с сопредельными регионами России или зарубежными государствами, в том числе странами АТР?

Диаграмма 20. Кем вы себя лично ощущаете в первую очередь?

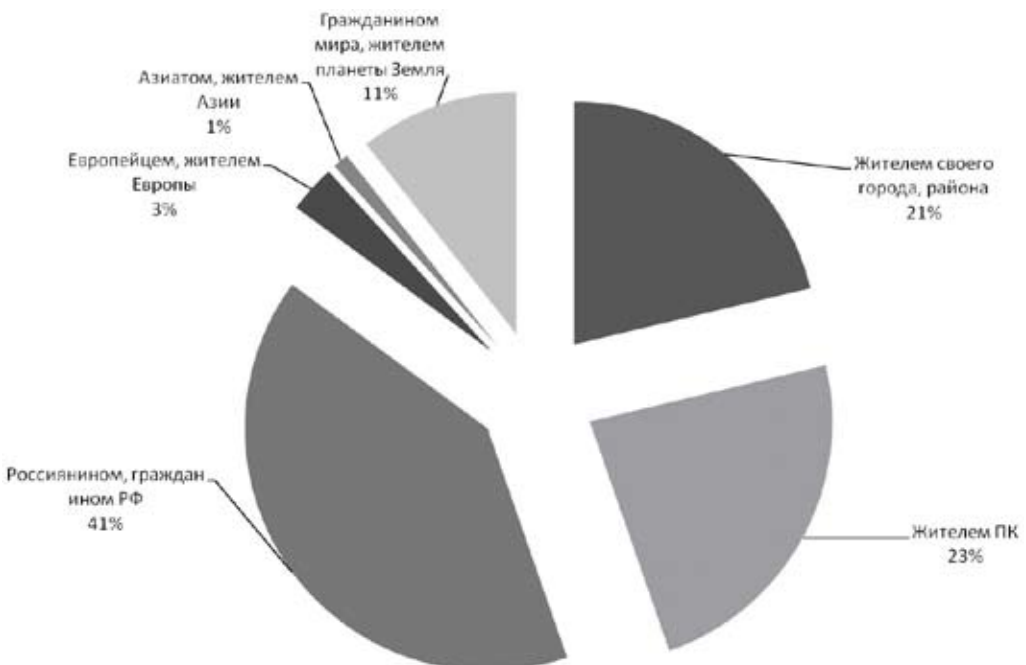
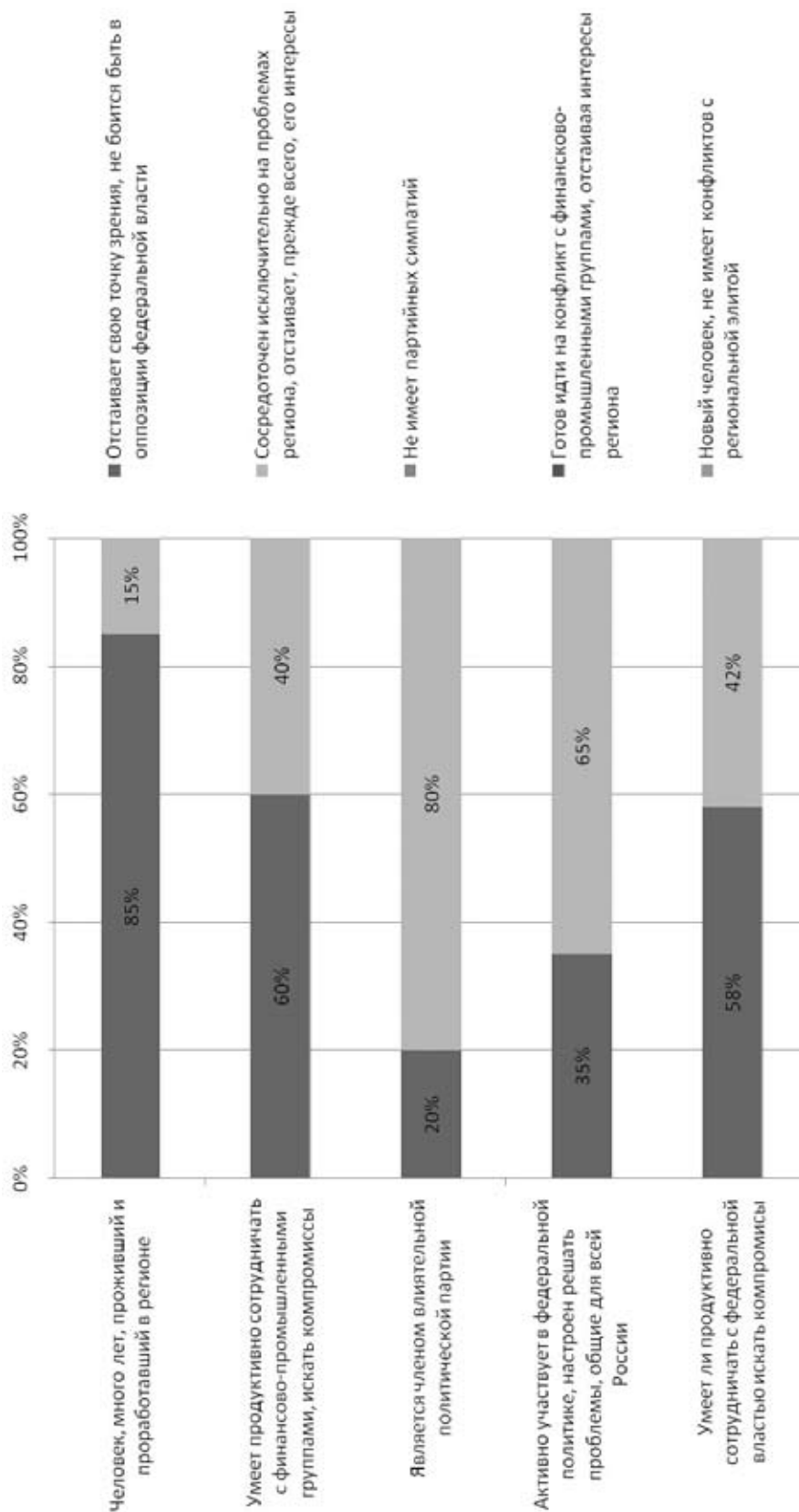
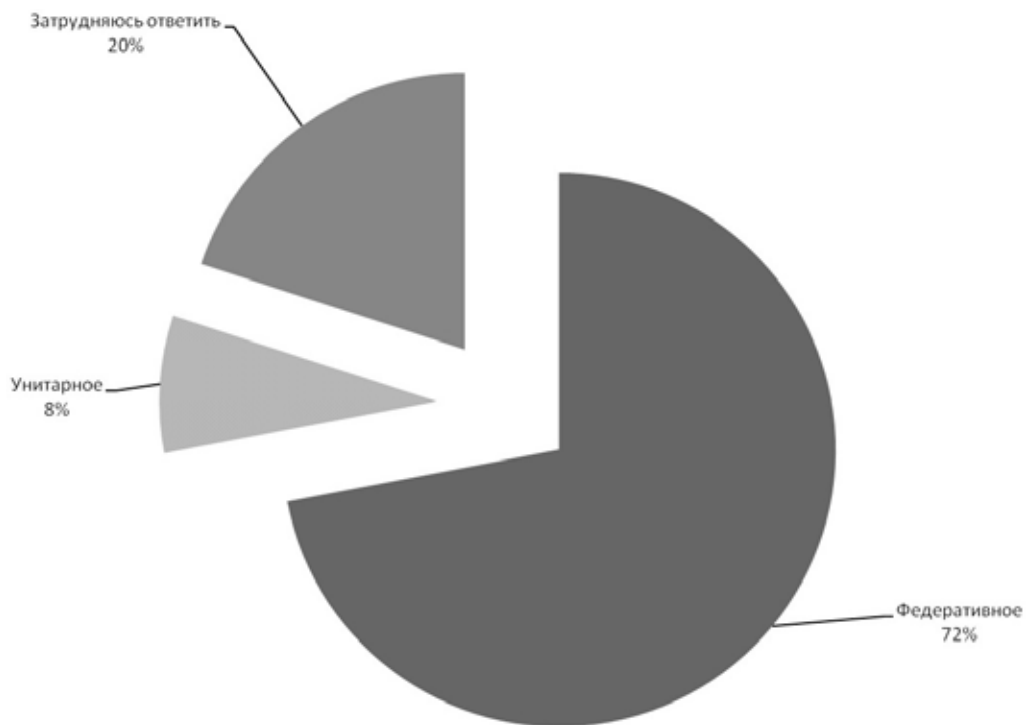

Диаграмма 19. Выберете те качества, которыми должен обладать лидер Приморского края

Диаграмма 21. Как вы считаете, России подходит больше федеральное или унитарное устройство?

УДК 343.4

*Жерновой М.В., Сухаренко А.Н.
Zhernovoy M.V., Sukharenko A.N.*

Транснациональные аспекты незаконного оборота российских культурных ценностей

Transnational illicit trade in Russian art

В настоящей статье проанализированы состояние и причины преступности, связанной с оборотом культурных ценностей, а также предложены меры по борьбе с ней.

Ключевые слова: культурные ценности, преступность, контрабанда, незаконный оборот

The status and causes of crime associated with trafficking in cultural property, as well as proposed measures to combat it are analyzed in the present paper.

Key words: arts, crime, smuggling, illicit trade

Анализ материалов МОУП-Интерпол и УНП ООН свидетельствует о том, что незаконный оборот культурных ценностей остаётся одним из самых прибыльных видов деятельности транснациональных преступных организаций. В настоящее время ежегодный оборот мирового теневого рынка антиквариата оценивается в 4-6 млрд. долл. [11]. По состоянию на 2007 г., в базе данных Генерального секретариата Интерпола насчитывалось 35,5 тыс. похищенных произведений искусства из 118 стран мира (в 2001 г. – 19 тыс.) [2, с. 18].

Однако в действительности объём похищенного гораздо выше. Об этом наглядно свидетельствуют данные лондонской компании «Art Loss Register» (ALR), основанной в 1991 г. в целях документирования похищенных культурных ценностей всех видов. По состоянию на 2009 г., в банке данных ALR содержалась информация о 203,7 тыс. предметов (2004 г. – 139 тыс.). В структуре похищенного более 54% составляли произведения живописи и часы. Основная часть похищенных ценностей приходилась на пять стран: Великобританию, США, Францию, Германию и Италию [12].

В своей резолюции 2008/23 «Защита от незаконного оборота культурных ценностей» Экономический и Социальный Совет ООН настоятельно призвал государства-члены защищать культурные ценности и предотвращать их незаконный оборот, путём принятия соответствующего законодательства, включая, процедуры конфискации, возвращения или реституции культурных ценностей, поощрение образования, проведение информационно-пропагандистских кампаний, составление карт и

ЖЕРНОВОЙ Михаил Васильевич, к.ю.н., начальник филиала ФГУ ВНИИ МВД России по Приморскому краю (г. Владивосток). **E-mail:** primvni@bk.ru
СУХАРЕНКО Александр Николаевич, директор АНО «Центр изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности» (г. Владивосток). **E-mail:** sukharenko@mail.ru

инвентаризацию культурных ценностей, принятие адекватных охранных мер, укрепление потенциала и кадрового состава контролирующих учреждений, а также принимать эффективные меры по предупреждению передачи незаконно приобретённых или незаконно полученных культурных ценностей, особенно через аукционы, в том числе через Интернет, и обеспечивать возвращение или реституцию таких ценностей их законным собственникам [1].

В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., утверждённой Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, культура названа в числе стратегических приоритетов устойчивого развития страны, а главными угрозами национальной безопасности в сфере культуры названы противоправные посягательства на объекты культуры.

Несмотря на заметное снижение числа регистрируемых преступных посягательств на культурные ценности (с 4,7 тыс. в 1993 г. до 1,1 тыс. в 2009 г.)¹ [8], они наносят невосполнимый ущерб культурному достоянию России, поскольку стоимость предметов не всегда отражает их истинную ценность². Утрата культурных ценностей приводит к духовно-обнищанию народа, к девальвации их в общественном сознании, к нигилизму в отношении собственного достоинства, самобытности и национальной сплочённости.

По мнению криминологов, именно снижение духовно-нравственного потенциала общества является одним из основных факторов, способствующих росту преступности и коррупции. Правомерность такого суждения можно проиллюстрировать следующими данными. По состоянию на 2011 г., правоохранительные органы РФ разыскивали около 60 тыс. предметов, имеющих культурно-историческую ценность. Большую часть похищенного составляли иконы, монеты, картины, ордена и медали [4]. Перечисленные предметы представляют собой не только бесценные культурные сокровища, но и являются сильнейшим стимулом для активизации творческой деятельности и развития индивидуального мировоззрения. Таким образом, художественно-эстетическое воспитание средствами культурных ценностей формирует личные взгляды, убеждения и внутреннее стремление к самосовершенствованию.

Основными видами преступных посягательств на культурные ценности, находящиеся на государственном хранении, являются:

- ♦ кражи, совершаемые из экспозиций и с выставок путём прямого доступа;

- ♦ кражи, совершаемые путём проникновения в хранилища, в том числе с использованием специального снаряжения и технических средств;

- ♦ хищения из фондов, совершаемые сотрудниками государственных хранилищ либо преступными группами с их участием³.

Хищению культурных ценностей в значительной мере способствуют следующие факторы: низкая зарплата сотрудников учреждений культуры, текучесть кадров и ослабление исполнительской дисциплины,

¹ При этом ежегодно раскрывается более 40% преступлений данного вида.

² Однако сумма материального ущерба от них составила 72 млн. рублей. Применительно к данной группе преступлений можно говорить о высокой степени естественной латентности, т.е. они остаются за пределами уголовной статистики в связи с тем, что не обнаруживается правоохранительными органами ввиду особенностей механизма их совершения.

³ Комплексная проверка сохранности культурных ценностей, находящихся в фондах музеев РФ, проводилась в течение последних трёх лет после крупной кражи экспонатов из Эрмитажа. С 2007 г. был проверен 1881 музей (97% от общего числа) с общим фондом хранения 73 млн. предметов. В результате была выявлена пропажа 242 тыс. предметов, из них 24,5 тыс. находились в розыске, а 219 тыс. – отсутствовали по неустановленным и недокументированным причинам.

неудовлетворительное состояние их учёта и хранения, ненадлежащая физическая и техническая охрана учреждений культуры¹ и культовых зданий, а также несовершенство действующего законодательства, в частности, отмена лицензирования антикварной деятельности. По оценкам Роскультуры, ежегодный оборот теневого антикварного рынка России составляет около 300 млн. долл. В то же время, по мнению президента Международной конфедерации антикваров и арт-дилеров В. Бычкова, незаконный оборот составляет 80-100 млн. долл. (около 10%) [5].

Как показывает практика, большая часть культурных ценностей похищается с целью последующего вывоза за рубеж. Транснациональный характер хищений предметов историко-культурного наследия народов России обусловлен повышенным спросом на них и несоизмеримо низкими, в сравнении с мировыми, внутренними ценами. По состоянию на 2011 г., по линии Интерпола разыскивалось более 900 культурно-исторических ценностей, похищенных в России. За последний 21 год с помощью НЦБ Интерпола в Россию было возвращено более 250 произведений искусства и антиквариата. Среди них картины известных живописцев, иконы, древние рукописи [3].

Посягательствами на культурные ценности в основном занимаются организованные преступные группы (ОПГ) с обширными межрегиональными и международными связями². Многие из них организованы эмигрантами из бывшего СССР, проживающими за рубежом, но имеющими сообщников в России, которые осуществляют поиск, хищение (скупку) и вывоз ценностей. Для реализации вывозимых ценностей за рубежом ими создана целая сеть специализированных антикварных магазинов. По данным ГУБК ФТС России, за рубежом действует около 70 ОПГ, занимающихся контрабандой культурных ценностей и их последующей перепродажей [10, с. 180].

Наиболее распространёнными способами незаконного вывоза культурных ценностей за рубеж являются: недостоверное декларирование, сокрытие, перемещение с использованием поддельных документов или средств идентификации. Основными направлениями вывоза ценностей являются: Центральная и Западная Европа, Скандинавия и АТР [7].

О масштабах контрабанды свидетельствуют данные ФТС России, согласно которым за последнее десятилетие был предотвращён вывоз около 100 тыс. культурных ценностей. Среди них произведения изобразительного искусства, предметы религиозного культа и декоративно-прикладного искусства, рукописные и старопечатные книги, филателистические материалы, предметы нумизматики, фалеристики и бонистики [6].

В целях осуществления согласованных мер для предупреждения и пресечения случаев хищения культурных ценностей было заключено Соглашение «О сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с хищениями культурных ценностей и обеспечении их возврата» (2007 г.). Данное Соглашение закрепляет соответствующий понятийный аппарат, определяет направления и формы межгосударственного сотрудничества, основания и порядок исполнения запросов об оказании содействия.

За минувшие годы в рамках СНГ накоплена нормативно-правовая база сотрудничества в сфере сохранения культурных ценностей, при

¹ По состоянию на 2009 г., в РФ насчитывалось 9,1% неохраемых музеев, в основном муниципальных.

² В 2008 г. МВД России пресекло деятельность ОПГ, которая вывезла за рубеж 50 контейнеров с культурными ценностями. По делу проходят гражданин США и две россиянки, одна из них – эксперт Минкультуры РФ, которая выдавала подложные разрешения на вывоз ценностей.

разработке которой использовались универсальные и региональные документы. К ним можно отнести:

♦ Соглашение от 14 февраля 1992 г. «О возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения». К наиболее важным положениям Соглашения можно отнести достигнутую договорённость об учреждении Межправительственной комиссии для создания механизма и практической работы по возвращению культурных и исторических ценностей, определения категорий культурных и исторических ценностей, подлежащих возврату, предоставления доступа экспертам национальных комиссий для ознакомления с фондами государственных музеев и архивов;

♦ Соглашение от 15 апреля 1994 г. «О сотрудничестве таможенных служб по вопросам задержания и возврата незаконно вывозимых и ввозимых культурных ценностей». Данное Соглашение закрепляет механизмы обмена образцами бланков разрешительных документов и оттисков печатей культурных ценностей, находящихся в легальном обороте, другой интересующей информацией, а также возврата незаконно перемещаемых культурных ценностей;

♦ Положение о порядке возврата незаконно вывозимых и ввозимых культурных ценностей, утверждённое решением Совета Глав Правительств СНГ от 9 октября 1997 г. В приложении к Положению дан примерный перечень категорий культурных ценностей;

♦ Соглашение «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 28 сентября 2001 г., конкретизирующее вышеперечисленные документы.

В декабре 2011 г. Уголовный кодекс РФ был дополнен ст. 226¹, предусматривающей ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза (ТС) в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу РФ с государствами-членами ТС культурных ценностей. Данное деяние наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет со штрафом в размере до 1 млн. рублей. Совершение указанного преступления в составе организованной группы называется гораздо строже: от 7 до 12 лет со штрафом в размере до 1 млн. рублей.

Осознавая серьёзность рассматриваемой проблемы, МВД России активно сотрудничает с Интерполом, Европолом, Всемирной таможенной организацией (ВТО), Международным советом музеев (ИКОМ), а также с иностранными правоохранительными службами.

Тесное взаимодействие с другими заинтересованными ведомствами (МИД, Минкультуры, ФСБ и ФТС России) позволяет выявлять каналы незаконного вывоза культурных ценностей за рубеж, осуществлять их розыск, идентификацию и возвращение владельцам. Действенность такого взаимодействия можно проиллюстрировать данными Росохранкультуры, согласно которым только за 2004-2007 гг. в Россию было возвращено 1079 произведений искусства и архивных документов на общую сумму в 400 млн. рублей [9].

Несмотря на указанные позитивные тенденции, остаётся нерешённым целый ряд организационно-правовых проблем, затрудняющих деятельность государственных органов в данной сфере. Учитывая важность проблемы сохранения историко-культурного наследия народов России, представляется необходимым:

♦ ускорить ратификацию Конвенции ЮНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям (1995 г.);

♦ усовершенствовать законодательство, регулирующие отношения в сфере охраны культурного наследия, устранив существующие проблемы;

♦ принять необходимые меры по финансовому, нормативно-правовому, организационному и кадровому обеспечению хранения и ис-

пользования культурных ценностей, входящих в состав Музейного фонда РФ;

- ◆ упорядочить торговлю предметами антиквариата;
- ◆ активизировать сбор и систематизацию информации о пропавших, утраченных или похищенных культурных ценностях, мониторинг рынка предметов старины и искусства (антиквариата), оповещение госорганов и общественности в России и за её пределами о фактах утраты и хищения культурных ценностей, а также работу по их возвращению собственникам;
- ◆ обеспечить финансирование эксплуатации Электронной регистрационно-поисковой автоматизированной системы (ЭРПАС) для эффективного поиска и возвращения культурных ценностей, предусмотренной Приказом Минкультуры России от 3 декабря 2004 г. № 108 «О мерах по предотвращению незаконных вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности»;
- ◆ обеспечить повышение квалификации и профессиональную переподготовку сотрудников соответствующих подразделений правоохранительных органов;
- ◆ расширять и укреплять международно-правовое сотрудничество в данной сфере.

Литература

1. Доклад Генерального секретаря ООН «Защита от незаконного оборота культурных ценностей». Вена, 17-21 мая 2010 г.
2. Информационный бюллетень НЦБ Интерпола при МВД России. 2008. № 2.
3. Интервью начальника НЦБ Интерпола при МВД России А. Прокопчука. // ИТАР-ТАСС. 2012. 14 февраля.
4. Интервью статс-секретаря МВД России С. Булавина. // РИА «Новости». 2011. 29 декабря.
5. Материалы «круглого стола» на тему: «Российский антикварный рынок: культура, экономика и право». М., 2007.
6. Пресс-релиз ФТС России «Российской таможне – 15 лет». 2006. 24 октября.
7. Русанов Г. Борьба с контрабандой культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические вопросы. М., 2010.
8. Статистика ГИАЦ МВД России за 2009 г.
9. Статистика Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия. // URL: <http://www.rsos.ru/news/rsoc/news535.htm?print=1> [Дата обращения: 2 декабря 2010 г.]
10. Фомичев С. Контрабанда культурных ценностей: Дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2005.
11. Skene C. Art theft ranked as fourth-largest criminal enterprise // Montreal Gazette. 2007. 1 September.
12. The Art Loss Register. // URL: <http://www.artloss.com>. [Дата обращения: 2 декабря 2010 г.]

Фостер Л.А.
Foster L.A.

Книга-справочник о русских организациях в Америке¹

Book Directory of Russian Organizations in America

Статья представляет собой рецензию на книгу президента Центра «Наследие» (Нью-Йорк), к.ф.н., доцента МГУ Зацепиной О.С. и директора Центра образования и культуры «Гринт» (Москва), д.и.н. Ручкина А.Б. Впервые в истории изучения русской эмиграции в США рассмотрены формы и методы работы многоуровневой системы российских общественных организаций, созданных в Америке в XX – начале XXI веков представителями всех миграционных волн.

Ключевые слова: США, русская эмиграция, организации русских эмигрантов, рецензия

The article is a review of the book, the president of the Center «Heritage» (New York) Ph.D., assistant professor of Moscow State University Zatsepina O.S. and Director, Center for Education and Culture, «Grin» (Moscow), Dr Ruchkin, A.B. For the first time in the history of the study of Russian emigrants in the United States examined the forms and methods of multi-level Russian civil society organizations, created in America in the XX – early XXI centuries, representatives of all the waves of migration.

Key words: United States, Russian emigration, organization of Russian immigrants, a review

---

В феврале 2011 г. в Нью-Йорке в издании Русско-Американского Культурного Центра «Наследие» тиражом в одну тыс. экз. вышла книга «Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв.». Её открывают обращения к читателям министра иностранных дел РФ С. Лаврова, посла РФ в США С. Кисляка и Архиепископа РПЦ Юстиниана.

Книга основана, главным образом, на первоисточниках: документах и архивах российских дипломатических представительств в США, Фонда Русский мир, ряде справочников с более-менее узкой тематикой, как например «Справочник американских организаций, созданных эмигрантами из СССР» (1952 г.), а также современных изданий, как на-

ФОСТЕР Людмила Александровна, Ph.D. Гарвардского университета, бывший председатель Вашингтонского представительства Конгресса русских американцев (*г. Вашингтон, США*)

¹ Russians in the USA Organizations of Russian Emigration in XX-XXI Centuries Co-authored by Dr. Alexander B. Ruchkin and Dr. Olga S. Zatsepina with Editing by Nellya K. Murnova Published by RACH-C Press, New York City, USA with the support of the Russian Government Committee on Compatriots Abroad. 2011. 238 p (Зацепина О.С., Ручкин А.Б., «Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX – XXI вв.». Нью-Йорк, 2011. 238 с., ил.)

пример «Русскоязычное сообщество Северной Америки: культура и просвещение» (AARCE). Кроме того, существующим ныне организациям были разосланы опросники, а с членами их – по возможности – проводились интервью. (Список использованной литературы и список организаций приводятся в конце книги). По полученным сведениям авторами делались выводы. Так что, простой компиляцией материалов книгу назвать никак нельзя.

Насколько мне известно, такого многопланового исследования русских эмигрантских организаций ранее не было. Прекрасный биографический словарь «Русские в Северной Америке», составленный проф. Е.А. Александровым и вышедший в 2005 г. в СПб, приводит сведения о жизни и деятельности русских людей в США и Канаде, начиная с VIII в. Моя «Библиография русской зарубежной литературы, 1918-1968 гг.» (в двух томах) ограничивается лишь беллетристикой и воспоминаниями. Были и более поздние библиографические издания, некоторые с аннотациями. Были также воспоминания или описания отдельных организаций, например воспоминания Марка Вишняка о «Новом журнале». В 2006 г. в Москве вышел прекрасный фотоальбом Татьяны Таболиной, д.и.н., сотрудника Российской академии наук «Святыни русского Зарубежья в США» (254 с.) Однако он ограничен церковным наследием и организациями, связанными с церковью. Столь подробной работы, как данная книга о целом ряде организаций и СМИ ещё не было. И это делает книгу уникальной и особенно ценной.

Текст книги организован по хронологическому принципу, начиная с дореволюционных организаций, созданных «первой волной» в послереволюционные годы и во время Второй мировой войны; организаций послевоенной «второй волны»; массовой эмиграцией 1970–1980-х гг. и, наконец, уже постсоветской эмиграцией, т.н. «четвёртой волной». (Авторы, правда, считают дореволюционную эмиграцию волной «первой», что делает волну 1990 – 2000-х гг. «пятой»). Они также отмечают, что между первыми двумя и двумя новейшими волнами не состоялось значительного слияния).

Несомненно, в работу такого масштаба зачастую вкрадываются пропуски, ошибочные заключения или пристрастия в ответах опрошенных. Поэтому авторы собираются подготовить второе издание книги. Добавлю, что для меня лично чтение книги невероятно затруднялось её вёрсткой – переворачиваешь страницу, а книга закрывается и приходится корешок чуть ли не рвать! Но это уже не проблема авторов.

****

Первую, основную, часть книги открывает исторический обзор русской диаспоры в США в XX в. Обозначенный «кратким», он, тем не менее, весьма информативный. Авторы считают, что США стали после Второй мировой войны ведущим центром российской диаспоры, хотя из почти трёх миллионов выходцев из России сегодня по-русски говорят в семьях не более 700 тыс. человек. А это, на их взгляд, является результатом более распространённой адаптации второго поколения всех волн в американское общество.

Первая часть посвящена организациям, созданным или продолжавшим свою работу в период между двумя войнами и действующими и поныне. Этот список открывает история Православной Церкви (всех трёх юрисдикций), начиная с времён освоения Аляски по планам Петра Первого и вплоть до частичного слияния Церкви Зарубежной с Московским Патриархатом в 2007 г. Особо подчёркивается роль Церкви в благотворительной и просветительской деятельности, а также её роль в

объединении эмигрантов (различные светские организации, церковно-приходские школы, хоры, скауты и др). На мой взгляд, начать с истории Православной Церкви вполне правильный и оправданный подход, т.к. многие десятилетия Церковь объединяла разные социальные слои.

Далее следует около-церковная организация, «Свято-Серафимовский Фонд», основанный священником Александром Киселёвым ещё в Германии с целью помочь русским с переездом в другие страны. Фонд начал свою деятельность в США в 1950 г.

****

Основная часть книги посвящена светским организациям, начиная с объединений для взаимопомощи среди трудовой миграции ещё до революции. А когда в США было допущено ограниченное количество послереволюционных беженцев, они также начали создавать различные организации взаимопомощи, хотя, как подчёркивают авторы, слияния этих двух групп не произошло.

Членство, цели и местонахождения этих, новых тогда, организаций весьма разнообразны. Однако общим знаменателем являлось полное неприятие советской власти и коммунизма, а также благотворительная работа. Своего рода «хронологическим Рубиконом» стал распад СССР, после чего деятельность русских организаций в Америке, преимущественно благотворительная, началась в Российской Федерации.

Перечислим некоторые русские организации в США, характеристика которых дана в книге. Фарма РОВА была основана путём объединения нескольких обществ взаимопомощи в 1926 г. Позже, в загородной местности Нью-Йорка было создано место летнего отдыха для детей и взрослых. Объединение кадет первоначально было создано в Югославии в 1922 г., а после войны переехало в США. Русское дворянское собрание в Америке появилось в конце 1930-х гг. с целью сохранить для новых поколений традиции российского дворянства и передать потомкам русское историческое и культурное наследие. После 1991 г. члены Общества, либо их дети, начали работать в России: пересылать семейные архивы, сотрудничать в серии фильмов «Русские без России». Члены Собрания способствовали в перезахоронении останков ген. А. Деникина и философа И. Ильина, установили Стипендиальный Фонд для помощи студентам в РФ, по сей день оказывают помощь детским приютам в РФ. Собрание также помогает различным организациям в Америке: скаутскому лагерю или Дому для престарелых в штате Нью-Йорк, Музею казаков, Свято-Троицкой семинарии.

Организация русских скаутов за рубежом была первоначально создана в Константинополе уже в 1920 г. В 1923 г. в Москве состоялся последний скаутский съезд (добавлю от себя, что большинство скаутов и скаутмастеры были тогда же сосланы на Соловки). Американское отделение открылось в 1924 г. После распада СССР скауты участвовали в возрождении скаутизма в России.

Среди иных старейших русских организаций в США является Общество помощи русским детям, основанное в 1926 г. в Нью-Йорке. Толстовский Фонд, созданный Александрой Львовной Толстой в 1939 г. в Нью-Йорке и занимавшийся вначале помощью послереволюционным беженцам, и не только в Америке. После Второй мировой войны Фонд развернул широкомасштабное содействие переезду русских «ди пи» из Германии и из других стран Европы. Музей русской культуры в Сан-Франциско был открыт после Войны, в 1949 г., «когда архивы, созданные русской эмиграцией в Европе и на Дальнем Востоке, по разным причинам прекратили своё существование» – пишут авторы книги. Основате-

ли боялись, что эти хранилища могут повторить судьбу Пражского Архива, вывезенного в СССР после окончания войны. Устав предусматривал, что бесценные материалы и документы могут вернуться в Россию только после падения коммунистической власти. В 2004 г. более 650 коробок были переданы в ГАРФ в Москве.

Вот – только некоторые из старейших организаций русских в Америке. Каждой посвящено обстоятельное описание их возникновения и работы, основанное на различных источниках: материалах и публикациях, архивах, интервью с нынешними членами, личных посещениях. Авторы книги дают каждой организации беспристрастную оценку.

Общим знаменателем всех этих организаций, почти без исключения, является благотворительная деятельность, сначала в США, а с 1991 г. и на Родине. Ввиду того, что ни одна из этих организаций не получала помощи, или даже моральной поддержки, от американского правительства, помощь соотечественникам основывалась на сборах средств, дотациях частных лиц, благотворительных мероприятиях.

*****

Следует упомянуть и о главе, посвящённой русскоязычным СМИ в Америке. В дореволюционные годы издавался ряд газет с информацией, представляющей интерес для рабочих мигрантов из Российской Империи. В середине 1920-х гг. в США выходило 26 газет, а к концу 1930-х гг. их осталось лишь четыре. Сообщается вкратце также и о церковных изданиях. В 1910 г. в Нью-Йорке вышел первый номер газеты «Русское слово». К началу Первой мировой войны «Русское слово» стало первой русской ежедневной газетой в Америке – пишут авторы книги. Однако после революции 1917 г. в России эта газета стала терять влияние и подписчиков из-за своего неприятия советской власти. Поэтому в 1922 г. её владелец Виктор Шимкин, и главный редактор Марк Вейнбаум создали новую корпорацию, переименовав газету в «Новое русское слово» (НРС), с чётко выраженной антикоммунистической направленностью. С середины 1970-х гг. редактором стал Андрей Седых, известный во Франции журналист, эмигрировавший в Америку во время войны. В 1988 г. главным редактором и владельцем газеты являлся Валерий Вайнберг, проработавший там более полувека. В течение многих десятилетий НРС было основным органом русской эмиграции в Америке. И только 10 апреля 2009 г. газета была вынуждена закрыться. (По-моему, это произошло из-за конкуренции с огромным количеством газет, появившихся в Америке в связи с новыми волнами эмиграции. Однако авторы книги об этом не говорят).

Самый долговечный «толстый журнал» русского Зарубежья, нью-йоркский «Новый журнал», был основан в 1942 г. бежавшими от нацистской оккупации Парижа писателями Марком Алдановым и Михаилом Цетлиным. Они оба участвовали в «Современных записках» до их закрытия оккупантами в 1940 г. и на американской земле продолжили высокие традиции этого издания. В 1940-е гг. в «Новом журнале» печатались очень многие известные русские писатели, поэты, публицисты, философы. Журнал выходит по сей день и объединяет авторов не только всех волн эмиграции, но с 1990-х гг. также и авторов из России.

В 1921 г. в Сан-Франциско начала выходить ежедневная газета «Русская жизнь». История этой газеты, выходящей по сей день, приводится в книге эссе члена её редколлегии Андрея Забегалина. С самого начала газета уделяет много внимания событиям в Сан-Франциско и т.н. «китайской эмиграции».

В Нью-Йорке в 1987 г. начал выходить литературный журнал «Слово», у истоков издания которого стояли Иосиф Бродский и Сергей Довлатов. Журнал был двуязычный. Главным редактором все эти годы является Ларисса Шенкер, архитектор по образованию. В нём печатаются, кроме известных литераторов, также авторы из ряда иных профессий, из разных стран российского Рассеяния, а также из России. Авторы дают высокую оценку как журналу, так и профессиональному уровню работы г-жи Шенкер.

Следует сказать, что авторы книги весьма положительно отзываются обо всех этих изданиях. Добавлю от себя, что за многие годы знакомства и собственного участия как в НРС, так и в «Новом журнале» мне было отраднo видеть близкое сотрудничество в них этнических русских и российских евреев, объединённых неприятием советской власти и стремлением сохранить русскую культуру.

****

В четвёртой части книги приведён целый ряд кратких сообщений об организациях двух новейших волн российской иммиграции. Сведения довольно сжатые, поскольку все они ещё новые и не успели полностью себя реализовать. Так что, на мой взгляд, такая краткость сообщений вполне оправдана. Большинство из этих организаций занимаются сохранением русской культуры в Америке, зачастую получая гранты или субсидии из России или даже от американских властей. Лишь некоторые из них занимаются благотворительностью, особенно в России.

В конце книги помещён список организаций и небольшая фотогалерея (20 с.).

****

Что же касается книги в целом, то у меня есть несколько замечаний и пожеланий для возможного второго издания

♦ В США не было «фильтрационных лагерей» для русских эмигрантов (с. 148).

♦ Г-жа К. Воеводская уже много лет не состоит исполнительным директором Толстовского фонда (с. 144).

♦ Автор эссе об истории газеты «Русская жизнь» Андрей Забегалин является членом редколлегии, а не её главным редактором (с. 213).

♦ Ветераны Советской армии не были вынуждены эмигрировать после распада СССР. Очень многие приехали с третьей волной, начиная с 1970-х гг., по закону Джексона-Вэника (с. 234).

♦ В книге не упомянут Народно-трудовой союз (НТС), занимавшийся с 1930-х гг. в США антикоммунистической деятельностью.

♦ Конгресс русских американцев никогда не имел поддержки от властей США, за исключением гранта «Морской мост» для отправки контейнеров помощи в РФ (с. 254).

♦ Ежегодные «Форумы России» Эдуарда Лозанского в Вашингтоне не являются «слушаниями» в Конгрессе США, это – конференции со многими докладчиками на разные темы, связанные с Россией и США (с. 232).

♦ Описывая историю русских организаций в США, авторы высказывают мнение, что отношения между двумя странами в прошлом не были особенно дружественными (с. 18 и далее). Позволю себе с этим не согласиться. При царском режиме никогда не было войн между ними. Напротив, Екатерина Вторая послала флоты к восточному и западному побережью США во время Войны за независимость, царь Александр Вто-

рой, освободивший крепостных, поддерживал Президента Линкольна в Гражданской войне между штатами, возникшей из-за освобождения рабов (не говоря уже о помощи СССР во Второй мировой войне и поставкам по Ленд-лизу).

♦ В книге приводится количество русских «ди пи», приехавших в США (с. 28 и далее), однако не упоминается, что многие русские записывались жителями иных стран из боязни насильственной репатриации. Поэтому точных цифр просто нет.

Надеюсь, что эти незначительные неточности будут исправлены в следующем издании книги. Тем не менее, этот труд уже является ценным «первопроходцем» в истории русских в США. И за это, большое спасибо Ольге Зацепиной и Александру Ручкину.

*Латушко Ю.В.
Latushko Yu.V.*

Российские и зарубежные молодые учёные обсудили проблемы и перспективы развития Тихоокеанской России и мира

**Russian and foreign young scientists have discussed the problems
and prospects of Pacific Russia and the world**

19 апреля 2012 г. в конференц-зале ДВФУ по адресу ул. Пушкинская 10 состоялось открытие XIII Всероссийской конференции молодых учёных (с международным участием) «Тихоокеанское время России и мира: культура, история, политика». Мероприятие проводили Институт

**Фото 1. Мастер-класс
«Антропология права» д-ра ист. наук,
профессора В.В. Бочарова
(Санкт-Петербургский
государственный университет)**

истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН совместно с Дальневосточным федеральным университетом. В его работе приняли участие молодые учёные: студенты старших курсов, аспиранты и соискатели, научные сотрудники и преподаватели вузов до 35 лет (включительно) из Владивостока, Хабаровска, Биробиджана, Благовещенска, Читы, Иркутска, Новосибирска, Ижевска, Санкт-Петербурга и Москвы – представители академической и вузовской науки.

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН проводит Дальневосточные конференции молодых историков, этнологов и археологов во Владивостоке раз в два года, начиная с 1990 г. За это время данный форум превратился в важное для начинающих учёных научное мероприятие, в рамках которого они могут обмениваться идеями по ключевым проблемам гуманитарных и социальных наук. Конференция 2012 г. собрала более пятидесяти участников из разных регио-

ЛАТУШКО Юрий Викторович, к.и.н., научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: latushko@mail.ru

**Фото 1. Доценты Д.Д. Беляев (РГГУ)
и Ю.В. Латушко (ИИАЭ ДВО РАН, ДВФУ)**

нов России, а также зарубежья (Китая, Германии), доклады которых были представлены на четырёх секциях (международных отношений; истории Дальнего Востока России; археологии и палеоэкологии; этнографии и антропологии). В этом году молодёжная конференция Института истории стояла в числе плановых мероприятий Российской академии наук.

На пленарном заседании выступили известные российские учёные: Виктор Лаврентьевич Ларин, д-р ист. наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН (доклад – Интеграция России в АТР: концепции, проблемы, перспективы); Павел Юрьевич Уваров, член-корреспондент РАН, д-р ист. наук, профессор, Институт

всеобщей истории РАН (История и антропология сегодня); Николай Сергеевич Розов, д-р филос. наук, профессор, Новосибирский государственный университет (Циклическая динамика, революции и перспективы российской политики); Дмитрий Михайлович Бондаренко, д-р ист. наук, профессор, заместитель директора Института Африки РАН (Второе Осевое время и глобальная трансформация культуры).

Кроме того, молодые учёные смогли принять участие в работе мастер-класса по юридической антропологии, который для них провёл профессор Санкт-Петербургского университета Виктор Владимирович Бочаров. А также обсудили феномен революции в рамках круглого стола «Антропология революций» (докладчики: Андрей Витальевич Коротяев, д-р ист. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; Николай Сергеевич Розов, д-р филос. наук, профессор, Новосибирский государственный университет; Сергей Гурьевич Комарицын, канд. ист. наук, доцент, Сибирский федеральный университет. Модератор: Юрий Викторович Латушко, канд. ист. наук, ст.н.с. ИИАЭ ДВО РАН). На круглом столе обсуждались причины и ход революций в арабских странах (так называемая «арабская весна»), а также уроки для России в контексте последних протестных событий в стране. Столь представительный состав дня открытия оказался возможным, в том числе, благодаря стараниям члена-корреспондента РАН Николая Николаевича

Крадина, который проводил несколькими днями ранее конференцию «Политическая антропология традиционных и современных обществ». Приглашённые ведущие специалисты страны с готовностью откликнулись на предложение участия и в работе молодёжного форума.

Конференция проходила в год проведения во Владивостоке Саммита АТЭС. Это важное событие не только для Дальнего Востока России, но и страны в целом, а также её соседей по региону. Неслучайна и тематика конференции. Считается общепризнанным, что XXI век – время Азиатско-Тихоокеанского региона, где всё более сосредотачиваются военное могущество, потоки капиталов, индустриальный рост. Накапливаемое могущество АТР приводит к фундаментальным изменениям в мировой политике и экономике, а также к тектоническим культурным сдвигам с далеко идущими историческими последствиями.

◆ Что это означает для России, стремящейся занять достойное место в регионе?

◆ Как эти процессы отражаются на других странах региона – лидерах и аутсайдерах?

◆ Можно ли рассматривать такой разнородный регион как Тихоокеанский с «холистских» культурологических, исторических и политологических позиций?

В ходе обсуждения данных проблем была выявлена высокая готовность молодой гуманитарной науки к осмыслению новых вызовов и поиску адекватных ответов посредством исследования исторического опыта и культурного многообразия России и стран АТР.

Научное мероприятие длилось три дня и завершилось 21 апреля экскурсией по самому большому в Приморье Красноярскому городищу (г. Уссурийск), бывшему некогда Верхней столицей чжурчжэньского государства Восточное Ся городом Кайюанем. Благодаря замечательному экскурсоводу Александру Леонидовичу Мезенцеву участники смогли прикоснуться к истории в буквальном смысле слова, а также познакомиться со строящимся при его непосредственном участии историко-ландшафтным парком.

**Фото 2. Член-корреспондент РАН
Н.Н. Крадин (ИИАЭ ДВО РАН, ДВФУ)**

В ходе заключительного импровизированного пикника-банкета было высказано мнение, что, несмотря на магию цифр, – 13-я конференция в 2012 г., – ни Саммит АТЭС, ни конец Света по календарю майя не являются граничными точками существования Ойкумены и её Дальневосточной части, а, значит, нам есть, что обсудить на 14-й конференции молодых учёных в 2014 г.

Оргкомитет конференции выражает свою глубокую признательность за помощь в её проведении директорам Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета в лице д-ра ист. наук, профессора Виктора Лаврентьевича Ларина и д-ра философских наук Феликса Евгеньевича Ажимова.

Подробнее с программой и тезисами конференции можно ознакомиться на сайте Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН: <http://ihaefe.org/>

Сокращения

ДФУ	Дальневосточный федеральный университет
ИИАЭ ДВО РАН	Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
РГАВМФ	Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота
РГВА	Российский государственный военный архив
РГГУ	Российский государственный гуманитарный университет
ЮВА	Юго-Восточная Азия

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и социологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, заведующий сектором экономического районирования Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** (*ответственный редактор*) – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и воспользоваться ссылкой в разделе "Новости".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не изменять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна. Например: ГАПК -Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Название материала, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ojkum.ru/> [Дата обращения: 01.01.2010 г.].
9. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
10. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru**
13. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
14. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
15. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

**Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.**

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2012 № 2 (21)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 30. 11. 2011 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 12,78. Уч. -изд. л. 13,46. Тираж 200 экз. Заказ 131
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

